UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00324402 7

375
57

Ек. Лѣткова.

МЕРТВАЯ ЗЫБЬ.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ.

I.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1900.

LIBRARY
AUG 26 1969
UNIVERSITY OF TORONTO

Дозволено цензурою 23-го августа 1899 г. С.-Петербургъ.

PG
3467
L43M44
t.1

МЕРТВАЯ ЗЫБЬ.

4 марта 189... г.

Человѣкъ только тогда интересенъ, когда говоритъ о себѣ самомъ», сказалъ вчера Львовъ. Какъ это противорѣчитъ тому, къ чему я привыкла съ дѣтства. Мать никогда не говоритъ о себѣ. Она говоритъ о книгахъ, о народѣ (больше всего о народѣ), о всеобщемъ обученіи, о гигіенѣ, обо мнѣ, о друзьяхъ, но о себѣ—никогда.. И меня она пріучила къ этому. Мнѣ стыдно говорить о себѣ даже съ мужемъ... А часто является какая-то тоска, какое-то желаніе высказаться, понять, разобраться... И тогда меня тянетъ писать... Сколько разъ въ минуты тревоги, сомнѣнія, горя я садилась за эту тетрадь. Но являлась малодушная боязнь пошлости такъ называемыхъ «дневниковъ», я начи-

нала искать форму, оригинальность,—ничего не выходило, и я бросала.

Я совсѣмъ не умѣю писать; у меня нѣтъ пріемовъ, нѣтъ нужныхъ словъ и выраженій. Да я и не хочу «литературы». Я хочу правды, хочу ясности, главное — хочу искренности. А это труднѣе всего. Мы всѣ съ дѣтства уже такъ отравлены рисовкой, что почти невозможно освободиться отъ нея... И эта рисовка особенно выплываетъ въ письмахъ и въ дневникахъ... «Мы»! Не мы, женщины, а всѣ мы — люди; мужчины рисуются не меньше женщинъ... Только нѣкоторые побольше, другіе поменьше.

И я всю жизнь рисовалась чѣмъ-нибудь: рисовалась исканіемъ правды, рисовалась тѣмъ, что ни въ чемъ не находила удовлетворенія, пыталась «постичь», бросалась изъ конца въ конецъ, принималась серьезно учиться, хотѣла приносить пользу и кончила тѣмъ, что вышла замужъ за красавца-гвардейца. И вотъ пять лѣтъ я рисуюсь своимъ семейнымъ счастьемъ, моими семейными добродѣтелями... Я сознаю, что я самая обыкновенная женщина и не имѣю права занимать кого-нибудь своею особой. Я даже хотѣла поставить въ заголовкѣ этой тетради: «Дневникъ *обыкновенной* женщины». Но для чего

заглавіе? Я пишу только для себя, для себя одной и хочу говорить здѣсь все, что у меня есть въ головѣ и на сердцѣ.

Сегодня мнѣ отчего-то особенно тоскливо... Мартовское солнце свѣтитъ черезчуръ ярко... Хочется плакать отъ его веселыхъ лучей.

5 марта.

Вчера мнѣ помѣшали писать. Пришла Ольга Совѣтова со своимъ страннымъ горемъ, со сво ими непонятными слезами. Она замужемъ года четыре, влюблена въ мужа, обожаетъ дѣтей .. И постоянно плачетъ... И приходитъ плакать ко мнѣ, а я не могу себѣ представить, какъ, любя человѣка, можно горевать о томъ, о чемъ горюетъ Ольга. Ея мужъ влюбленъ въ княгиню Т. Ей уже лѣтъ тридцать пять, но она «все еще хороша», какъ говорятъ про женщинъ извѣстнаго возраста; у нея мужъ, четверо дѣтей, большое состояніе, большая свита. Прошлаго года изъ этой свиты она выбрала мужа Ольги, благообразнаго адвоката, серьезнаго и умнаго человѣка. Не забуду, съ какой радостью прилетѣла ко мнѣ Ольга, какъ захлебывалась она отъ счастья, что мужъ ея повеселѣлъ, ожилъ; она «подъ страшнымъ секретомъ» разсказала мнѣ

*

все: какъ она догадывалась о несчастной любви Бориса, какъ страдала за него, какъ слѣдила за его мучительными безсонными ночами и сама не спала съ вечера до утра.. Въ одну изъ такихъ безсонныхъ ночей онъ и разсказалъ ей «все», и она плакала вмѣстѣ съ нимъ. А потомъ — это было прошлой весной — наступило счастье... Совѣтовы поселились въ Петергофѣ, потому что тамъ жила княгиня Т.; Борисъ всѣ вечера проводилъ у нея или съ нею, и моя Ольга была въ восторгѣ. Ей тоже все нравилось въ княгинѣ: и ростъ, и золотистые волосы, и улыбка, и шляпы, и выѣздъ... Она, подъ предлогомъ заботъ о дѣтяхъ и домѣ, оставила знакомство съ княгиней только на визитахъ, чтобы «не мѣшать мужу», и искренно радовалась его радостямъ. Вся зима была для Ольги наполнена счастьемъ ея Бориса... Она передавала мнѣ всѣ свои тревоги о немъ, всѣ свои радости за него. И только объ одномъ заботилась, чтобы никто не зналъ объ этомъ «романѣ», какъ называетъ она всегда отношенія мужа къ княгинѣ. Я не понимаю, что при этомъ говоритъ въ ней: боязнь быть смѣшной? Искренняя забота о репутаціи княгини Т.? Оскорбленное самолюбіе, если узнаютъ, что она—несчастная жена? Такъ неужели же оскор-

бленное самолюбіе больнѣе нераздѣленной любви? Для нѣкоторыхъ, кажется,—да.

Вчера Ольга пріѣхала ко мнѣ заплаканная, разстроенная.

— Что случилось?—прямо спросила я.

— Уѣзжаетъ, — какъ-то глухо и безнадежно проговорила Ольга.

— Кто? Куда?

— Княгиня .. уѣзжаетъ... И тотъ тоже ѣдетъ...

Я ничего не понимала и боялась спрашивать, боялась, что «тотъ»—мужъ Ольги.

Она опять заговорила возбужденно и со слезами въ голосѣ:

— Я уже давно подозрѣвала... Только Борѣ не говорила... Весь постъ она была неразлучна съ этимъ Чистовскимъ... Весь постъ! И въ итальянской оперѣ, и во всѣхъ концертахъ и на concours hippiques—все вмѣстѣ... Только Боря не замѣчалъ, бѣдный!

Она замолчала. Мнѣ надо было что-нибудь сказать.

— Куда же она уѣзжаетъ?

— Говоритъ, что въ Франценсбадъ... А что тамъ Чистовскому дѣлать?.. Бѣдный Боря! Туча-тучей!... У насъ дома опять тоска и печаль... Дѣти

скучные такіе... Я не могу такъ жить, Лёля! Я поѣду къ ней!

— Къ кому? Къ княгинѣ?

— Да. Къ ней.

— Зачѣмъ?

— Умолять ее не уѣзжать... Вѣдь мой Борисъ съ ума сойдетъ... Онъ не перенесетъ этого... Зачѣмъ же она цѣлый годъ держала его на привязи? Зачѣмъ показывала, что онъ дорогъ ей?.. Неужели этотъ идіотъ Чистовскій милѣе для нея?

Она горько заплакала. Вошелъ мой мужъ, и Ольга сразу овладѣла собою.

— Меня такъ намучилъ дантистъ, что я заѣхала къ Лёлѣ выплакаться... Такъ слезы и льются, помимо воли...

И она весело разсмѣялась. Владиміръ, кажется, не заподозрилъ искренности ея словъ.

Прощаясь со мной, она значительно прошептала мнѣ:

— Никому на свѣтѣ!..

Она все еще надѣется, что никто не знаетъ о любви ея мужа и княгини... Да, это секретъ Полишинеля. Еще на-дняхъ, у насъ, говорили объ этомъ громко, точно дѣло шло о всѣмъ извѣстной пьесѣ и ея исполнителяхъ Владиміръ,

со своей прямолинейностью и честностью, возмущался этой исторіей и горячо нападалъ на Совѣтова:

— Сорокалѣтній болванъ! Милая жена, двое дѣтей, дѣлъ много, а онъ за этой Мессалиной бѣгаетъ всюду...

Помню, что Львовъ заступился за княгиню; тогда мужъ началъ пересчитывать всѣ ея исторіи и нападалъ на ея «откровенное непостоянство».

— Она смѣла,—сказалъ Львовъ,—и въ этомъ ея большая заслуга. Мы, русскіе, вообще не умѣемъ «смѣть». А женщины и подавно. Онѣ всегда рабы: рабы родителей, рабы мужа, рабы дѣтей, а больше всего рабы общества, условностей, рукавовъ пузырями, того, что «принято» и «не принято» и тому подобныхъ глупостей.

Надо было видѣть красивые глаза моего Владиміра. Какъ изумленно, почти испуганно онъ глядѣлъ на Львова.

6 марта.

Какъ я завидую Ольгѣ: она умѣетъ жаловаться, умѣетъ говорить о своемъ горѣ, умѣетъ плакать... Я или не умѣю, или мнѣ не съ кѣмъ быть откровенной. Я люблю мужа, но мнѣ и въ голову

не придетъ разсказывать ему, что проходитъ у меня въ головѣ. Я обожаю мать и не могу съ ней говорить о себѣ. Почему это? Почему я, не живя ни одного дня одна, вѣчно одинока?

Весь вечеръ читали «Barbey d'Aurevilly». Какъ Львовъ хорошо читаетъ: онъ увлекается самъ и увлекаетъ читателя.

Владиміръ, по обыкновенію, весь вечеръ въ клубѣ.

---

9 марта.

Весна! Всѣ заговорили объ отъѣздѣ. Какъ я не люблю этого! Не люблю весны... Ночи безъ сна, дни безъ покоя... Отчего это? — сама не знаю.

— Ты слишкомъ много читаешь, — сказалъ мнѣ какъ-то мужъ.—Львовъ всѣ нервы издергалъ тебѣ своими французскими книжками.

Мать тоже находитъ, что современное направленіе французской литературы вредно, а нѣкоторыхъ писателей прямо зоветъ «сумасшедшими». Только въ этомъ она и сходится съ Владиміромъ, во всемъ же остальномъ они—антиподы. Мать ненавидитъ моего мужа и это отравляетъ мнѣ счастье... Я постоянно между двухъ

огней. Я молюсь на мою мать, ставлю ее выше всѣхъ на свѣтѣ и въ то же время люблю мужа, котораго мама не выноситъ. Она его никогда не выносила.. Еще когда онъ мальчикомъ бывалъ у насъ, она называла его «фанфарономъ» и «ничтожествомъ», и только оттого, что у него въ Петербургѣ кромѣ насъ не было родственниковъ, къ кому бы онъ могъ ходить въ отпускъ, она разрѣшала ему бывать у насъ. Она хотѣла, чтобъ я училась, читала серьезныя книги, развивала себя. И ей было тяжело, когда я искренно веселилась съ милымъ юнкеромъ кавалерійскаго училища, приносившимъ къ намъ беззаботное веселье, громкій смѣхъ, здоровье и молодость. Потомъ, когда Владиміръ вышелъ въ гвардію и завертѣлся въ петербургскомъ свѣтѣ, я какъ-то забыла о немъ. Онъ мало-по-малу совсѣмъ исчезъ изъ нашей жизни. Я окончила гимназію и стала серьезно заниматься; ходила на лекціи, училась добросовѣстно, читала усердно. Мама руководила моими занятіями и давала мнѣ темы для моихъ работъ. Я и теперь глубоко сочувствую преданности мама идеѣ нравственной и физической гигіены среди крестьянскихъ дѣтей. Она вся отдалась этому вопросу, много пишетъ для школьныхъ библіотекъ, издала множество книгъ

для бабъ и для дѣтскаго чтенія.. Въ первый же годъ по окончаніи мною гимназіи она издала мой разсказъ о вредѣ лжи. Разсказъ назывался «Врунья» и въ немъ, въ доступной для ребятъ формѣ, доказывалась безнравственность лжи.. Мама была довольна мною, но я—нѣтъ. Мнѣ хотѣлось чего-то добиться, хотѣлось вѣрить, что я дѣлаю хорошее, полезное дѣло. И никогда я не могла достичь этого. Я писала по маминой программѣ, помогала ей въ издательствѣ, была постоянно занята и все-таки тосковала. Какое-то неясное сомнѣніе не давало мнѣ покоя, убивало энергію .. Мать, съ непоколебимой вѣрой въ свое дѣло, или не замѣчала моихъ сомнѣній, или не находила нужнымъ считаться съ моими взглядами. Помню, иногда хотѣлось бѣжать куда-нибудь отъ грустныхъ разговоровъ, отъ мрачныхъ картинъ, отъ возмущающихъ душу фактовъ. Къ намъ приходили друзья мама, и я постоянно жила въ воздухѣ благороднаго возмущенія и безсильнаго негодованія. Я сочувствовала всѣмъ имъ и возмущалась и негодовала вмѣстѣ съ ними, а все-таки тосковала и безсознательно ждала чего-то другого. Я усердно работала, искренно собиралась идти въ сельскія учительницы, рѣшила—какъ мать—посвятить

себя пользѣ и благу темнаго ближняго и тосковала и чего-то ждала. Когда я говорила объ этомъ матери или ея друзьямъ, они не понимали меня, иногда смѣялись надо мною, и я мало-помалу ушла отъ нихъ, ушла въ себя. Мама не выносила противорѣчій, не допускала непониманія ея взглядовъ. Я не могла безусловно подчиняться ея требованіямъ, не могла думать, говорить и жить по ея шаблону, и страстно желала свободы, радости, счастья.

Разъ, въ такомъ настроеніи (мнѣ уже шелъ двадцать второй годъ), я бродила съ матерью по выставкѣ картинъ. Въ окна смотрѣлъ мрачный февральскій день; мокрый снѣгъ лѣниво опускался на землю и сейчасъ же таялъ; небо было одного цвѣта съ грязной землей. Кругомъ изъ золотыхъ рамъ смотрѣли на насъ сѣрые пейзажи, умирающіе дѣти и голодные мужики. Мама подолгу останавливалась передъ нѣкоторыми картинами и восхищалась «идеей». Я зѣвала. Мнѣ хотѣлось солнца, синяго неба, красоты.

— Лёля! услыхала я около себя веселый голосъ.

Оглянулась: Володя Барминъ, здоровый, свѣжій, бодрый.

— Какая вы хорошенькая стали! — удивленно

замѣтилъ онъ, сверкая своими крупными зубами.

Мнѣ сразу стало весело, хотя я видѣла, что мамѣ передернуло отъ «пошлости», сказанной Володей.

Мы заговорили о томъ, какой ужасный городъ Петербургъ, гдѣ даже родственники годами не встрѣчаются, заговорили о себѣ, о дѣтствѣ, о чемъ-то совсѣмъ не похожемъ на голодныхъ мужиковъ и больныхъ дѣтей. Теперь я не припомню, о чемъ собственно мы говорили, но помню, что когда мы возвращались съ мамой домой, меня занимали хлопья снѣга, шлепавшія меня по щекамъ, и я отчего-то громко и много смѣялась.

Володя сталъ бывать у насъ каждый день. Мы, т.-е. я и мои двѣ кузины, смѣялись надъ его невѣжествомъ, надъ его беззаботнымъ отношеніемъ къ жизни, надъ его выхоленностью и нарядностью, — но и его невѣжество, и его беззаботность, и его изящество были милы намъ. Онъ поддразнивалъ меня моею ученностью, прозвалъ меня почему-то Шарлоттой Кордэ и смѣшилъ насъ всѣхъ до упаду. Вся зима прошла въ сплошномъ весельѣ: я очнуться не успѣла, какъ ужъ Володя говорилъ мнѣ «ты» и цѣло-

валъ меня. Мама̀ и слышать не хотѣла, чтобъ я вышла за него замужъ. Она не могла «не отдать» меня: это было противъ ея принциповъ, но она считала своимъ долгомъ постоянно говорить, что Барминъ—ничтожество, что онъ невѣжда... Даже его здоровье, его красоту, его хорошій аппетитъ мама̀ ставила ему въ упрекъ. А мнѣ именно и нравилось, что онъ такой красивый, здоровый, такой нормальный... Я была совершенно счастлива, когда изъ всѣхъ насъ (двѣ мои кузины были тоже влюблены въ него, и Ольга Совѣтова тоже немного) онъ выбралъ меня. Я такъ сіяла счастьемъ, что мнѣ было стыдно. И я не могла тогда сердиться ни на кого, не то что на мама̀. Помню, разъ вечеромъ она пришла ко мнѣ такая блѣдная, взволнованная и заговорила о Володѣ, а я смотрѣла на прямыя пряди ея обстриженныхъ торчащихъ изъ-за уха, волосъ, и думала: «Бѣдная мама̀! Она никогда въ жизни не любила по-настоящему и ничего не понимаетъ!» А она въ это время говорила, что не «того» ожидала отъ меня, что считала меня «серьезнымъ человѣкомъ» со «стремленіями» и съ «запросами». Она сказала, что ей стыдно за меня. Я наконецъ разсердилась, и безжалостно бросила ей:

— Я люблю его больше всѣхъ въ мірѣ.

— Ты не можешь любить его,—кротко сказала мнѣ мама.

— Почему?

— Ты слишкомъ умна и серьезна, чтобы любить такого человѣка. Ты просто влюбилась въ него. Проанализируй свои чувства, Лёля, и тогда рѣшай, что дѣлать... Еще не поздно взять назадъ слово.

Я анализировала на всѣ лады и ничего не выходило. Я чувствовала, что милѣе Владиміра для меня никого не было. Мнѣ было стыдно, что я совсѣмъ забросила серьезныя книги и умные разговоры; мнѣ самой казалось страннымъ, что я, изо всѣхъ нашихъ знакомыхъ, выбрала красиваго офицера, я даже вначалѣ точно стыдилась моего чувства и при другихъ старалась показывать снисходительное равнодушіе къ Владиміру. Но каждый разъ, когда онъ приходилъ, я совсѣмъ не вспоминала ни о моемъ стыдѣ, ни о книгахъ, ни объ «умныхъ разговорахъ».

Чѣмъ дальше, тѣмъ безпощаднѣе становилась мать къ моему жениху; она находила его и пустымъ, и необразованнымъ, съ отсталыми понятіями; разъ даже сказала, что онъ просто «красивое животное»... Тогда я разсердилась и все

разсказала Владиміру (выдала мать!), онъ поцѣловалъ меня и сказалъ:

— Я тебя еще больше люблю за это!!

Мнѣ стало весело, и мы назначили день свадьбы. Конечно, съ моей стороны было непростительной глупостью разсказать все Владиміру. Я навсегда испортила отношенія мужа съ мамà. И мнѣ это очень тяжело. Я не могу жить безъ нихъ обоихъ и постоянно разрываюсь. Владиміръ добрый и милый со всѣми, не можетъ скрыть своего раздраженія противъ мамà, а она до сихъ поръ, т.-е. черезъ пять лѣтъ, не вѣритъ, что я люблю мужа... А я искренно люблю его, только... мнѣ скучно съ нимъ. Вотъ почему я и завела эту тетрадь...

---

20 марта.

Забѣгала Ольга. Кажется, княгиня раздумала уѣзжать, и она въ восторгѣ.

Былъ Львовъ. Собирается ѣхать за границу. Мужъ послѣ его ухода забавно представлялъ, какъ онъ говоритъ, растягивая слова, что его тянетъ въ Италію, эту страну, «обмытую темно-синимъ моремъ, покрытую темно-синимъ небомъ». гдѣ и на улицахъ, и въ музеяхъ, и въ домахъ онъ видитъ великіе образцы высочай-

шаго и совершеннѣйшаго искусства.. Мужъ такъ похоже представляетъ Дмитрія Александровича, что я разсердилась. Львовъ другъ его матери, знаетъ Владиміра съ дѣтства, бываетъ у насъ почти каждый день—и мужъ постоянно смѣется надъ нимъ и за глаза насмѣшливо зоветъ его «избранная натура». Это прозвище явилось вслѣдствіе одного разговора. Львовъ разсказывалъ про многіе годы своего житья за границей, вспоминалъ, какъ онъ цѣлыми мѣсяцами «жилъ» въ какой-нибудь одной комнатѣ музея, изучая, наслаждаясь.

Мужъ долго слушалъ его и когда Львовъ замолчалъ, спросилъ его:

— Ну и что же?

— Какъ что?—не понялъ его Львовъ.

— Вы сами-то дѣлаете что-нибудь?

— Въ какомъ смыслѣ?—удивленно спросилъ Львовъ.

— Работаете? Занимаетесь чѣмъ-нибудь?—пояснилъ Владиміръ.

— А зачѣмъ?

— Какъ зачѣмъ?

— Да я спрашиваю васъ, зачѣмъ работать.

Мужъ растерялся немного.

— Я даже не знаю, что вамъ отвѣтить..

Какъ жить, ничего не дѣлая? Я не понимаю... Если вамъ не нуженъ заработокъ, то хотя бы для карьеры.. Наконецъ, для пользы государства...

— Видите ли, милый Владиміръ Степановичъ,—сказалъ Львовъ послѣ довольно продолжительнаго молчанія, — я много думалъ объ этомъ, пока дошелъ до моего ничегонедѣланія. . Вѣдь дѣятельность –что-то ограниченное, условное. По вашему какая-нибудь дѣятельность полезна, по моему вредна... И я не вижу абсолютно полезнаго дѣла... А я не могъ бы отдаться чему-нибудь всецѣло, еслибъ сомнѣвался въ этомъ.

Мужъ молчалъ. Замолчалъ и Львовъ.

Тогда я спросила его:

— И вамъ не скучно?

— Нисколько. Неужели веселѣе сидѣть въ департаментѣ, или учить солдатъ разстрѣливать себѣ подобныхъ, или писать никому ненужныя книги, или учить грамотѣ деревенскихъ ребятъ, чтобы они къ двадцати годамъ забыли ее? Плодить «рецидивистовъ неграмотности»!.. Не думаю, чтобы свобода была скучнѣе всего этого. А только тотъ свободенъ, «кто сидитъ, ничего не дѣлая, и наблюдаетъ».

— И такъ вся жизнь пройдетъ?

— Что-жъ? «Нужно стараться быть чѣмъ-нибудь, а не сдѣлать что-нибудь», сказалъ одинъ англійскій писатель. И развѣ это не правда?

— Хорошо, у кого есть средства на это,— отвѣтилъ ему мужъ.

Мнѣ стало непріятно отъ этихъ словъ Владиміра. Не знаю почему: отъ рѣзкости ли тона, или отъ смысла фразы. Львовъ спокойно улыбнулся и сказалъ:

— Мои средства вы знаете. Заработокъ былъ бы для меня не лишнимъ. Но онъ покупается слишкомъ большой жертвой—лишеніемъ свободы и компромиссами. Я не могу идти ни на то, ни на другое. Вы спросили меня вчера, у Марьи Михайловны, отчего я не женился. Я отвѣтилъ вамъ какой-то шуткой. А сегодня скажу серьезно: все та же неспособность на жертву и на компромиссы. А пожалуй то же сомнѣніе, какъ и относительно труда: нужно ли это? И та же увѣренность, что бракъ, какъ трудъ,—что-то ограниченное и условное.

Вдругъ онъ разсмѣялся и, обратившись въ мою сторону, сказалъ мнѣ:

— Пожалуйста, не слушайте, что я говорю... Я не знаю, почему я сегодня такой искренній... Обыкновенно я отвѣчаю шутками... Когда меня

спрашиваютъ: отчего я не женюсь?—я отвѣчаю, что слишкомъ люблю чужихъ женъ, чтобы любить свою собственную; когда же удивляются, отчего я не работаю,—я говорю словами того же англійскаго писателя: «избранныя натуры не должны ничего дѣлать».

— И признайтесь, сами вѣрите этому?—спросилъ мужъ.

— Немного.

Всѣ добродушно разсмѣялись, но насмѣшливое прозвище «избранная натура» такъ и осталось за Львовымъ. И это гадость со стороны Владиміра.

---

26 марта. Пасха.

Разъ пятьдесятъ пришлось отвѣтить на вопросы: «гдѣ были у заутрени? Гдѣ разговлялись?» Нигдѣ!..

---

28 марта.

Устала. Устала отъ ненужныхъ посѣтителей, отъ ненужныхъ разговоровъ, вообще отъ «ненужности» каждаго дня.

Львовъ вернулся изъ деревни: мужъ видѣлъ его у своей maman. Почему онъ не заѣхалъ къ намъ?

29 марта.

Я, кажется, нездорова... Мѣста себѣ не нахожу... И какъ ему не скучно говорить все объ одномъ и томъ же: служба и maman!.. Кромѣ этого ничто его не интересуетъ, ничто и никто... Служба и maman! Пять лѣтъ я слышу все одно и то же съ маленькими варіаціями. Пять лѣтъ! Я замужемъ уже пять лѣтъ; только пять лѣтъ. Помню, какая радость билась у меня въ сердцѣ, когда меня водили кругомъ аналоя, рядомъ съ красавцемъ Володей, и стройный хоръ пѣлъ въ нашу честь «гимнъ счастья». Я оглядывалась кругомъ: грустная мама, задумчивыя кузины снисходительно-участливыя лица маминыхъ друзей, красные мундиры шаферовъ, ордена и ленты моихъ новыхъ родственниковъ. Мигающія свѣчи въ паникадилахъ, свѣтлыя ризы, торжественное пѣніе. Я была такъ счастлива, что тутъ же хотѣла броситься на шею Володѣ. Мнѣ казалось, что смыслъ жизни найденъ. Или по крайней мѣрѣ казалось, что незачѣмъ искать его. А потомъ— новое положеніе полковой дамы, новыя знакомства, новыя отношенія. Мужъ баловалъ меня; у него оказался прекрасный характеръ, прекрасный аппетитъ и прекрасное здоровье. А для

семейной жизни это громадное удобство! Я занималась хозяйствомъ, увлекалась обстановкой, туалетами, пріемами и, кажется, была совершенно счастлива. Отчего же мнѣ съ первыхъ же недѣль жизни въ казармахъ было такъ тяжело? Я была счастлива и томилась какой-то непонятной для меня тоской и невозможностью признаться кому-нибудь въ этой тоскѣ. И мама, должно быть, замѣчала мою тоску, и меня это раздражало Она приносила мнѣ книги, журналы, передавала, что дѣлается въ ихъ кружкѣ, куда стремятся ея «хорошіе люди», старалась не замѣчать, что мужъ подтруниваетъ надъ ея дѣломъ, что я охладѣла къ ея стремленіямъ. Она объясняла мое равнодушіе къ общественнымъ вопросамъ тѣмъ, что я начала жить сознательно въ «антрактъ общественной жизни Россіи». Я каждый разъ безпощадно говорила ей, что люблю мужа и хочу быть только хорошей женой. Я не знаю, вѣрила ли я этимъ словамъ. Кажется, вѣрила. Я въ одинъ годъ какъ-то завяла нравственно, какъ-то ничто меня не радовало. Почему? Владиміръ былъ по-прежнему ласковъ со мной, но его ласки утомляли меня. Безконечные поцѣлуи, все одни и тѣ же слова казались мнѣ скучными, и я украдкой зѣвала.

сидя долгими часами въ объятіяхъ мужа. Не знаю, о чемъ думалъ онъ въ эти часы. Я же часто думала совсѣмъ не о немъ, не о поцѣлуяхъ, не объ объятіяхъ. И мнѣ хотѣлось бѣжать къ мамà, разсказать ей все, умолить ее научить меня быть счастливой. Но я не шла: я не могла бывать тамъ, гдѣ не любили Владиміра, гдѣ не одобряли моего брака съ нимъ, гдѣ смотрѣли на меня съ сожалѣніемъ.

Потомъ вдругъ опять все измѣнилось во мнѣ. Я опять расцвѣла.

Разъ мамà пріѣхала ко мнѣ съ рѣшеніемъ снова заинтересовать меня своимъ дѣломъ.

— Лёля! У меня спѣшная работа... Не возьмешься ли ты помочь мнѣ?

Я хотѣла сказать ей: «да, конечно», но почти противъ воли объявила ей:

— Я беременна.

Мамà была трогательно радостна и довольна. Уѣзжая она какъ-то особенно бережно поцѣловала меня и серьезно спросила:

— Ты счастлива?

— Очень!—отвѣтила я ей искренно.

— Это все, чего, въ сущности, я хочу для тебя, — сказала мамà и съ тѣхъ поръ какъ-то отошла отъ меня.

Но мнѣ никого и не надо было. Беременность была сплошнымъ физическимъ страданіемъ сплошнымъ нравственнымъ праздникомъ. Всѣ старанія были направлены на то, какъ бы заглушить и успокоить тошноту, какъ бы лечь такъ, чтобы не было больно мнѣ или вредно для «него»; всѣ думы были отданы «ему», этому будущему человѣку, уже жившему во мнѣ. Я знала. для чего я ѣмъ, для чего сплю, для чего гуляю по нѣсколько разъ въ день. Все вдругъ получило смыслъ: все дѣлалось для того, кто воплощалъ въ себѣ великій міровой законъ, и этому закону я подчинялась съ полнымъ сознаніемъ долга, отдавала ему всѣ свои заботы, всѣ думы и мечтанія.

Мужъ водилъ меня гулять, былъ нѣженъ и заботливъ, но я какъ-то перестала замѣчать его присутствіе, перестала скучать въ его отсутствіи Какая-то тихая радость неустанно горѣла въ моемъ сердцѣ. Послѣдніе два мѣсяца я не могла лечь ни на правый, ни на лѣвый бокъ, ни на спину: меня душило; я цѣлыми ночами не спала и переносила это безъ малѣйшаго ропота, скорѣе съ удовольствіемъ отъ сознанія, что для «него» отреклась отъ удобствъ и покоя, что «ему» уже нужны мои жертвы.

Къ концу беременности я была худа какъ скелетъ; верхняя губа обтянула зубы и какъ-то странно измѣнила мое лицо. Теперь, когда мнѣ такъ хочется быть изящной и красивой, я не могу понять, какъ я рѣшилась тогда сняться? Я была такъ счастлива, что хотѣла увѣковѣчить себя въ томъ видѣ, въ какомъ я испытала, казалось мнѣ, наивысшую радость. Я снята съ зализанными наверхъ волосами, въ безобразномъ коричневомъ капотѣ, высоко приподнявшемся спереди. Щеки ввалились, глаза ушли куда-то глубоко, но на всемъ лицѣ такое спокойствіе, такая радость, какой, конечно, у меня не бывало послѣ этого.

Когда мнѣ поднесли темно-красный комочекъ, со сморщеннымъ лицомъ и налипшими черными волосками на головѣ, мнѣ показалось, что это что-то чужое, не мое, и только черезъ нѣсколько секундъ я поняла, что это мой ребенокъ, моя дочь. Она такъ изумленно смотрѣла на меня своими большими, неопредѣленнаго цвѣта глазами, точно спрашивала: «зачѣмъ вы дали мнѣ жизнь?» И мнѣ стало страшно. И этотъ страхъ все время шелъ рядомъ со счастьемъ имѣть ребенка. Когда мнѣ подносили кормить мою Иру и она жадно хватала беззубымъ ротикомъ грудь, а сама вкось

упорно смотрѣла на меня, я опять читала въ ея взглядѣ тотъ же вопросъ и со страхомъ думала: какъ я отвѣчу ей?

Разъ я сказала объ этомъ мужу. Онъ возразилъ мнѣ:

— Все ты мудришь... Милліоны женщинъ рожаютъ, милліоны дѣтей родятся и никогда не спрашиваютъ матерей, зачѣмъ они родятся.

Мнѣ стало досадно, зачѣмъ я заговорила съ мужемъ объ этомъ. Онъ не могъ понять меня.

Я кормила сама и поэтому не могла выѣзжать, забросила знакомыхъ. Владиміръ ѣздилъ одинъ, и я цѣлыми днями, цѣлыми вечерами сидѣла надъ корзиночкой моей Иры и наслаждалась моимъ одиночествомъ. (Можетъ быть, я въ это время и отвыкла отъ мужа?) Все въ моей дѣвочкѣ доставляло мнѣ радость: и ея слабый голосокъ, и какой-то особый запахъ молока и дѣтскаго тѣльца, и лайковая кожа, забавно сморщенная на перехватахъ ножекъ и ручекъ, и круглые пальцы на ножкахъ — точно крупныя горошины, и беззубый, мягкій ротикъ. Все мнѣ было мило, дорого, все давало и физическое, и нравственное ощущеніе радости и счастья. Только ея глаза смущали меня. Что могла я ей отвѣтить? Въ лучшемъ случаѣ я могла обѣщать

ей мою участь. Но развѣ для этого стоило давать ей жизнь?

Не помню, по какому поводу мы заговорили съ мужемъ на эту тему.

— Ты счастливѣйшая женщина въ мірѣ,— сказалъ онъ мнѣ съ убѣжденіемъ:—живешь въ теплой квартирѣ, вкусно ѣшь, ни въ чемъ не чувствуешь недостатка, мужъ тебя любитъ, льститъ твоему самолюбію. Ты красива, за тобой всѣ ухаживаютъ. Чего же еще тебѣ надо? Дай Богъ нашей Ирѣ такого счастья.

— А ты?—спросила я его.

— Что я?

— Ты тоже счастливѣйшій человѣкъ?

— Конечно.

И онъ сказалъ это съ такимъ убѣжденіемъ, что нельзя было ни секунды сомнѣваться въ его искренности.

Ира росла, черты лица начали опредѣляться и стали забавно походить на черты моей матери: тотъ же сухой, узкій носъ и тонкія губы съ поднятыми наверхъ углами. Я иногда долго, долго смотрѣла на нее и думала, что, если ее ждетъ судьба моей матери? Я видѣла заплаканное блѣдное лицо бѣдной мамá надъ умирающимъ сыномъ (моимъ братомъ), видѣла ее уби-

тую горемъ послѣ смерти мужа, когда она цѣлыми сутками лежала безъ движенія, видѣла ея грустные глаза на свадьбѣ дочери и тоску и мученія одиночества. И мнѣ становилось страшно за Иру: я бросалась къ ней и просила у нея прощенія за то, что дала ей жизнь.

Шести мѣсяцевъ она уже сидѣла и пыталась что-то говорить. Мы съ няней умѣли изъ этихъ звуковъ создавать цѣлыя фразы и вели длинные разговоры втроемъ.

А потомъ... Потомъ было что-то ужасное. Пошли зубы, пошли безконечныя страданія. Дѣвочка совершенно измучилась, исхудала; тѣльце превратилось въ скелетъ, обтянутый сморщенной кожей. Одинъ докторъ сказалъ, что я должна бросить кормить, такъ какъ отъ постояннаго волненія, безпокойства, отъ безсонныхъ ночей — молоко стало вреднымъ для ребенка. Другой докторъ совѣтовалъ кормить, говорилъ, что дѣвочка слишкомъ слаба, чтобы ее переводить на другое кормленіе. И я ухватилась за это рѣшеніе доктора и не отказалась отъ громаднаго наслажденія—кормить своего ребенка. Зачѣмъ я это сдѣлала? Можетъ быть, Ира осталась бы жива, если бы не мой эгоизмъ?.. Мое молоко не могло быть хорошимъ: я не была по-

койной ни днемъ, ни ночью. Всѣ мои думы, всѣ желанія были направлены на то, чтобы Ира заснула, чтобы Ира успокоилась... Какъ-то разъ она задремала у моей груди, и я сидѣла неподвижно, боясь разбудить ее. Вдругъ она закричала острымъ, протяжнымъ крикомъ. Я не знаю, что со мной сдѣлалось. Мнѣ хотѣлось самой кричать вмѣстѣ съ дѣвочкой. Я страдала остро и невыносимо, такъ же, какъ страдала она. Я помню, какъ пришелъ докторъ, какъ онъ качалъ головою, помню, какъ плакала няня... Но все это было что-то наружное, внѣшнее. Внутри меня уже было что-то болѣе ужасное, болѣе важное. Докторъ приходилъ по нѣсколько разъ въ день, и я съ ума сходила при видѣ термометра, когда тонкая, бѣлая полоска ртути переходила за сорокъ.

На третьи сутки ночью я заснула около Иры. Она лежала поперекъ няниной кровати. Я сидѣла на полу, прислонившись головой къ постели няни, и сама не помню, какъ заснула.

— Барыня!—услыхала я испуганный голосъ няни.

Я вскричала и все поняла. Ира затихла и только тяжело дышала. Глаза были широко раскрыты и прямо смотрѣли на меня. Я взяла ее

на руки, хотѣла дать ей грудь, но она не взяла ее и только продолжала дышать тяжело и глубоко.

— Няня? Да неужели же?—закричала я въ отчаяніи.

— Божья воля,—отвѣтила няня, всхлипывая.

Я стала какъ безумная цѣловать дѣвочку: мнѣ хотѣлось передать ей всю мою жизнь, все мое тепло, всю душу. Но Ира вдругъ замолкла, вздохнула еще разъ, вытянулась и потемнѣла. Глаза такъ и остановились на мнѣ съ вопросомъ: «Зачѣмъ вы дали мнѣ жизнь? Зачѣмъ вы дали мнѣ страданія?»

Я сидѣла надъ похолодѣвшимъ трупомъ и не могла понять, что случилось. Куда же дѣлась та сила, которая за минуту еще до этого давала и смыслъ, и радость моему существованію? Кому понадобилась жизнь Ирины? Зачѣмъ она появилась на свѣтъ?

— Надо барина разбудить,—сказала няня.

Мужъ плакалъ надъ дочерью какъ ребенокъ. Онъ говорилъ, что докторъ предупреждалъ его, что Ирина не перенесетъ четырехъ зубовъ сразу, но онъ не думалъ, что это случится такъ скоро.

Няня закрыла дѣвочкѣ глаза и положила на

нихъ по копейкѣ. Но правый глазъ все-таки остался полуоткрытымъ и даже изъ гроба спрашивалъ меня: «Зачѣмъ же вы дали мнѣ жизнь?»

Тутъ я поняла, какая страшная отвѣтственность имѣть дѣтей, пускать ихъ въ жизнь, т. е. навязывать имъ страданія и вѣчную борьбу. Я не могу взять на себя этой отвѣтственности, не могу добросовѣстно и спокойно ссылаться на какіе-то міровые законы, не могу оправдываться тѣмъ, что всѣ женщины производятъ на свѣтъ, и не мудрствовать надъ этимъ, какъ говоритъ мужъ.

А безъ дѣтей пусто и не для кого жить.

Ночь.

Не спится. Воспоминанія объ Ирѣ разбудили во мнѣ какую-то особую нѣжную тоску. Не могу плакать, не умѣю молиться. Мужъ спитъ крѣпкимъ, спокойнымъ сномъ здороваго и спокойнаго человѣка.

Вотъ три года, какъ я совсѣмъ одинока. Мы по-прежнему дружны съ мужемъ, т. е. не ссоримся, но у каждаго изъ насъ своя особая душевная жизнь. Онъ всецѣло отданъ службѣ, своимъ полковымъ интересамъ и отношеніямъ. Меня онъ любитъ, цѣнитъ, даже точно гордит-

ся мною. Но долгіе мѣсяцы беременности, затѣмъ кормленіе ребенка и, наконецъ, цѣлый годъ слезъ и горя послѣ смерти дочери отдалили насъ съ мужемъ другъ отъ друга; пропала потребность ежеминутнаго участія и сознанія, что есть кто-то, кому дорого знать, отчего грустно, о чемъ плачешь. Но было ли это когда-нибудь?

Вдругъ сейчасъ мнѣ показалось, что этого, въ сущности, никогда не было. Были поцѣлуи, были ласковыя слова, но рядомъ съ этимъ было полное душевное одиночество. И вотъ откуда эта постоянная тоска, точившая меня. Но до сихъ поръ я не отдавала себѣ отчета въ этотъ.

Зачѣмъ я задумала писать? Зачѣмъ я стала разбираться въ чувствахъ? Надо продолжать жить, какъ жила до послѣдняго времени: безъ бурь, безъ волненій, съ маленькими радостями, съ маленькими печалями. Сегодня какъ вчера, вчера какъ сегодня. Утромъ кофе въ постели, затѣмъ завтракъ вдвоемъ съ мужемъ, потомъ визиты или покупки, въ семь часовъ обѣдъ... Каждый день къ обѣду пріѣзжаетъ мать мужа и сидитъ съ нами до тѣхъ поръ, пока намъ не нужно ѣхать куда-нибудь. Маман сохраняетъ помѣщичью привычку обѣдать въ часъ и ужи-

нать въ девять—и не измѣняетъ ей. Она обожаетъ Владиміра, своего единственнаго сына, и дѣлится съ нимъ всѣми своими впечатлѣніями. Каждый день у нея бываетъ цѣлый коробъ разсказовъ.

— Знаешь, Володенька, изъ Нагорнаго (имѣніе Барминыхъ) пріѣхала наша дьяконица и разсказывала, что нонѣшнюю зиму такъ много зайцевъ, что всѣ яблони подточили...

И начинаются длинные разговоры, воспоминанія, сообщенія. Меня точно и нѣтъ съ ними. Maman въ такомъ случаѣ совершенно забываетъ о моемъ присутствіи или дѣлаетъ видъ, что забываетъ. Она съ презрѣніемъ относится къ «горожанамъ» и только въ помѣщикахъ видитъ «своихъ». Сначала это обижало меня, потомъ я привыкла, но до сихъ поръ ревную Владиміра къ этой красивой старухѣ. Она высокая, полная, вся въ черномъ, всегда производитъ на меня подавляющее и непріятное впечатлѣніе. Моя мать положительно не выноситъ ее и она относится къ мамá недоброжелательно Она не прощаетъ моей матери того, что она—«вдова тайнаго совѣтника»—занимается не своимъ дѣломъ: издаетъ какія-то книжки для народа, да еще продаетъ ихъ. Она всѣмъ и каждому говорила, что ея

двоюродный братъ (мой отецъ) сдѣлалъ непростительную глупость женился на «либеральной» и «нерелигіозной» дѣвушкѣ. Она всю жизнь жалѣла его и была даже довольна, когда отецъ сталъ измѣнять моей бѣдной матери. Мнѣ было четырнадцать лѣтъ, когда умеръ отецъ, но я помню, какое горе дала его смерть матери, какъ она сразу состарилась послѣ матери мужа. И когда Владиміръ разсказываетъ мнѣ теперь про его кутежи и увлеченія,—я понимаю, почему я такъ мало видѣла отца въ дѣтствѣ, почему мать такъ много плакала за своимъ письменнымъ столомъ, заваленнымъ бумагами и книгами, почему въ ея глазахъ было всегда такъ много грусти и горя. Уже позже, когда она овдовѣла и вся отдалась «дѣлу», въ ней появилось то спокойствіе и уравновѣшенность, которыхъ такъ жажду я. Мама точно нашла смыслъ и оправданіе своему существованію, тогда какъ я....

Я, кажется, начинаю рисоваться сама передъ собою. О какомъ нравственномъ одиночествѣ я говорю? Развѣ я замѣчала его? Развѣ томилась имъ? Я много бывала одна, но я жила такъ же, какъ живутъ всѣ «дамы» моего круга. Я наряжалась, выѣзжала, принимала, дресси-

ровала прислугу, заботилась о хорошей кухнѣ, о томъ, чтобы въ комнатахъ было накурено, чтобы лакей былъ stylé, чтобы столъ былъ безукоризненно накрытъ... Тысячи мелочей наполняли день и онъ уходилъ за другимъ такимъ же днемъ, и я не жалѣла его. Правда, часто мнѣ приходило въ голову: на что тратится вся жизнь? Но являлся мужъ, говорилъ, что пригласилъ къ обѣду такихъ-то и такихъ-то, и я съ полнымъ сознаніемъ долга и искреннею готовностью отдавалась заботамъ о закускѣ, саладѣ и винахъ. Иногда мнѣ бывало очень скучно, иногда—нѣтъ Но развѣ мнѣ сознательно хотѣлось измѣнить что-нибудь?—Нѣтъ. Я, кажется, считала себя совершенно счастливой. Да и мама, и всѣ знакомые считаютъ насъ съ Владиміромъ самыми счастливыми супругами; и по наружности, и по возрасту мы подходимъ другъ къ другу. Онъ высокій, статный, съ черными усами, съ свѣжимъ цвѣтомъ лица, съ яркими, полными губами. Я—маленькая, худенькая блондинка. Ему тридцать два года, мнѣ двадцать семь. Мы любимъ другъ друга, мы здоровы, средства у насъ хорошія... У мужа прекрасная дорога, онъ на хорошемъ счету ..

— Ты счастливѣйшая изъ смертныхъ,—постоянно повторяетъ мнѣ мужъ.

— Какая ты счастливая! Какъ я завидую тебѣ!—говоритъ мнѣ каждый разъ Ольга.

— Ты счастлива, и я рада,—стало постояннымъ припѣвомъ мама.

Да, я счастлива, конечно очень счастлива.

Почему же мнѣ такъ грустно и тяжело жить?

4 апрѣля.

Сегодня у меня была мать. Пріѣхала звать меня завтра вечеромъ слушать только что полученную ею рукопись... Я отказалась и почему-то покраснѣла.

— Отчего ты не можешь?—спросила она.

— Я сама назначила Львову... Онъ придетъ читать...

— Опять Бодлэръ! Опять «Fleurs du mal»!.. Да ты скажи разъ навсегда, что не понять тебѣ его «frisson nouveau»—онъ и отстанетъ...

Уѣзжая, она опять сказала мнѣ.

— Напиши Львову, что не будешь завтра дома... Не надоѣли тебѣ эти «Альбатросы?»..

6 апрѣля.

Что случилось? Надо разобраться, надо по-

нять... Попытаюсь все разсказать этой тетради,—разсказать просто, искренно, безъ утрированнаго самобичеванія, безъ рисовки... Но какъ приняться? Все это такъ сложно и странно... Я путаюсь въ мысляхъ и словахъ и не знаю, съ чего начать. Я измучилась, исплакалась, не спала всю ночь и ничего не уяснила себя. Надо все по порядку... Люблю ли я мужа?—Конечно, люблю... Онъ такой добрый, красивый, милый... Мнѣ такъ было бы страшно потерять его! Какъ же объяснить вчерашній вечеръ? Вѣдь я не люблю Львова... Не люблю .. Конечно, не люблю... Нѣтъ, не могу писать... Ничего не вижу. Слезы застилаютъ глаза... Какая я отвратительная, какая жалкая!

Вечеромъ.

Былъ Львовъ. Не велѣла принимать. Сознаю, что это малодушно, что это грубо .. Но я не могу, не хочу, я не должна его видѣть... Что я скажу ему? Какъ оправдаюсь? Какъ объясню? Хоть бы Владиміръ возвращался скорѣе... Неужели ни одного вечера не можетъ просидѣть дома? Неужели ему все равно, что я дѣлаю, о чемъ думаю, что чувствую?.. Хоть бы мама пришла! Неужели ей дороже нравственный міръ

мужицкихъ ребятишекъ, чѣмъ душевная жизнь дочери?! Нѣтъ, пусть лучше не приходитъ. Она не пойметъ, не проститъ... И все объяснитъ тѣмъ, что я не люблю мужа... Нѣтъ, я люблю его, а то, что случилось вчера—не любовь... Это безуміе, помраченіе какое-то, а не любовь... Мнѣ кажется, что я сегодня еще больше люблю Владиміра... По крайней мѣрѣ, когда онъ сегодня утромъ сказалъ мнѣ рѣзкость, я кротко промолчала. А прежде я не позволила бы ему этого.

7 апрѣля.

Вчера не могла больше писать; пришелъ мужъ, и я спрятала тетрадь. Я боялась, что онъ замѣтитъ мои красные глаза и измученное лицо Вѣдь я всю ночь глазъ не закрыла; плакала, не находила словъ, какъ назвать себя и свой поступокъ... Я боялась, что моя мука, мое горе выдадутъ себя, и старалась быть веселей и беззаботной. Но это было совсѣмъ не нужно. Мужъ и не взглянулъ на меня. Онъ разсказывалъ мнѣ о непріятности, случившейся у эскадроннаго командира, и въ это время внимательно подтачивалъ ногти...

5 часовъ утра.

Я не могу спать. Я должна излить то, что такъ волнуетъ, такъ мучаетъ меня...

Я вѣдь совсѣмъ не знаю его, не знаю, хорошій онъ, или дурной, злой или добрый, я даже не знаю, нравится ли онъ мнѣ, или нѣтъ. Скорѣе—нѣтъ. Я никогда не любила такихъ выхоленныхъ мужчинъ, такихъ бѣлыхъ рукъ съ миндальными ногтями, такого изысканнаго туалета. Мнѣ никогда не нравились такія длинныя бороды. Вообще Львовъ не мой «типъ». Ему сорокъ пять лѣтъ, онъ уже много прожилъ, утомленъ и точно усталъ жить. Видно, что онъ все испыталъ и все знаетъ На видъ онъ совершенно безстрастный, холодный и какой-то чужой. Онъ такъ долго жилъ за границей, что потерялъ всякую связь съ Россіей. Впрочемъ, Владиміръ говоритъ, что Львовъ всегда былъ такимъ. Мужъ знаетъ его уже лѣтъ двадцать пять; когда Владиміру было лѣтъ семьвосемь, — Львовъ студентомъ часто бывалъ у Барминыхъ. У нихъ остались самыя лучшія отношенія. Я постоянно слышала и отъ мужа и отъ maman про Львова. «Вотъ, когда пріѣдетъ Дима...» Или: «Помнишь, Дима не выносилъ этого...» Когда этотъ «Дима» пріѣхалъ, maman

даже измѣнила для него часъ ужина и вмѣсто девяти кушала въ восемь, такъ какъ «Дима» привыкъ за границей обѣдать въ восемь. Maman пригласила и Владиміра повидаться со старымъ другомъ, а съ Владиміромъ надо было пригласить и меня. Обѣдъ вышелъ довольно тоскливый, вспоминали старое прошлое, чужое мнѣ. И я ревновала мужа и къ этому прошлому, и къ матери, и къ Львову. И постоянное «помните» мнѣ рѣзало сердце.

— Мнѣ вы особенно нравились въ бальныхъ платьяхъ, — говорилъ Львовъ Маріѣ Михайловнѣ.—Помните, я всегда приходилъ къ вамъ передъ вашимъ выѣздомъ на балъ и ждалъ въ гостиной, пока вы одѣвались... Вы появлялись вся въ бѣломъ, въ брилліантахъ, и мнѣ потомъ долго казалось, что вы не женщина, а какая-то сказочная царевна, спустившаяся на землю.

Я такъ привыкла считать maman старухой, что никакъ не могла себѣ представить, что Львовъ не кривляется, говоря все это. Уже позже онъ мнѣ разсказалъ, что Марья Михайловна была тогда тридцатилѣтняя красавица, и онъ — какъ нерѣдко случается съ двадцатилѣтними юношами—былъ влюбленъ въ нее, какъ сумасшедшій. Тогда же, за обѣдомъ, мнѣ все

это казалось кривляніемъ. Я смотрѣла то на Львова, то на maman. Онъ—сухой, стройный, съ красивымъ профилемъ, съ бѣлыми зубами могъ скорѣе назваться молодымъ человѣкомъ. Она — хотя еще красивая,—но расплывшаяся пятидесятилѣтняя женщина, со вставною челюстью, съ тусклымъ цвѣтомъ лица... Что могло быть у нихъ общаго? Это меня злило... Къ мужу моему онъ относился свысока, точно Владиміръ все еще семилѣтній мальчуганъ, а онъ—студентъ. Со мною Львовъ почти не разговаривалъ, сказалъ изъ вѣжливости двѣ-три фразы, но прощаясь просилъ позволенія пріѣхать. Я сказала, что дома по воскресеньямъ. Онъ пріѣхалъ на слѣдующій же день, въ субботу. Мнѣ это показалось небрежностью. Позже онъ объяснилъ, почему пріѣхалъ такъ скоро.

Въ первый разъ онъ у меня показался совсѣмъ инымъ, чѣмъ у maman. Тамъ онъ ходилъ по землѣ, а тутъ точно отлетѣлъ отъ нея. И это второе впечатлѣніе оказалось настоящимъ, а первое совершенно уничтожилось. Точно тамъ, за столомъ у maman, былъ не онъ, а совсѣмъ другой человѣкъ.

Все не то... Совсѣмъ не то хотѣла я писать...

И не могу, не знаю, какъ это сдѣлать... И слезы застилаютъ глаза... О чемъ я плачу? Не знаю...

Теперь мое одиночество будетъ еще тяжелѣе... Я такъ избаловалась въ послѣднее время бесѣдами съ умнымъ и остроумнымъ Львовымъ, его теплымъ, участливымъ отношеніемъ ко мнѣ, красивыми стихами, прочитанными милымъ голосомъ, недосказанными словами, постояннымъ ожиданіемъ чего-то...

Опять слезы... Не могу писать. . Я плачу отъ того, что мнѣ жалко себя.

8 апрѣля.

Какой безконечный, томительный день!... Нигдѣ мѣста не найду. . Утромъ сказала мужу, что мнѣ очень бы хотѣлось уѣхать съ нимъ куда нибудь.. Онъ знаетъ и самъ, что докторъ находитъ мои нервы въ очень плохомъ состояніи, и давно говоритъ о поѣздкѣ за границу Мужъ раньше принялъ мое желаніе уѣхать за шутку, а потомъ серьезно и категорически заявилъ, что теперь ѣхать немыслимо, онъ уйдетъ въ лагерь, а осенью возьметъ отпускъ и поѣдетъ со мною въ Орловское имѣніе maman.

— Она все слабѣетъ и слабѣетъ, — сказалъ онъ.—А вѣдь я единственный наслѣдникъ... На-

до присмотрѣться къ хозяйству, чтобы не застало врасплохъ.

Меня покоробило отъ этой фразы и мнѣ стало стыдно, что слова мужа меня такъ раздражаютъ, и опять захотѣлось любить и цѣнить Владиміра, какъ я любила и цѣнила его до сихъ поръ... Я убѣждена, что если мы поселимся съ нимъ вдвоемъ гдѣ-нибудь въ уютной обстановкѣ, вдали отъ Петербурга, мы будемъ опять счастливы, и я забуду тотъ ужасный вечеръ.

— Неужели самое важное въ жизни служба и матеріальныя заботы? — спросила я уже съ раздраженіемъ.

— Нѣтъ... Приданое жены важнѣе этого,— отвѣтилъ мнѣ мужъ и разсмѣялся.

У него была всегда эта манера шутя «срѣзывать» меня и—какъ онъ говорилъ—возвращать съ неба на землю. И я всегда принимала эти шутки весело и добродушно и не обижалась, когда Владиміръ называлъ меня «безприданницей». Но сегодня меня все раздражало въ немъ... И все мнѣ казалось пошлымъ и грубымъ. Теперь онъ уѣхалъ къ maman, я одна и мнѣ опять стало жаль его, жаль себя и я сѣла писать...

Что мнѣ дѣлать съ собой? Какъ найти равновѣсіе и спокойствіе? Львовъ сегодня не прихо-

дилъ и хорошо сдѣлалъ... Онъ, умный и чуткій, понялъ, что мы не должны видѣться... И я опять перебрала въ умѣ все наше знакомство съ нимъ... Странно, что ни меня, ни мужа не удивило то, что Львовъ сталъ сразу бывать у насъ чуть не каждый день. Онъ приходилъ не надолго, приносилъ книги, сталъ читать мнѣ... Его поразило, что я не знаю французскихъ писателей. Я читала очень много и всегда слѣдила за текущею русскою литературой. Мать получаетъ три журнала, и я привыкла ихъ добросовѣстно прочитывать. Эти три книги обыкновенно занимаютъ весь мѣсяцъ, затѣмъ поспѣваютъ новые нумера и такъ идетъ годами. Конечно, я читала и французскія книги: Золя, Бурже, Мопассана... Но не занималась французскою литературой, какъ занимается ею Львовъ. Многихъ авторовъ онъ знаетъ почти наизустъ, къ инымъ у него настоящій культъ. Еще годъ назадъ это были чуждые мнѣ звуки, заманчивые и таинственные, но совершенно непонятные. Я плавала какъ-то на волнахъ этихъ звуковъ, какъ люблю плавать, слушая серьезную музыку... Я многаго не понимаю въ ней, но самые звуки меня приподнимаютъ отъ земли, и я населяю ихъ своею фантазіей, своими мыслями. Львовъ

сталъ приносить мнѣ своихъ любимцевъ онъ читаетъ прекрасно и умѣетъ выбирать... Мужъ смѣется, что я завела себѣ «развивателя», а мать возмущается. Я понимаю, что ей послѣ серьезныхъ статей нашихъ либеральныхъ журналовъ эти писатели не могутъ нравиться. «Пошляки»—вотъ опредѣленіе мамà и ея кружка.

Львовъ сталъ ходить все чаще и чаще, и читалъ, и смотрѣлъ на меня. Мужъ съ удовольствіемъ оставлялъ насъ вдвоемъ. Въ его представленіи Львовъ ассоціируется не со мною, а съ maman, и ему, конечно, и въ голову не могло прійти, что онъ мнѣ нравится. Да и мнѣ самой не приходило это въ голову. Мнѣ казалось, что съ нимъ только весело... И вдругъ третьяго дня... Цѣлый день шелъ дождь, упорный, петербургскій дождь... Небо было сѣрое какъ земля и земля грязная какъ небо. Весь день я ждала: пріѣдетъ Львовъ и мнѣ не будетъ такъ скучно. За обѣдомъ мужъ былъ усталый, раздраженный, огорченный болѣзнью матери. Сейчасъ же послѣ обѣда онъ уѣхалъ къ ней. Я осталась одна. Мнѣ было скучно, какъ-то тоскливо-скучно, и я неподвижно сидѣла у окна и смотрѣла, какъ капли дождя, точно слезы, катились по зеркальному стеклу...

Пріѣхалъ Львовъ. Я обрадовалась и ему, и его книгамъ; мы уютно усѣлись въ моемъ «рабочемъ кабинетикѣ», онъ сталъ читать, но постоянно прерывалъ себя, смотрѣлъ на меня, ласково улыбался и опять начиналъ читать...

— Узнайте, чье это? — сказалъ онъ и прочелъ:

«Tel qu'un morne animal, meurtri, plein de poussière,
La chaîne au cou, hurlant, au chaud soleil d'été,
Promène qui voudra son coeur ensanglanté
Sur ton pavé cynique, ô plèbe carnassière».

Я не знала, чье это стихотвореніе и не хотѣла спрашивать... Я подошла за кресло Дмитрія Александровича и наклонилась надъ его плечомъ къ книжкѣ. Я не помню, что произошло. Кажется, я почувствовала горячія губы на лѣвой сторонѣ шеи, кажется я хотѣла взглянуть на Львова и повернулась въ его сторону. Можетъ быть, я первая поцѣловала его въ губы... Я не могу отдать себѣ яснаго отчета въ этомъ... Помню, что его поцѣлуй точно сказалъ мнѣ что-то совсѣмъ новое, неиспытанное... Помню потомъ какія-то новыя для меня слова, нѣжныя и ласковыя, поцѣлуи на моихъ глазахъ, бровяхъ, щекахъ, губахъ... Помню, какъ онъ крѣпко обнялъ меня... Въ это время въ сосѣдней комнатѣ

что-то скрипнуло... Онъ сдержанно и медленно отошелъ отъ меня... Я молча простилась съ нимъ, ушла къ себѣ и проплакала всю ночь.

И вотъ уже два дня и двѣ ночи, что я думаю объ одномъ и томъ же.. Что это такое? Любовь? Нѣтъ, я люблю мужа и никого, кромѣ него, мнѣ не надо. А Львовъ? Вѣдь, онъ мнѣ никогда не говорилъ о любви. Никогда. Только разъ, когда я сказала ему, что мнѣ было непріятно, когда онъ пріѣхалъ ко мнѣ въ первый разъ не въ мой день, а въ субботу,—онъ сказалъ:

— Это было безсознательное объясненіе въ любви.. И не любви, а предчувствія любви. Меня потянуло къ вамъ, хотя я, конечно, еще не сознавалъ, что̀ вы для меня...

И сейчасъ же заговорилъ о томъ, какъ онъ вѣритъ въ предчувствіе, въ безсознательныя предсказанія и предвидѣнія.

И больше никогда не говорилъ ни слова... Неужели и съ его стороны это не любовь, а такъ... капризъ, настроеніе? Конечно, да, иначе онъ попытался бы видѣть меня; еслибъ любилъ, пришелъ, добился, чтобы видѣть... А онъ и не думаетъ и, можетъ быть, не только не желаетъ, а даже боится «исторіи» съ замужней женщиной. Конечно, не любитъ! Я не психологъ и по-

тому не могу объяснить, но мнѣ кажется, если любишь, придешь и будешь добиваться, будешь унижаться даже, чтобъ увидѣть, выпросить или любовь, или прощеніе... А онъ точно обрадовался, что я не приняла его вчера и что это избавляетъ его отъ дальнѣйшихъ непріятностей... Но какъ же онъ могъ, какъ смѣлъ тогда вечеромъ? А я-то? Вѣдь, я не люблю его, а цѣловала же и говорила какія-то нѣжныя слова и слушала его съ восторгомъ... Кто изъ насъ лучше? Звонятъ... Нѣтъ! Это мужъ.

9 апрѣля. Ночь.

Львовъ не былъ и сегодня. Мы съ мужемъ ѣздили въ концертъ. Я такъ боялась встрѣтить тамъ Дмитрія Александровича! Я все время сидѣла какъ на иголкахъ и ничего не слышала, что пѣли, играли и говорили кругомъ... Но онъ не былъ. Неужели ему не хочется хоть издали увидать меня? Неужели нѣтъ потребности объясниться? Онъ долженъ пріѣхать къ намъ, хотя бы для Владиміра... Или это его деликатность? Не понимаю, ничего не понимаю .. Знаю только одно, что я измучена и очень несчастна.

10 апрѣля.

Не могу ни о чемъ думать, ничего дѣлать...

Хорошо, что мужъ постоянно «занятъ» и ничего не замѣчаетъ. Сегодня я ходила по улицамъ часа три. Мнѣ непремѣнно хотѣлось встрѣтить Дмитрія Александровича. Это желаніе дошло до какой-то маніи. Все мое существо, всѣ мысли были напряжены въ желаніи встрѣтить его. Я не знаю, что бы мы говорили, еслибъ встрѣтились, но я чувствовала болѣзненную потребность увидаться... А когда я замѣтила его—онъ ѣхалъ по другой сторонѣ Невскаго—первымъ моимъ движеніемъ было зайти въ магазинъ и скрыться... Онъ не видѣлъ меня и проѣхалъ дальше... И я чуть не заплакала... Я сейчасъ же вернулась. опять прошла по Невскому, но больше его не видѣла... За обѣдомъ мужъ спросилъ меня:

— Что ты такая хмурая сегодня?

— Зубъ болитъ,—солгала я.

— Mal de dents—mal d'amour,— сказалъ мужъ и громко разсмѣялся.

Зачѣмъ онъ такъ громко хохочетъ? Это и неизящно и не благовоспитанно.

— А какъ же сегодня къ Леонтьевымъ?— спросилъ онъ меня.

— Я не поѣду.

— Нельзя. Ты разстроишь партію... Только

два стола .. Ты восьмая... Они обидятся... Нельзя не ѣхать.

«Нельзя не ѣхать!» Какъ люди добровольно спутываютъ себя безконечными общественными путами, съ какой радостью отдаются всѣмъ условнымъ мелочамъ! Владиміру даже и въ голову не придетъ подумать, почему «нельзя» то или другое. У него совершенно опредѣленныя правила жизни и ему кажется просто немыслимымъ бороться съ ними. Такая покорность условности — рабская черта. Неужели мы всѣ такіе рабы? Я обѣщала мужу пріѣхать къ Леонтьевымъ. Онъ уѣхалъ, а меня опять потянуло къ моей тетрадкѣ. Въ ней для меня есть какое-то утѣшеніе и страданіе. Страданіе — расшевеливать себя и каяться въ своей испорченности; утѣшеніе въ томъ, что я могу здѣсь быть самой собой, а главное могу не лгать. Вѣдь единственно въ этой тетради я не лгу. А то лгу передъ мужемъ, передъ матерью, передъ обществомъ .. Сейчасъ надо одѣваться и ѣхать къ Леонтьевымъ... Тоска! Кромѣ пошлости ничего не услышу... Эти три мѣсяца я прожила гдѣ-то въ иномъ мірѣ, съ новыми для меня чувствами, съ новыми идеями. Чтеніе книгъ съ Дмитріемъ Александровичемъ унесло меня куда-то... Онъ

говоритъ, что задача литературы, какъ всякаго искусства,—приподнимать отъ обыденности, уносить отъ злобъ дня и отъ житейской пошлости. Онъ всегда повторяетъ, что писатель долженъ подниматься надъ своимъ временемъ и отрѣшаться отъ текущей дѣйствительности; только тогда онъ создастъ нѣчто долговѣчное. Это, кажется, слова Метерлинка... И это правда. Раньше я такъ же, какъ моя мать, думала, что въ произведеніи важнѣе всего содержаніе и «идея», теперь мнѣ кажется, что содержаніе — вещь второстепенная, если не безразличная... Прелесть не въ проповѣди добродѣтели, а въ красотѣ формы. И я счастлива, что Дмитрій Александровичъ научилъ меня понимать и цѣнить эту красоту; прежде я совершенно не чувствовала ея, и Львова это удивляло. Онъ какъ-то сказалъ мнѣ чье-то изреченіе:

— Для развитія человѣка гораздо важнѣе быть воспріимчивымъ къ краскамъ и цвѣтамъ, чѣмъ имѣть понятіе о правѣ и безправіи.

Сначала это меня испугало. Теперь мнѣ кажется, что это вѣрно. Я сказала мамѣ, — она возмутилась. Въ первый же разъ, какъ она застала у меня Львова, рѣчь зашла о литературѣ, о русскихъ журналахъ

— Вы, впрочемъ, не читаете ихъ, — сказала мама съ нескрываемымъ раздраженіемъ.

— Каюсь... Не читаю.

— Я такъ и думала

— Почему же?

— Вы типичный поклонникъ чистаго искусства... Оно теперь опять вошло въ моду.

— Я не знаю, въ сущности, что значитъ «чистое» искусство. Искусство есть искусство, а чистымъ и нечистымъ оно быть не можетъ.

— А цѣль?

— У искусства не можетъ быть другой цѣли, кромѣ самого себя.

— Знаете, я ужъ не могу объ этомъ не только спорить, а даже и говорить,—сказала мать.— Въ послѣднее время только и слышишь, что «эстетика выше нравственности».

— И совершенно правильно, — весело отвѣтилъ Дмитрій Александровичъ. — Нравственность—понятіе условное и растяжимое. Сегодня нравственно одно, завтра—другое. . А красота вѣчна. Посмотрите въ литературѣ: что живетъ и остается навсегда? То, что хорошо написано. А что написано—это второстепенно... Главное какъ...

Мама встала и сказала мнѣ:

*

— И ты часто эти гадости слушаешь?

И странно: прежде я была бы на сторонѣ матери. Я такъ же, какъ и она, отъ литературы, отъ живописи, вообще отъ искусства требовала прежде всего идеи, направленія. Теперь же не то... Напримѣръ, въ живописи мнѣ гораздо интереснѣе хорошо написанный пейзажъ, чѣмъ плохая картина, хотя бы съ самымъ честнымъ содержаніемъ. Прежде я бы не призналась въ этомъ, теперь говорю... Мнѣ кажется, Львовъ правъ, утверждая, что лѣтъ черезъ двадцать-тридцать тенденціозное произведеніе неизбѣжно умираетъ... Но все-таки хоть современникамъ принесетъ пользу?—Едва ли. Я прежде вѣрила въ это. Теперь же сомнѣваюсь.. Ужъ про насъ, русскихъ, не говорю.. А и вообще... развѣ можно измѣнить что-нибудь въ неизмѣняемой природѣ? Развѣ можно направить по-своему фатальный ходъ исторіи? Только будешь вѣкъ свой морализировать, а правду говоритъ Дмитрій Александровичъ, что морализированіе—мѣщанство. Мѣщанство! Онъ часто повторяетъ это слово и я не могу не повторять его. Какъ въ жизни много этого мѣщанства... Благосостояніе, отношенія, волненія, все, чѣмъ мы наполняемъ нашъ день съ утра до вечера, — все это такъ

мелко, такъ ничтожно. Я въ послѣднее время только поняла это, поняла благодаря Львову. Онъ сумѣлъ показать мнѣ настоящую цѣну этой жизни, научить, что не стоитъ отдавать душу на то, на что я отдавала ее въ послѣднія пять лѣтъ. Конечно, пока я жила съ матерью — я волновалась и жила совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ я жила и волновалась въ послѣдніе годы, точно любовь къ мужу надѣла на меня шоры; я ничего не видѣла кромѣ него, интересовалась, или скорѣе хотѣла интересоваться только его службой, его карьерой, и его отношеніями Мать съ презрѣніемъ замѣтила мнѣ разъ это. Конечно, теперь я не могу придавать значеніе тому, что волновало меня еще такъ недавно. Но люблю я мужа по-прежнему... Даже больше прежняго, потому что я такъ виновата передъ нимъ .. Теперь онъ ждетъ меня у Леонтьевыхъ, а я не ѣду... Неужели я осталась оттого, что все-таки надѣялась увидать Львова?.. Нѣтъ, нѣтъ! Но я не могу ѣхать къ Леонтьевымъ. Не могу слушать, какъ говорятъ о выдуманныхъ новостяхъ, о великосвѣтскихъ сплетняхъ, о докторахъ, объ операхъ, о предполагаемыхъ назначеніяхъ. Я не могу... И останусь дома... Пусть мужъ сердится. Пусть всѣ сердятся.

11 апрѣля.

Я не знаю, что такое жизнь. Исполненіе какого-то долга? Кому нужнаго? Кѣмъ созданнаго? Какое счастье, что моя Ира умерла раньше, чѣмъ ей успѣли навязать этотъ долгъ.

12 апрѣля.

Вчера не могла писать. Плакала весь вечеръ, плакала до боли въ груди, до спазмъ... Днемъ заѣзжалъ Дмитрій Александровичъ. Я не приняла его. Лакей сказалъ ему, что я дома. Онъ просилъ доложить. Я разсердилась на него и велѣла сказать, что «не приказано принимать». Это было жестоко съ моей стороны... Я знаю! Но меня разсердило то, что онъ посмѣлъ прійти послѣ того, что случилось... Явился, какъ ни въ чемъ не бывало... За обѣдомъ мужъ сказалъ мнѣ, что maman очень плохо себя чувствуетъ и что намъ слѣдовало бы провести у нея вечеръ. Это меня раздражило... Право, мужъ отдаетъ больше времени и заботъ матери, чѣмъ мнѣ. И Дмитрій Александровичъ тоже считаетъ долгомъ заѣзжать къ ней каждый день, только не вечеромъ, а утромъ.. И Владиміръ, и Дмитрій Александровичъ находятъ ее и умной, и доброй, и сим-

патичной, а по-моему—просто старая крѣпостница, съ хорошими манерами и барскимъ тономъ. Владиміръ, какъ сынъ, видитъ въ ней всѣ добродѣтели... А Львовъ? Его подкупаетъ ея своеобразное изящество и онъ въ эту рамку вкладываетъ созданный имъ идеалъ. Я отказалась вчера ѣхать къ maman, сказала мужу, что сама больна не меньше, чѣмъ она, и осталась дома. И опять поймала себя на томъ, что надѣялась увидѣть Львова. Черезъ четверть часа послѣ отъѣзда мужа явился посыльный съ письмомъ Дмитрія Александровича.

— Просятъ отвѣтъ,—доложила мнѣ Маша.

Я сама вышла къ посыльному и сказала:

— Скажите барину: отвѣта не будетъ.

У меня такъ дрожали руки, что я не могла раскрыть конвертъ. Я пошла къ себѣ въ комнату, заперла двери и принялась читать. «Все, что хотите, только скажите, въ чемъ дѣло. Я съ полнымъ уваженіемъ и безусловной покорностью приму всякое ваше повелѣніе, но дайте мнѣ возможность видѣть васъ хоть минуту. Вѣрьте въ мою порядочность и преданность».

Почему я такъ плакала надъ этимъ письмомъ? Почему я теперь плачу? Не знаю.. Я не понимаю себя совсѣмъ. Что мнѣ надо? Я хочу взгля-

нуть на дѣло какъ можно проще, все уяснить себѣ, и ничего не выходитъ. Я люблю моего мужа. Онъ молодой, красивый и милый. Львовъ не молодой, не красивый .. Но не могу сказать, что не милый... Онъ милый, но я его не люблю .. Не знаю его совсѣмъ; знаю только, что онъ отлично одѣвается, прекрасно знакомъ съ французской литературой, очень красиво говоритъ; у него необыкновенно пріятные духи и милые глаза. Ахъ, какіе я глупости пишу! . Все это не то... Главное—надо уяснить и понять, какъ я, любя такъ мужа, могла цѣловать другого человѣка? Вѣдь это уродство какое-то, безобразіе? А теперь? Я не хочу его видѣть, и плачу, что не вижу.

13 апрѣля.

Вчера пришелъ мужъ, и я хотѣла ему показать эту тетрадь. И не показала. Почему? Мои страданія кончились бы тогда такъ или иначе... Я разрубила бы тотъ узелъ, который все тѣснѣе затягиваетъ мои думы, мою волю, мою жизнь. Теперь мнѣ кажется, что все лучше моего настоящаго душевнаго состоянія. Я держала тетрадку передъ мужемъ и, протяни онъ руку, я отдала бы ему ее. Онъ же смѣясь сказалъ мнѣ:

— Что ты все строчишь? Не дневникъ ли? Васъ всѣхъ Башкирцева съ ума свела.

— Кого—«васъ всѣхъ»?

— Тщеславныхъ бабъ.—отвѣтилъ Владиміръ со своей добродушно-грубоватой шутливостью

Моего настроенія какъ не бывало.

Львовъ вчера не приходилъ и я, измученная слезами и безсонной ночью, пролежала весь день на диванѣ. Сегодня мужъ сказалъ мнѣ:

— Это петербургская весна такъ дѣйствуетъ на нервныхъ людей... Знаешь, Русиновы передаютъ свою дачу въ Царскомъ... Они ѣдутъ за границу. Не взять ли ее тебѣ? Ты будешь близко отъ меня и отъ матери... Дудергофъ надоѣлъ тебѣ.

Я согласилась. Мнѣ все равно гдѣ ни жить. И я вдругъ вспомнила, какъ хорошо Львовъ читаетъ Бодлэра, какъ хорошо говоритъ онъ: «Résigne-toi mon coeur; dors ton sommeil de brute». Какая тоска, какое безцвѣтное существованіе! Дача, сосѣди; лѣтніе туалеты, прогулки, музыка, жара, скачки, опять туалеты и суета, суета безъ конца... И для этого стоитъ жить?

Вечеръ.

Сейчасъ вернулась отъ maman. Я поѣхала съ мужемъ навѣстить ее (она дѣйствительно

очень слаба); мнѣ не хотѣлось огорчать мужа отказомъ. Черезъ полчаса послѣ насъ туда пріѣхалъ Дмитрій Александровичъ.

— Сегодня утромъ вы такъ огорчили меня вашимъ плохимъ видомъ, что я не могъ не заѣхать къ вамъ еще разъ,—объяснилъ онъ maman причину своего появленія.

Старуха была тронута, Владиміръ доволенъ; я чуть не вскрикнула. Львовъ былъ спокоенъ, но мнѣ показался блѣднѣе обыкновеннаго.

— Что вы насъ забыли?—спросилъ его мужъ.

— Да захлопотался... Собираюсь въ путь-дорогу.

— За границу?

— Раньше въ деревню, въ Курскую губернію, а потомъ и за границу.

— Опять!—укоризненно замѣтила maman.

— Я на родинѣ совершенно лишній... Я здѣсь никого не понимаю и меня не понимаютъ.

— Просто скажите, что въ Парижъ тянетъ,— замѣтилъ мужъ.

— Пожалуй... Это единственный городъ, гдѣ чувствуешь себя если не счастливымъ, то, во всякомъ случаѣ, не несчастнымъ.

— Когда же вы ѣдете?—спросила я, чтобы не молчать.

— На-дняхъ... Не знаю еще... Можетъ быть, очень скоро

У меня горло сжалось, я чуть не заплакала и принялась внимательно разсматривать Библію съ гравюрами Дорэ. Maman утомилась очень скоро, и Владиміръ сказалъ, что надо ее оставить въ покоѣ. Мы вышли всѣ вмѣстѣ. Послѣ душной комнаты съ запахомъ болѣзни и старости, на насъ пахнуло свѣжимъ ароматомъ распускающихся почекъ и юной природы.

— Какъ хорошо!—весело воскликнулъ Владиміръ.

— Le printemps adorable a perdu son odeur.— едва слышно произнесъ Львовъ.

Странно, что ему вспомнилось именно то же стихотвореніе Бодлэра, которое пришло и мнѣ на память сегодня утромъ. Это совпаденіе какъ-то опьянило меня. Я увидѣла въ немъ какое-то указаніе, пророчество.

— Дмитрій Александровичъ!—бодро сказала я.—У меня много вашихъ книгъ. Вы ихъ возьмите съ собою?

— Если позволите,—часть возьму... Я привыкъ путешествовать съ ними, какъ съ друзьями... А часть разрѣшите оставить у васъ... Прикажите прислать или пріѣхать за ними.

Я позволила пріѣхать.

14 апрѣля.

Вчера былъ Дмитрій Александровичъ. Онъ пріѣхалъ передъ обѣдомъ на полчаса; мы сидѣли втроемъ: мужъ, Львовъ и я. Говорили о разоруженіи и объ уничтоженіи войнъ. Дмитрій Александровичъ былъ такой же, какъ прежде, точно вечера 5 апрѣля и не существовало. Мнѣ самой кажется, что это былъ сонъ, и я отдала бы полжизни, чтобъ это правда былъ сонъ. Мнѣ такъ тяжело терять такого милаго и умнаго друга, какъ Львовъ. Какъ онъ умно говорилъ вчера! Владиміръ смотритъ на все съ слишкомъ узкой, житейской точки зрѣнія. Вопросъ о разоруженіи кажется ему нелѣпымъ потому, что онъ не умѣетъ думать такъ, какъ Дмитрій Александровичъ; онъ положительно не можетъ понять нѣкоторыхъ вещей.. Хотя Владиміръ и не глупѣе Львова, но у него умъ практическій не философскій. Пожалуй, это лучше?

— Я васъ встрѣтилъ вчера на Сергіевской когда вы ѣхали къ Марьѣ Михайловнѣ,—сказалъ вскользь Дмитрій Александровичъ.

Мужъ не придалъ этимъ словомъ значенія, хотя и слышалъ ихъ. А меня этой фразой стукнуло въ сердце. Значитъ, Львовъ пріѣхалъ къ

maman, чтобы видѣть меня, значитъ онъ искалъ меня. Когда вчера онъ ушелъ—у меня осталось впечатлѣніе расплывчатости и недоконченности, точно надо было сказать что-то... Мужъ сидѣлъ все время съ нами и, странно, это нисколько не раздражало Дмитрія Александровича. Меня, я признаюсь, злилъ Владиміръ. Онъ говорилъ банальности и только мѣшалъ Дмитрію Александровичу развивать свои мысли. Но вмѣстѣ съ тѣмъ я боялась, что онъ уйдетъ и оставитъ меня вдвоемъ со Львовымъ. И какъ мнѣ хотѣлось остаться вдвоемъ! Я все ждала, когда Львовъ заговоритъ объ отъѣздѣ. Наконецъ, мужъ спросилъ его:

— А когда вы ѣдете?

— Я врагъ всего строго-опредѣленнаго... Можетъ быть, я уѣду завтра, а можетъ быть и нѣтъ.

Что значитъ это «можетъ быть и нѣтъ?»

Навѣрно ничего незначущая фраза, а я вотъ уже цѣлыя сутки переворачиваю ее на всѣ лады. Мнѣ нужно, чтобы Львовъ уѣхалъ, и я не хочу этого; я боюсь, что онъ останется и буду страшно огорчена, если онъ уѣдетъ.

— Я собрала вамъ всѣ ваши книги,—сказала я ему.—Онѣ у меня въ кабинетѣ... Хотите тобра ть, что вы возьмете съ собой?

— Нѣтъ, увольте сегодня... Я обѣдаю «въ городѣ» и не могу взять книгъ съ собой.

Я хотѣла спросить, какія книги отобрать ему... Я бы могла послать... Но промолчала. Значитъ, онъ еще разъ пріѣдетъ за ними. Сегодня, до сихъ поръ, не былъ... Владиміръ зоветъ меня обѣдать.

16 апрѣля.

Тоска, скука, дождь, мрачно... Вчера весь день просидѣла дома. Львовъ не былъ. Сегодня пріѣхалъ опять передъ обѣдомъ. Вѣдь, онъ знаетъ, что Владиміръ всегда дома отъ пяти до восьми. Зачѣмъ же пріѣзжаетъ? Или это высшая порядочность? Просто боится объясненія и не хочетъ порвать сразу... Я такъ была зла, что не могла выйти въ гостиную... Только когда услышала звонокъ мужа, возвѣщающій прислугѣ, что гость уходитъ, я вышла. Мужъ и Львовъ стояли на порогѣ гостиной и продолжали споръ. Владиміръ въ сѣрой тужуркѣ, здоровый, съ беззаботной улыбкой, казался еще моложе рядомъ съ блѣднымъ, утомленнымъ Львовымъ.

— Изрекать истины—значитъ говорить банальности, а для меня нѣтъ ничего ужаснѣе банальщины, — говорилъ Львовъ, когда я входила. Вы согласны? обратился онъ ко мнѣ.

— Я не слыхала о чемъ вы спорили... И во всякомъ случаѣ я за Владиміра.—отвѣтила я шуткой.

— Жена да боится своего мужа, — весело подхватилъ Владиміръ.

Мнѣ показалось, что Львовъ еще больше поблѣднѣлъ при этомъ; но онъ улыбнулся и замѣтилъ:

— Мудрое правило.

Онъ молча поцѣловалъ мою руку и уѣхалъ.

— А пустобрехъ этотъ Львовъ, — сказалъ Владиміръ за обѣдомъ.

Я почувствовала, что вся похолодѣла, и сказала, стараясь быть спокойной:

— Другъ твоей maman...

— Да человѣкъ-то онъ недурной... Только изболтался отъ ничегонедѣланія.

А неужели лучше работать такъ, какъ Владиміръ? Развѣ онъ служитъ изъ принципа? Нисколько! Просто для карьеры, для личныхъ выгодъ. И этотъ трудъ возводитъ въ добродѣтель? Львовъ хоть прямо говоритъ о своемъ эгоистическомъ отношеніи къ жизни. И какъ всѣмъ имъ не стыдно жить?

Мужъ уѣхалъ по обыкновенію къ maman, а я одна.. Скука! Знакомые разъѣхались, да меня

никуда и не тянетъ. Я сама не знаю, чего мнѣ хочется, отчего мнѣ такъ тяжело и мрачно жить.

18 апрѣля. Утро.

Сейчасъ получила гравюру съ какой-то французской картины: Франческа и Паоло... Внизу рукою Дмитрія Александровича написано:

«Noi leggevamo un giorno, per diletto
Di Lancillotto, come amor lo strinse:
Soli eravamo, e senza alcun sospetto.
Per più fiate gli occhi ci sospinse
Quella lettura, e scolorocci il viso:
Ma solo un punto fu quel che ci vinse.
Quando leggevamo il disiato riso
Esser baciato da cotanto amante,
Questi che mai da me non fia di viso.
La bocca mi baciò tutto tremante...
Quel giorno più non vi leggevamo avante» *)..

*) «Однажды Ланчелота приключенья
Мы съ любопытствомъ начали читать,
Гдѣ онъ любви испытывалъ волненья.
Чувствъ собственныхъ не вѣдая тогда,
Одни мы оставались въ тѣ мгновенья,
Отъ книги отрываясь иногда,
Блѣднѣли мы и чтенье забывалось,
Мы трепетали вмѣстѣ, но когда

Не знаю, что дѣлать... Хотѣла разсердиться, хотѣла отослать гравюру назадъ и не могу... Не могу безъ волненія читать этого «единственнаго въ мірѣ» описанія поэзіи поцѣлуя... Мнѣ кажется, ни до Данте, ни послѣ него никто не понялъ такъ, какъ онъ власти поцѣлуя... Да, власти!... Я сознаю, что я точно отравленная, точно околдованная поцѣлуемъ Д.

19 апрѣля.

Черезъ полчаса уйдетъ курьерскій поѣздъ и увезетъ Львова. Я весь день боролась, хотѣла поѣхать проститься... Вѣдь я больше не увижу его, никогда. Я прождала его всѣ эти дни, никуда не выходила, боялась, что онъ пріѣдетъ

Одна страница въ книгѣ намъ попалась,
Рѣшилась вдругъ судьба обоихъ насъ:
Читали мы, какъ сладко улыбалась
Влюбленная красавица въ тотъ часъ,
Когда любовникъ пламенный и страстный
Поцѣловалъ въ уста ее. Зардясь,
Тогда и онъ, Паоло мой прекрасный,
Трепещущій, прильнулъ къ моимъ устамъ.
И книга та, какъ Галеотъ опасный,
Служила искушеньемъ сладкимъ намъ.
Въ тотъ день уже мы больше не читали».

Данте: «Адъ». Пѣснь пятая (перев. Д. Минаева).

безъ меня... Наконецъ. вчера вечеромъ, когда я не ждала его, онъ явился. Я только что сѣла за эту тетрадь и начала писать, какъ Львовъ постучалъ въ мою дверь. Когда онъ вошелъ, я не могла сказать ни слова. Онъ тоже былъ очень взволнованъ. Онъ сѣлъ у моего стола, и мы молчали. Наконецъ, онъ заговорилъ.

— Я пришелъ проститься и попросить васъ простить меня.

— Вы не виноваты... Одна я во всемъ виновата.

— Вы? Нѣтъ, Елена Борисовна. Это должно было случиться... Все шло къ этому.

— Вы уѣзжаете?

— Да... Я уѣду... Но я не могу ѣхать, не поговоривъ съ вами... Я ничего не требую, ничего не прошу... Я только не могу уѣхать, не сказавъ вамъ, что я васъ люблю...

У меня вдругъ закипѣла злоба противъ него... Почему же онъ раньше никогда не говорилъ мнѣ, что любитъ? Почему вдругъ теперь сразу полюбилъ?

— Пожалуйста, не будемъ обманывать другъ друга,—жестко сказала я.—Ни я васъ не люблю, ни вы меня . Вы очень хорошо знаете это и сумѣете лучше меня объяснить все, что про-

изошло... Вы же какъ-то въ спорѣ съ мужемъ сказали, что «развратъ есть одинъ изъ молотовъ исторіи»...

— Елена Борисовна! Вы жестоки ко мнѣ, но я принимаю это какъ заслуженное... Я виноватъ... Но я хочу, чтобы вы знали все. . Я долженъ былъ полюбить васъ... Это фатально... И то, что случилось, должно было случиться... Помните, какъ я въ первый разъ пріѣхалъ къ вамъ, мы долго говорили о Данте; почему о Данте—не знаю...

— Не продолжайте. . Я не хочу...—сказала я, охваченная такимъ волненіемъ, какого не испытывала еще никогда въ жизни.

Мы долго молчали. Дмитрій Александровичъ былъ блѣденъ, какъ бумага. Онъ нѣсколько разъ начиналъ говорить и не могъ.

— Я знаю, что не имѣю права... не долженъ вставать на вашей дорогѣ... Вы счастливы... У васъ прекрасный мужъ... Вы его любите и совершенно довольны вашимъ положеніемъ, вашей жизнью...

Господи! Какъ мнѣ хотѣлось крикнуть ему, что я и не довольна, и совсѣмъ не счастлива, а главное, что я одинока. Но я молчала и боялась проронить хоть одно его слово.

*

— Только дайте мнѣ все сказать. . Мы больше не увидимся... Я хочу, чтобы вы знали все... Я, должно быть, полюбилъ васъ, какъ только что увидѣлъ... Только я самъ не сознавалъ этого... Почему, напримѣръ, я пріѣхалъ къ вамъ на другой же день послѣ нашей встрѣчи? Неужели вы думаете, что я всегда такъ быстро отзываюсь на всѣ приглашенія? Меня стало сразу тянуть къ вамъ каждую минуту. Днемъ я думалъ о васъ, выбиралъ книги для васъ, а вечеромъ ѣхалъ къ вамъ и читалъ съ вами...

— Вы будете утверждать, что любили меня?— спросила я, и сама почувствовала сколько злобной горечи было въ моемъ вопросѣ.

— Не знаю... Боюсь солгать... Вѣдь и Паоло до поцѣлуя не сознавалъ, что любитъ Франческу... Я до *того* вечера не зналъ, что люблю васъ... Мнѣ это стало ясно только позже. И вотъ больше недѣли я думаю объ этомъ и мучаюсь ужасно... Я вижу, что полюбилъ васъ на всю жизнь... И вижу, что вамъ не нужна эта любовь... Я не могъ совладать съ собою эти дни, говорилъ, что уѣзжаю, хотѣлъ дать вамъ возможность рѣшить, какъ вы хотите, какъ найдете лучше... Вы для меня дороже всего на свѣтѣ, ради вашего счастія и покоя я готовъ на всякую жертву.

— Уѣзжайте изъ Петербурга, — прошептала я.

— Хоть эта жертва для меня самая тяжелая, самая горькая, но я ее принесу.

Онъ всталъ и нервно заходилъ по комнатѣ. Точно онъ хотѣлъ сказать что-то и не могъ. Это молчаніе терзало меня. Наконецъ, онъ подошелъ ко мнѣ, молча взялъ мою руку, медленно приподнялъ ее до своихъ губъ и поцѣловалъ ее. Я не вѣрила, что онъ уходитъ. онъ и самъ какъ будто не вѣрилъ этому. И вдругъ взялъ шляпу и быстро вышелъ изъ комнаты. Я какъ-то противъ воли закричала:

— Дмитрій Александровичъ!

Онъ вернулся. Я чуть не вскрикнула отъ радости, но въ горлѣ у меня сжалось, и я не могла произнести ни слова. Онъ нерѣшительно подошелъ ко мнѣ, наклонился и посмотрѣлъ въ самые глаза. И вдругъ взялъ мою голову въ руки и сталъ цѣловать глаза, губы, лобъ и щеки.

— Лёля, Лёля!—едва слышно произнесъ онъ

И въ этомъ страстномъ шепотѣ я услыхала тѣ же дрожащія ноты, какія въ первый разъ въ жизни услышала, когда Владиміръ назвалъ меня Лёлей. Я вскочила съ кресла и шатаясь перешла на другой конецъ комнаты.

— Дмитрій Александровичъ! Оставьте меня... Я не люблю васъ... Оставьте меня. .

Онъ стоялъ, какъ вкопаный.

— Я знаю, я виновата... Я прошу васъ, простить меня и оставьте. Мы не дадимъ другъ другу счастья.

Онъ хотѣлъ что-то сказать, двинулся ко мнѣ, но я просто закричала:

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!... Я не люблю васъ... Никогда не полюблю.. Оставьте меня доживать такъ, какъ я до сихъ поръ жила.

Онъ молчалъ и точно не вѣрилъ моимъ словамъ.

— Исполните мою первую и послѣднюю просьбу... Уѣзжайте изъ Петербурга.

— Я повинуюсь.

— И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше... Уѣзжайте завтра же... Пожалуйста... Вы уѣдете, да?

— Уѣду.

— Когда?

— Завтра, если это можно доставить вамъ удовольствіе.

Онъ говорилъ такъ сухо, что я чуть не заплакала. Я протянула ему обѣ руки. Онъ почтительно поцѣловалъ ихъ и, не взглянулъ на меня, пошелъ изъ комнаты. Но въ его походкѣ было что-то нерѣшительное. Точно онъ ждалъ,

что я опять позову его. Я не позвала. Я упала на диванъ, охвативъ голову руками. Мнѣ не хотѣлось ничего ни видѣть, ни слышать. Хотѣлось исчезнуть, не существовать. И всю ночь это желаніе исчезнуть, обратиться въ ничто—преслѣдовало меня. Вся жизнь показалась мнѣ такой маленькой, ничтожной, безцѣльной, что стало просто стыдно бороться, стремиться, желать жить. Для чего? И вся «исторія» со Львовымъ мнѣ показалась такой банальной, всѣ мои фразы—такими пошлыми. Сотни разъ я читала и по-русски, и по-французски, какъ «онъ» бросается на колѣни, а «она» говоритъ: «Я честная женщина! Оставьте меня!» Честная женщина! Что это значитъ?

Мужъ прервалъ мои разсужденія. Онъ пріѣхалъ съ вокзала, провожалъ товарища съ женой. Видѣлъ Львова.

— Ну, что онъ?—спросила я равнодушнымъ тономъ.

— Ничего... Въ удивительномъ дорожномъ пальто съ пелериной.

— Велѣлъ кланяться мнѣ?

— И не подумалъ! Всѣ мужчины коварны!—сказалъ мужъ, громко разсмѣявшись, и, взявъ

обѣими руками мою голову, звонко поцѣловалъ меня. И опять въ этомъ жестѣ и въ этомъ поцѣлуѣ меня покоробило то отвратительное чувство собственности, которое съ перваго же года нашей жизни съ Владиміромъ такъ тяготило меня. Въ томъ, какъ мужъ говорилъ обо мнѣ съ другими, въ томъ, какъ онъ откуда-нибудь звалъ меня домой, въ самыхъ его ласкахъ чувствовалось это сознаніе его права надо мною, и мнѣ всегда это было очень тяжело, а теперь стало до болѣзненности невыносимо... Особенно, когда Владиміръ пускаетъ въ ходъ при Дмитріи Александровичѣ свои «мужнины» интонаціи,— я едва сдерживаю мое негодованіе.

А этотъ ужасный, громкій смѣхъ! Какъ онъ раздражаетъ меня!

20 апрѣля.

Неужели человѣчествомъ руководятъ аппетиты, страсти, эгоизмъ? Дмитрій Александровичъ повторялъ нѣсколько разъ, что порокъ естественъ въ человѣкѣ, добродѣтель—искусственна. Неужели это правда?

Какъ глупо такъ жить... Постоянно носиться со своими желаніями, стремленіями, страстями... Буря въ стаканѣ воды.

22 апрѣля.

Мама всегда говорила, что человѣкъ обязанъ сознательно бороться со своими чувствами, сознательно направлять ихъ... Это легко сказать, а какъ сдѣлать, когда всѣ мысли, всѣ думы направлены на одно и то же и нѣтъ ни силъ, ни воли принудить себя даже думать не о томъ, о чемъ хочется думать?

Принялась читать оставленную мнѣ Дмитріемъ Александровичемъ книгу, но мысли далеко... Я знаю, что я самая обыкновенная, средняя женщина, я знаю, что не имѣю права предъявлять къ жизни никакихъ особыхъ требованій... Я ничѣмъ не лучше тѣхъ, кого я вижу кругомъ. О мамѣ я не говорю. Она неизмѣримо выше меня, она всегда жила и до сихъ поръ живетъ не для себя. И я преклоняюсь передъ нею... и не могу жить, какъ она. Вотъ почему я такъ обрадовалась, когда Дмитрій Александровичъ сказалъ разъ:

— Служить ближнему?... Отречься отъ себя во имя меньшей братіи? На какомъ основаніи? Люди, какъ и все въ природѣ, неравны. И низшіе организмы должны служить высшимъ...

Это противорѣчило всему тому, во что я вѣрила, во что считала долгомъ вѣрить... Но я схватилась за эти слова...

Меня всегда тянуло въ двѣ стороны: самоотреченіе, гуманность, самопожертвованіе на пользу обездоленныхъ и страдающихъ, радость чужому счастью, состраданіе чужимъ слезамъ... Съ другой стороны: безсознательная, но мучительная жажда личнаго счастья, жажда ласкъ, красоты, нѣги... Я пыталась оправдать себя наслѣдственностью: моя мать—олицетворенный принципъ альтруизма, отецъ—добрый, симпатичный кутила, рабъ своихъ страстей.

Какая все это натяжка! Ну, причемъ тутъ то, что у меня такія же тонкія, подвижныя ноздри, какъ у отца, такой же нервный, надтреснутый голосъ? Я могу, я должна направлять свои стремленія, я обязана руководить моими поступками...

Прежде для меня все было ясно. Я по символу вѣры мамà и ея кружка знала, что̀ хорошо и что̀ дурно, что̀ нужно дѣлать и чего нельзя... Теперь у меня все спуталось, и я не могу возстановить равновѣсіе...

Личность есть начало и конецъ человѣчества, — повторялъ онъ. Если это правда, то, конечно, всѣ цѣпи, наложенныя человѣкомъ на самого себя,—безсмысленны. Къ чему ежеми-

нутныя уступки, оглядки? Зачѣмъ дѣлаешь не то, что считаешь лучшимъ и желательнымъ, а то, что *нужно* дѣлать? И въ сущности вся жизнь уходитъ на какую-то мелкую, пошлую борьбу. Какъ счастливъ Дмитрій Александровичъ, что сумѣлъ понять это!

«Смотрѣть прежде всего на ближайшія, непосредственныя послѣдствія нашихъ дѣйствій для другихъ и съ ними сообразовать наши рѣшенія—узкая, низменная, мѣщанская мораль». Надо разобраться въ этомъ. Въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, надо смотрѣть мимо этихъ ближайшихъ послѣдствій для другихъ и даже—въ случаѣ необходимости—цѣною страданій этихъ «другихъ» способствовать осуществленію болѣе отдаленныхъ цѣлей.

«Не страданіе возмутительно, а его безсмысленность. Конечныя перспективы жизни опредѣляются для человѣка не страданіемъ, а удовольствіемъ».

Зачѣмъ онъ уѣхалъ? Мнѣ такъ обо многомъ надо поговорить съ нимъ. Мужъ ничего этого не понимаетъ, не можетъ понять.

— Ты все хочешь что-то рѣшать и что-то изображать изъ себя.. Это смѣшно,—постоянно повторяетъ онъ.

Какіе мы чужіе другъ другу!... При такой безпредѣльной близости—такая ужасная отчужденность!...

12 мая.

Надо собираться на дачу. Мужъ скоро выступаетъ въ лагери, и мнѣ не хочется оставаться въ Петербургѣ одной. Были обойщики, все закрыли чехлами; драпри и ковры сняли. Цѣлыхъ два дня въ квартирѣ присѣсть было негдѣ, пока ее не оголили и не привели въ самый унылый видъ. Такъ полагается въ каждомъ «порядочномъ» домѣ!...

13 мая.

Помню, какъ послѣ перваго же визита Д. А. мужъ сказалъ мнѣ:

— Львовъ придется тебѣ ко двору...

Я не поняла, сказалъ онъ это серьезно или шутя. Я какъ-то замѣтила ему, что его товарищи «не ко двору» мнѣ. Я не знаю, о чемъ говорить съ ними... Мужъ тогда, казалось, не обратилъ вниманія на мои слова, но, очевидно, запомнилъ ихъ. И когда появился Львовъ, онъ точно обрадовался, что, наконецъ, мнѣ будетъ съ кѣмъ «поговорить». Мужъ всегда добро-

душно поддразнивалъ меня моей наклонностью къ «умнымъ разговорамъ». Онъ видитъ, что съ его товарищами, и даже съ нимъ самимъ, я не могу говорить ни о чемъ, что непосредственно ихъ не касается. Съ кружкомъ мама я въ послѣднее время совсѣмъ разошлась. Я прямо сказала ей, что не могу бывать тамъ, гдѣ не цѣнятъ и не любятъ моего мужа. Владиміръ постоянно заботится, чѣмъ бы развлечь меня. Но весь послѣдній годъ его мать серьезно больна, и онъ каждый день навѣщаетъ ее. Кромѣ того служба, вечеромъ клубъ... А я одна и одна... Знакомыхъ много, но я среди нихъ еще болѣе одинока, чѣмъ съ моими книгами, въ моихъ четырехъ стѣнахъ.

15 мая.

Сегодня я держала себя отвратительно. Мужу привели новую лошадь, она ему не понравилась; онъ разсердился и чуть не цѣлый часъ ходилъ по комнатѣ, крутилъ усы, кусалъ ихъ и повторялъ:

— Ребра мало! Мало ребра!

Въ другой разъ я отнеслась бы къ его горю или сочувственно, или добродушно; сегодня же меня злило и глупое раздраженіе Владиміра, и

его назойливый тонъ. Точно у всѣхъ только и на умѣ, что его лошадиныя огорченія. Я ушла къ себѣ и стала «заниматься». Я послѣ отъѣзда Дмитрія Александровича стала читать съ выписками. Но до сихъ поръ у меня это какъ-то не идетъ. Я привыкла слушать чтеніе Дмитрія Александровича. И когда онъ читалъ, я все понимала. Теперь же многое меня ставитъ въ тупикъ. Сегодня я выписывала тѣ мѣста, по поводу которыхъ мнѣ надо было бы поговорить съ Дмитріемъ Александровичемъ. Мужъ подошелъ сзади, взялъ меня за плечи и громко прочелъ:

— «Le mysticisme! Toute la poésie est là». Что за чушь! Значитъ, Пушкинъ мистикъ? Или онъ не поэтъ, по-вашему? И охота тебѣ эту чушь читать, да еще выписывать!

— Нѣтъ, это не чушь, а совершенная правда.

Владиміръ безцеремонно взялъ мою записную книжку и сталъ громко читать:

— «Aspirations follement fraternelles de nos coeurs vers d'imaginaires créatures. ou vers la nature personifiée et sensibilisée;—tenues et surprenantes affinités que rien n'explique; vague et précieux besoin, dont se tourmentent nos esprits, de deviner l'inconnu, de pénétrer l'impénétrable et de peupler le vide;—charme infini des

émotions illusoires, de quoi nous pleurons, les sachant telles; attrait impossible à définir de ce que la pensée sublime, le sentiment egaré. la sensation exacerbée ont de plus ineffable et fugace, ou de plus intense et vibrant: toutes ces choses ont droit de cité en poésie..»

Мужъ пожалъ плечами, бросилъ книжку и, смѣясь, сказалъ:

— Одинъ сумасшедшій написалъ, а другая сумасшедшая списываетъ...

Я такъ разозлилась, что взяла книжку и спрятала ее къ себѣ въ столъ.

— Сколько презрѣнія къ моему невѣжеству!—шутливымъ тономъ сказалъ мужъ и хотѣлъ взять мою руку.

Я вырвала руку и ушла изъ комнаты. Какъ это все глупо и нелѣпо съ моей стороны! Чѣмъ виноватъ Владиміръ, что я не въ духѣ? Онъ всегда такъ шутилъ со мной, и я всегда прекрасно понимала эти шутки. Я просто нездорова. Надо скорѣе уѣхать на дачу и успокоить расходившіеся нервы.

17 мая.

Я всегда говорила, что не понимаю скуки... Отчего же теперь мнѣ всегда и со всѣми скучно?

Какъ это сказано? «Et l'ennui, arraignée silencieuse, filait sa toile dans l'ombre à tous les coins de son coeur». Нѣтъ. Это не скука, а тоска. И надо нести ее безмолвно, одиноко!...

21 мая.

Я поселилась въ Царскомъ для того, чтобы быть поближе къ мужу и къ матери, и никогда я не была такъ далеко отъ нихъ, какъ теперь Мать живетъ въ Павловскѣ на дачѣ у своихъ друзей Кувшиновыхъ. Онъ—старый литераторъ съ сѣдыми кудрями и длинною бородой, жена—переводчица либеральныхъ книжекъ, «столпъ женскаго вопроса», какъ ее называетъ Дмитрій Александровичъ. Прежде я любила эту чету и понимала ее, теперь каждая моя поѣздка въ Павловскъ кончается чуть не ссорой съ мама́. Какая нетерпимость у этихъ людей! Они ничего не видятъ дальше узкой тенденціи, ничего не хотятъ знать кромѣ того, что́ ихъ лично интересуетъ, относятся съ презрѣніемъ къ тому, чего не понимаютъ, напримѣръ къ искусству, а отъ художественнаго произведенія ждутъ прежде всего какой-то грошевой пользы. Меня это возмущаетъ. Вчера мы страшно спорили. Съ одной стороны — мама́, Кувшиновъ съ

женой и какой-то студентъ. Съ другой — одна я. И они сочли себя побѣдителями! А будь со мною Дмитрій Александровичъ, конечно, мы бы побѣдили ихъ; какъ они заблуждаются! Дмитрій Александровичъ высмѣялъ бы ихъ «мораль и публицистику». А когда я осмѣлилась сказать по поводу одной книги, занимающей теперь мама и ея кружокъ, что «морализированіе и обличеніе—не искусство», на меня всѣ напали, мама первая.

— Не говори ты мнѣ, пожалуйста, о самодовлѣющемъ искусствѣ. Эта теорія и нелѣпая, и вредная по нынѣшнимъ временамъ.

— Почему вредная?

— Ты очень хорошо знаешь... Съ самыхъ юныхъ лѣтъ ты слышала изреченіе, что «года политическаго и умственнаго застоя были всегда золотымъ вѣкомъ чистаго искусства»... Неужели ты все забыла? Неужели тѣ книжки, которыя ты глотала съ жадностью въ послѣднее время, настолько извратили твои понятія?.. Прежде ты никогда не стала бы спорить, что̀ выше: мысль и нравственность или эстетическія волненія «чистаго искусства».

— Я не знаю искусства ни чистаго, ни нечистаго. Искусство только одно, то, въ кото-

ромъ его цѣль, его оправданіе, его право на существованіе, — сказала я и вся покраснѣла, сообразивъ, что я повторяю цѣликомъ слова Дмитрія Александровича.

— Искусство не цѣль, а средство,—мрачнымъ голосомъ сказалъ Кувшиновъ. Его единственное оправданіе въ служебномъ значеніи; его право на существованіе въ нравственномъ воздѣйствіи на личность, на общество.

— Требовать отъ искусства служенія посторонниимъ цѣлямъ — значитъ связывать его крылья. А искусство прежде всего должно быть свободно. Только тогда оно создастъ что-нибудь вѣчное,—сказала я.

— Нѣтъ, вѣчно только то, что отмѣчено глубокой мыслью или проникнуто нравственною идеей. Неужели Фаустъ вѣченъ только благодаря внѣшней красотѣ?

— Не знаю... Но помню, что въ *Фаустѣ* же сказано: «Прекрасное одно — потомства достоянье!»

— А Евангеліе?! Нѣтъ-съ, центръ тяжести произведенія не въ безсмысленныхъ эстетическихъ красотахъ, а въ нравственномъ мотивѣ, въ идеѣ.

— А Пушкинъ! — горячо воскликнулъ сту-

дентъ.—Пушкинъ, съ которымъ носились и носятся наши эстетики. Онъ самъ опредѣлилъ свое значеніе и пользу своей поэзіи. Какими словами?... «Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ, что въ сей жестокій вѣкъ я прославлялъ свободу и милость къ падшимъ призывалъ»...

— Но тотъ же Пушкинъ сказалъ: «Тьмы низкихъ истинъ мнѣ дороже насъ возвышающій обманъ»... И онъ же сказалъ: «Блаженъ, кто знаетъ сладострастье высокихъ мыслей и стиховъ... Кто наслажденіе прекраснымъ въ прекрасный получилъ удѣлъ»...

Студентъ перебилъ меня, но успѣлъ только сказать: «Извините»... какъ мама́ остановила его.

— Ну, довольно объ этомъ,—сказала она,—по-моему, нельзя спорить о цвѣтахъ съ дальтонистами.

Въ мама́ всегда было много нетерпимости, а въ нѣкоторыхъ вопросахъ она совершенно не допускала противорѣчій.

— Нѣтъ-съ, позвольте,—загорячился Кувшиновъ —Пусть Елена Борисовна выяснитъ... Какое же собственно искусство имѣетъ право на существованіе? Какое?

*

Я молчала.

— Служеніе чистой красотѣ есть миѳъ, сказалъ одинъ русскій писатель И это совершенно вѣрно-съ... Вы не уважаете искусство, а низводите его, дѣлаете изъ него забаву праздныхъ людей, тогда какъ оно должно не забавлять человѣка, а будить его мысль и чувство, совершенствовать его въ нравственномъ отношеніи. вести къ добру и правдѣ...

Какъ все это старо и истрепано! Какъ бы смѣялся Дмитрій Александровичъ этой прописи изъ книжки либеральнаго журнала! А давно ли я сама спорила съ нимъ? Помню нашъ разговоръ въ самомъ началѣ знакомства съ нимъ, когда онъ задумалъ «совращать меня въ эстетику», какъ онъ выражается.

— Какая же цѣль поэзіи?—спросила я.

— Самая поэзія.

— А ея назначеніе?

— Будить въ душѣ читателя чувство прекраснаго.

Я схватилась за эту фразу и воскликнула:

— Значитъ, вы приписываете ей служебныя цѣли?

— Въ концѣ концовъ всегда окажется цѣль. . Поймите меня: поэзія не имѣетъ ничего общаго

съ моралью... Разъ поэтическое произведеніе становится проповѣдью, оно теряетъ всю свою поэтическую силу.

Тогда я долго спорила съ нимъ. Теперь же мнѣ все это кажется такъ просто и истинно, какъ дважды-два—четыре, и мнѣ совѣстно было спорить съ мамá и пріятно было повторять слова Дмитрія Александровича. Я обратилась къ Кувшинину и сказала ему словáми Львова:

— Вамъ нравится что-нибудь? Отчего?—Не отчего, что полезно, а потому, что красиво... Да и кто рѣшилъ, что полезно и что вредно?

— Тотъ же, кто рѣшилъ, что красиво и что нѣтъ: человѣкъ!—сказала мамá раздраженнымъ тономъ, и всѣ замолчали.

Я чувствую, что пропасть между мною и кружкомъ матери все растетъ и растетъ. Съ мужемъ я не могу говорить о нѣкоторыхъ вопросахъ, напримѣръ о литературѣ,—она совсѣмъ не интересуетъ его. Онъ очень милый, очень умный, но у него умъ свой, житейскій, не вычитанный. Онъ въ юности прочелъ все, что полагается прочесть и забыть. Теперь ему трудно и скучно читать. Къ русскимъ журналамъ онъ относился всегда свысока, французскую литературу не любитъ. Я никогда и не

говорю съ нимъ о книгахъ. Разъ только я измѣнила себѣ: меня мучила совѣсть, что я разозлилась на него изъ-за пустяковъ, изъ за шутки (когда онъ прочелъ мою выписку изъ Guaïta), и я дождалась перваго же случая, чтобы поговорить съ нимъ серьезно о томъ, что меня интересуетъ. Изо всего мною сказаннаго онъ запомнилъ только два слова; l'assonnance и l'allitération, и подхватилъ ихъ.

— Ассонансъ и аллитерація! Блесну моими познаніями передъ командиршей! Сражу ее!

Потомъ весь обѣдъ онъ повторялъ эти слова:

— Супъ заснулъ въ сосудѣ!... Какова аллитерація! ..

Съ этихъ поръ я рѣшила не говорить съ мужемъ о томъ, что меня интересуетъ. И опять осталась одна, совсѣмъ одна.

2 іюня.

Никогда, никогда въ жизни я такъ не тосковала. Съ матерью мы совсѣмъ разошлись. Послѣ того спора, у нея, она пріѣхала ко мнѣ взволнованная и прямо приступила къ объясненію:

— Мнѣ очень тяжело, Лёля, видѣть, какъ ты измѣнилась... Куда дѣлись твои благородныя мысли, твои хорошія стремленія?... Ты говоришь просто безнравственныя вещи... И я убѣж-

дена, что это Львовъ тебя заставилъ забыть всѣ хорошія слова.

Я не выдержала и вспылила.

— При чемъ тутъ Львовъ?

— Онъ опьянилъ тебя звучными стихами, смѣлыми парадоксами.. Ты повѣрила ему на слово и...

Я не дала договорить и почти закричала:

— Никто меня не опьянилъ... И я не маленькая... Я очень хорошо знаю, что мнѣ дѣлать и чему сочувствовать... Мама! Слушай: неужели ты думаешь, я забыла все то, чему ты учила меня? Не забыла, но усомнилась... Нужны ли вы Россіи? Гдѣ результаты вашихъ трудовъ, вашего самопожертвованія? Развѣ васъ не предаютъ? Не отрекаются отъ васъ? Развѣ вы не навязываетесь тому же народу, который васъ знать не хочетъ? Я не могу такъ жить... Не могу...

— А можешь жить эгоистичной жизнью, упиваться личнымъ счастьемъ и не видѣть, не желать видѣть ничего, кромѣ своихъ животныхъ наслажденій? Мнѣ стыдно за тебя, Лёля! Стыдно, что ты моя дочь.

Мать пристально посмотрѣла на меня и покачала головой. И я прочла въ ея глазахъ

такой злобный упрекъ, что уже не могла владѣть собой.

— Мама!—почти закричала я,—надо имѣть призваніе, чтобы быть гувернанткой. Вѣчно морализировать, вѣчно учить, вѣчно разрѣшать вопросы... Я не могу этого; не могу, и не хочу... Не хочу учить народъ, не хочу руководить обществомъ, не хочу читать ежесекундныя наставленія ни себѣ, ни другимъ... Потому что я не знаю, въ чемъ истина, въ чемъ счастье.—въ невѣжествѣ или въ знаніи, въ покорности или въ свободолюбіи, въ эгоизмѣ или въ альтруизмѣ... А ты знаешь?

Мать молчала. Она была очень взволнована, я видѣла это, но меня точно радовало ея волненіе; оно не только не смягчило мою душу, а, напротивъ, точно дало мнѣ толчокъ говорить дальше.

— Васъ всѣхъ поглотили условности и предразсудки... Всѣхъ, всѣхъ... И тебя, и всѣхъ твоихъ друзей... Чувства, мысли — все приносится въ жертву имъ... Все подводится подъ вашъ шаблонъ, все мѣряется вашей условной мѣркой... Гдѣ же тутъ либерализмъ? Вы самые ужасные деспоты! Вы клеймите все, что хочетъ развиваться свободно, помимо васъ, вы не до-

пускаете эстетическихъ наслажденій, вы браните все, что идетъ дальше условной пользы, условнаго труда, условной честности... Это—то же рабство, тѣ же цѣпи, только позолоченныя громкими фразами и хорошими словами...

Я замолчала. Мать пристально смотрѣла на меня. На ея длинныхъ рѣсницахъ дрожали и блестѣли крупныя капли.

Она ушла, а я не спала всю ночь... Кто же изъ насъ правъ? Гдѣ истина? Чего надо добиваться? Куда стремиться? Чего желать? Какъ жить? Иногда я сознаю, что стыдно такъ жить.. Иногда я знаю, что жизнь—«это мигъ между двумя вѣчностями», какъ говоритъ Львовъ, и мнѣ такъ жаль, такъ безумно жаль тратить ее на мелкую борьбу, на мелкія слезы, на ненужные споры, на безсмысленныя жертвы.

---

4 іюня.

Жарко. Дышать нечѣмъ. На сосѣднемъ дворѣ кричитъ пѣтухъ. Отъ тоски стала считать, сколько разъ услышу я это назойливое кукуреку...

Гдѣ-то ребенокъ грустно и надоѣдливо плачетъ. О чемъ? Неужели и ему тяжело и скучно жить на свѣтѣ?

2 часа ночи.

Устала читать... Не могу больше... Какая тоска! Какіе безконечные дни, какіе томительные вечера!

Пріѣхалъ изъ лагерей мужъ. Какъ онъ доволенъ своей службой, своей тройкой, погодой, собою! Меня это раздражаетъ, и я не могу совладѣть съ собою. Я не знаю, чего мнѣ хочется, что я должна дѣлать, но я не могу такъ жить... Я хочу любить мужа и когда его нѣтъ—я люблю его, я жду его съ радостью, съ нетерпѣніемъ. Каждый его пріѣздъ — мнѣ мученіе. Точно я каждый разъ падаю съ неба на землю: все тѣ же давно извѣстные разговоры о знакомыхъ, о тратахъ, о дороговизнѣ жизни, о несправедливости начальства. Все тѣ же грубыя ласки и нѣжныя слова. Все тотъ же громкій хохотъ. И я рада, когда онъ уѣзжаетъ, и я опять остаюсь одна и опять начинаю ждать, что пріѣдетъ Владиміръ милый, любящій, любимый.

Сегодня онъ сказалъ мнѣ:

— Ты совсѣмъ закисла.. И знаешь отчего, цѣлый день сидишь, сложа руки.

— Что же мнѣ дѣлать?—спросила я съ раздраженіемъ.

— Не знаю что... Ну, хоть садомъ займись...

Клумбы, цвѣты... Нельзя безъ физическаго труда жить!

Я сознавала, что мужъ отчасти правъ, но я ничего не отвѣтила ему; я знаю, что нельзя жить безъ дѣла, но я не знаю такого дѣла, на которое можно и нужно отдать свою жизнь. И никто мнѣ не поможетъ. Мужъ? Онъ дальше клумбъ и цвѣтовъ не пойдетъ. Дмитрій Александровичъ? Онъ находитъ каждое дѣло условнымъ и ненужнымъ. Конечно, одни только чувства не условны! Но гдѣ они, чувства, въ ихъ чистомъ видѣ? Все замѣнилъ долгъ или обманъ.. Нужно быть любезной, милой съ тѣмъ, кого не любишь и не уважаешь. Нужно быть холодной и чужой съ тѣмъ, кого обожаешь и о комъ только и думаешь...

Отчего я совсѣмъ не могу спать?

Царское.

Цѣлые дни проходятъ совсѣмъ не такъ, какъ хочется. Дѣлаешь то, чего не хочешь дѣлать, говоришь то, чего не думаешь, ѣдешь туда, куда не хочешь. И это жизнь? Каждый день подводитъ ближе къ могилѣ, каждый день непоправимо пропадаетъ гдѣ то тамъ, сзади... Кому все это нужно?

Скука. Безпросвѣтная скука. Ничего не радуетъ, ничего не веселитъ. Все такъ безцѣльно, тускло, глупо... Сегодня какъ вчера, вчера какъ завтра. И неужели для этого стоило появляться на свѣтъ. мучить девять мѣсяцевъ мать при беременности, рвать ее въ клочья при родахъ, терзать ее своимъ крикомъ при прорѣзываніи зубовъ, при разстройствѣ желудка, мучить ее корью, скарлатиной, азбукой, экзаменами, грубостями, разными выходками, увлеченіями, дурно помѣщеннымъ чувствомъ, дурно выбраннымъ замужествомъ... И все это для того, чтобъ успокоиться на такой жизни? Вся изъ мелочей, изъ такихъ мелочей, что даже записывать совѣстно, противно...

Надо осмыслить жизнь, говоритъ мама. Конечно, надо, иначе нельзя. Но раньше надо снять всякія оковы:—чтобы летѣть, надо развязать крылья... Мужъ ничего этого не понимаетъ ..

6 іюня.

Глаза болятъ... Не могу читать. И досадно, что все кажется не тѣмъ, какимъ должно быть. Отчего, когда Дмитрій Александровичъ читалъ мнѣ вслухъ, тѣ же вещи мнѣ казались совсѣмъ

иными? Потому ли, что звукъ слова необыкновенно соотвѣтствуетъ его значенію? А это пропадаетъ, когда я читаю одна... И часто то, что мнѣ нравилось прежде, кажется ненужнымъ наборомъ словъ.

Мужъ пріѣзжаетъ часто. Знакомыхъ и здѣсь и въ Павловскѣ много, а я—одинокая и грустная.

—

Вчера я сказала «нашимъ», чтобы днемъ никогда не пріѣзжали ко мнѣ... «Наши» — это тотъ кружокъ, въ которомъ я верчусь послѣднія пять лѣтъ. Такой же кружокъ, какихъ сотни въ Петербургѣ, гдѣ вмѣстѣ тѣсно, а порознь скучно, гдѣ за глаза злословятъ, а въ глаза хвалятъ, гдѣ есть свои «словечки», свои общія симпатіи или антипатіи... Эти кружки пополняются время отъ времени «новыми», которыхъ сначала встрѣчаютъ недружелюбно, пока они не станутъ «своими». Обыкновенно этотъ «новый»—новый поклонникъ одной изъ дамъ кружка, она и вводитъ его... Я никого не «ввела» въ нашъ кружокъ, да и сама какъ-то невольно сдѣлалась членомъ его... Еслибъ я была беллетристомъ, я описала бы этихъ «нашихъ» съ ихъ вѣчными стремленіями развлекаться и суетиться.. И все развлеченіе кончается винтомъ... Играютъ

всѣ, даже молодыя дѣвушки... Бываютъ вечера, гдѣ тридцать-сорокъ дамъ и дѣвицъ декольте, съ голыми до плечей руками сидятъ за картами чуть не до утра...

Нашъ «кружокъ» это: Леонтьевы, идеальная пара, какъ ихъ называетъ мой мужъ, оба маленькіе, худенькіе, всегда и вездѣ вмѣстѣ, и даже въ винтъ играютъ за однимъ столомъ и не ссорятся... У нихъ и дѣти такія же маленькія, стройныя и чистенькія какъ они сами, такая же квартирка, такая и вся жизнь... Маруся Коноплина, сестра Леонтьевой — дѣвица лѣтъ 26, велосипедистка съ отвлеченными разговорами. Утесовъ, молодой человѣкъ, проповѣдующій культъ флёрта...

Нѣтъ, не могу о нихъ писать, не знаю почему, я такъ много времени отдаю имъ; никто и ничто меня не интересуетъ въ этомъ кружкѣ, а бываю и трачу цѣлые вечера съ ними какъ-то по инерціи... А можетъ быть отъ безволія...

7 іюня.

Знать, чего хочется—вотъ величайшее счастье на землѣ. Я не знаю, чего хочу... Боюсь знать...

Да, мама́ права. Я забыла «хорошія слова». Но не .Львовъ виноватъ въ этомъ. Виновата я сама,—зачѣмъ я вышла за Владиміра... Какое существованіе онъ мнѣ далъ? Чѣмъ замѣнилъ мнѣ то, что̀ я видѣла «дома»? И какъ я могла полюбить его? Мама какъ-то недавно такъ объяснила это:

— Ты застала насъ въ періодъ банкротства, когда наши идеи, наши стремленія разбивались о равнодушіе или холопство съ одной стороны и о насиліе—съ другой... Тебя и потянуло въ другую сторону... Подвернулся Барминъ...

Помню, я не дала договорить, хотя сознаю, что мама̀ права, но боюсь даже самой себѣ признаться въ этомъ... До замужества я, все-таки, стремилась учиться, работать, быть кому-нибудь полезной. Вышла замужъ и дальше своихъ четырехъ стѣнъ и знать ничего не хочу. Точно туманъ какой-то сошелъ на меня. Конечно, мама́ и всѣ «ея» узки и тенденціозны. Въ ихъ воззрѣніяхъ много того, что Дмитрій Александровичъ называетъ «мѣщанствомъ». Нельзя все подводить подъ узкую утилитарную или морализирующую мѣрку. Но нельзя и такъ, какъ мы съ Владиміромъ. Сыты, здоровы и думаемъ, что счастливы. А дальше хоть трава не расти. От-

того мнѣ и скучно, оттого я и мечусь нравственно, что совѣсть не заснула во мнѣ, и я сознаю, что такъ стыдно жить. Разъ я сказала объ этомъ мужу, онъ отвѣтилъ мнѣ:

— Ты исполнила свое назначеніе—принесла счастье мужу. Не всякой женщинѣ и это дано.

Но я не могу не сознавать, что я даже и этого не исполнила. Владиміру нужна совсѣмъ не такая жена, какъ я. Его идеалъ: хорошая хозяйка, здоровая мать, веселый товарищъ. Онъ говоритъ, что женщина должна любить выѣзды, пріемы, наряды... А главное—не должна критиковать. не должна идти противъ того, какъ живутъ «всѣ». Для меня же невыносимо все приказанное, что мы всѣ называемъ «такъ принято», все условное, размѣренное, размѣщенное въ рамки. Вотъ чѣмъ мнѣ милъ Дмитрій Александровичъ. Онъ смѣлѣе и независимѣе всѣхъ, кого я до сихъ поръ знала. Про Владиміра я не говорю. У него свой катехизисъ, и онъ живетъ со спокойной совѣстью, что все, что онъ дѣлаетъ — нужно дѣлать. Но и мама́, и Кувшиновы—всѣ они надѣли на себя добровольныя цѣпи и влачатъ въ нихъ жизнь. Никакой ширины, никакого подъема духа! Узкая проповѣдь альтруизма, самоотверженія и всякихъ хоро-

шихъ чувствъ! Но, во-первыхъ, сама по себѣ всякая проповѣдь смѣшна,—смѣшна въ своемъ самомнѣніи, что словомъ можно сдвинуть гору. А во-вторыхъ, нужно ли кому-нибудь самоотверженіе? Не правильнѣе ли, чтобы каждый человѣкъ заботился о себѣ и о своемъ счастьѣ? Каждый! Тогда всѣмъ будетъ хорошо. Когда Дмитрій Александровичъ сказалъ это мнѣ, я возмутилась. Я была воспитана совсѣмъ въ другихъ понятіяхъ. Я спросила его:

— Какъ же это сдѣлать?

— Всякій человѣкъ долженъ служить своимъ желаніямъ и страстямъ; тогда онъ будетъ счастливъ. А изъ счастливыхъ отдѣльныхъ личностей составится счастливое общество.

— Но вѣдь разсудокъ долженъ сдерживать страсти.

— Зачѣмъ?

— Воля должна руководить желаніями...

— Почему? Это все никому не нужныя прописи.

— Да вѣдь тогда Богъ знаетъ что̀ начнется... Сколько зла, сколько несправедливостей будетъ!

— Никогда... Нужно, прежде всего, чтобы въ человѣкѣ было развито художественное чутье... Эстетикъ — врагъ зла оттого, что

оно не художественно, буржуазно и нечистоплотно.

Мнѣ показалось тогда, что Дмитрій Александровичъ шутилъ. Теперь я часто думаю объ его словахъ. Мнѣ стала невыносима буржуазная добродѣтель, окружающая меня. И мужъ — какъ ни люблю я его—все больше и больше раздражаетъ меня своей прописной моралью и тысячами условностей. И какъ я не замѣчала этого раньше? Какъ часто теперь я повторяю себѣ эти строки:

«La sottise, l'erreur, le peché, la lésine
Occupent nos esprits et travaillent nos corps...»

Дмитрій Александровичъ, какъ умный человѣкъ, понялъ жизнь и устроилъ ее возможно дальше отъ всякихъ условностей. Онъ и не женился, я думаю, оттого, что женатая жизнь вноситъ сейчасъ же цѣлый міръ мелочей и мелкихъ заботъ. Ссоры, дрязги, дѣти, плачъ и пискъ, кормилицы, наказанія, болѣзни... Куда уйдешь отъ нихъ? Какъ бы ни хотѣлъ взлетѣть на облака, но когда ребенокъ плачетъ весь день отъ неизбѣжныхъ страданій, вродѣ первыхъ зубовъ, невольно спустишься на землю, побѣжишь въ дѣтскую, разбранишь кормилицу или начнешь

няньчить ребенка. Дмитрій Александровичъ свободенъ какъ птица. Мужъ говоритъ, что онъ не живетъ въ Россіи потому, что онъ для родины лишній человѣкъ.

— Намъ нужны работники, а не болтуны, три раза повторилъ мужъ, когда мы съ нимъ въ послѣдній его пріѣздъ заговорили о Львовѣ. Довольно въ Россіи болтали... Пора дѣло дѣлать...

И Владиміръ поѣхалъ на «ученье» съ полнымъ сознаніемъ, что дѣлаетъ хорошее, нужное дѣло. Дмитрій Александровичъ не можетъ такъ относиться къ жизни. Его умъ не можетъ смириться съ дорогой по заранѣе установленнымъ и «утвержденнымъ» рельсамъ. Только мы, ничтожныя души, нищія умомъ, волею и свободолюбіемъ можемъ смиряться съ этимъ.

10 іюня.

Отчего чтеніе не даетъ мнѣ, какъ прежде, умиротворяющаго покоя? Напротивъ, оно тревожитъ мою голову, волнуетъ сердце...

12 іюня.

Получила письмо отъ Дмитрія Александровича. Онъ пишетъ мнѣ, что видѣлъ меня во снѣ.

*

будто мы гуляемъ съ нимъ въ какомъ-то особенномъ лѣсу съ громадными деревьями, съ длинными лиловыми цвѣтами, вродѣ глицинiй, и я не говорю съ нимъ ни слова. «И вдругъ передъ нами поляна, вся усыпанная увядшими розами; я хотѣлъ подойти къ вамъ, вы вспорхнули и полетѣли. И пока вы летѣли, ваше бѣлое платье, развѣваясь по воздуху, обратилось въ длинныя зубчатыя бѣлыя крылья. Это сонъ не простой, а вѣщiй... Я еще не могу сказать, что онъ означаетъ... Пока, напишите мнѣ, пожалуйста, только два слова: здоровы ли вы? Я вѣрю снамъ (смѣйтесь надъ моими предразсудками) и буду очень безпокоиться, пока не получу отъ васъ отвѣта».

Я сейчасъ же отвѣтила ему банальными фразами, что здорова и благодарю за участiе

Мужу я письма Львова не показала.

15 iюня.

Почему-то всѣ эти дни я думаю о Дмитрiи Александровичѣ. Его письмо что-то напомнило мнѣ, что-то во мнѣ разбудило. Почему онъ такъ охотно согласился уѣхать? Почему я настаивала на этомъ? Нѣтъ, я довольна собою, рада, что сумѣла выйти изъ опаснаго положенiя. Я чувствую, что могла бы серьезно увлечься... Те-

перь я могу снова спокойно смотрѣть въ глаза моему мужу, могу снова быть счастливой... Нѣтъ, не счастливой, а спокойной. Это все, чего можетъ требовать честная, замужняя женщина. Господи! До чего послѣдняя фраза въ стилѣ моего мужа! И какъ искренно хотѣлось бы мнѣ и говорить и думать въ унисонъ съ нимъ... Какъ всей душой желала бы я быть «хорошей, честной женой».

Я знаю, что Владиміръ не мудрствуетъ, не заносится въ высь, но онъ хорошій человѣкъ, полезный рабочій, любящій мужъ... Чего же больше надо? И какая я неблагодарная, что я все недовольна, все требую отъ жизни невозможнаго. Я согласна, что девяносто пять женщинъ изъ ста позавидовали бы мнѣ. А мнѣ скучно и я часто не знаю, что дѣлать съ собою. Я ни въ чемъ не могу придраться къ мужу: у него нѣтъ недостатковъ, даже нѣтъ слабостей. Онъ, какъ многіе военные, не любитъ кутежей, онъ образцовый мужъ, безукоризненно-честный человѣкъ. На его совѣсти нѣтъ ни одного пятнышка, и онъ свято относится къ своимъ обязанностямъ. Но это постоянное сознаніе, что онъ честно исполняетъ свой долгъ вѣрноподданнаго, его уравновѣшанность примѣрнаго мужа и хоро-

шаго человѣка — часто невыносимы для меня. Его «праведность» порой доводитъ меня до злобы, до несправедливости, и чѣмъ яснѣе я сознаю мою несправедливость, тѣмъ болѣе раздражаетъ меня мужъ. Что можетъ быть ужаснѣе этихъ праведниковъ, непогрѣшимыхъ, спокойныхъ и довольныхъ собою?

18 іюня.

Получила письмо отъ Ольги! Въ отчаяніи! Княгиня уѣхала за границу!...

20 іюня.

Вчера опять пріѣхали «наши» и увезли меня въ Павловскъ на музыку... Мнѣ показалось, что m-me Леонтьеву передернуло, когда ко мнѣ подошелъ Кувшиновъ въ своей крылаткѣ...

26 іюня.

Ни одинъ листъ не пошевелится... Вчера пріѣзжалъ Владиміръ. Усталый, загорѣлый. Отъ его бѣлаго цвѣта лица остался только правый уголъ лба, защищенный козырькомъ фуражки. Со мной онъ былъ какъ-то особенно милъ и ласковъ.

Гдѣ-то каркаетъ ворона... Жарко! Читала до боли въ глазахъ... Хочется спать; хочется заснуть и не проснуться.

28 іюня.

Сегодня я лежала въ гамакѣ и читала. Должно быть я задремала, потому что не слышала шума, а скорѣе почувствовала, что кто-то стоитъ около меня. Взглянула:—Дмитрій Александровичъ! Я вскрикнула и, сама не знаю отчего, зарыдала.

— Я испугалъ васъ... Простите! — ласково и радостно прошепталъ онъ.

Испугалъ! Кажется онъ не вѣрилъ, что я плачу отъ испуга. Я сама не ожидала, что его пріѣздъ такъ взволнуетъ, такъ обрадуетъ меня

— Откуда? Когда? — могла спросить я наконецъ.

— Сегодня утромъ... Изъ Курской губерніи... Пріѣхалъ на минуту... Какъ вы себя чувствуете?

— Я? Прекрасно.

— Ничего не случилось?

— Ничего... А что?

— Я опять видѣлъ сонъ. Я былъ увѣренъ, что вы больны или несчастливы... Простите... Я не могъ не пріѣхать... Я уѣду сегодня же.

Онъ замолчалъ. Молчала и я. Сердце у меня билось такъ сильно, что я не могла произнести ни слова.

— Что вы подѣлываете? Владиміръ Степа-

новичъ что?—вдругъ совсѣмъ инымъ тономъ заговорилъ Львовъ.

Я посмотрѣла на него и во мнѣ шевельнулось какое-то недоброе чувство. Онъ точно замѣтилъ это, сталъ разсказывать о своей поѣздкѣ, о своей тоскѣ и недовольствѣ жизнью. Онъ ни разу не упомянулъ обо мнѣ, но я чувствовала, что во всемъ томъ, что онъ говоритъ, скрываюсь я, одна только я. И странно, я хочу, чтобы это такъ было. Я счастлива, что онъ забылъ тотъ ужасный вечеръ пятаго апрѣля, когда его поцѣлуй свелъ меня съ ума, но я не хочу, чтобы Дмитрій Александровичъ вычеркивалъ меня изъ своихъ думъ. Почему? Неужели изъ-за глупаго самолюбія?

Онъ посидѣлъ не больше часу и сталъ прощаться.

— Куда вы?

— Въ Петербургъ.. Хочу попасть на курьерскій, сегодня же.

— Ѣдете въ деревню?

— Вы здоровы, счастливы... Я только за этимъ и пріѣзжалъ.

— Надолго ѣдете?

— Не знаю. Это не отъ меня зависитъ.

Я не хотѣла понять его словъ и сказала:

— Мужъ будетъ жалѣть, что не видалъ васъ. Я думала вы пріѣдете обѣдать завтра... Мужъ будетъ здѣсь... Пріѣдете?

— Не знаю.

Онъ уѣхалъ и опять оставилъ впечатлѣніе чего-то недоговореннаго, неопредѣленнаго, раздражающаго.

Онъ какъ будто помолодѣлъ. Странно. Владиміру только двадцать девять лѣтъ, а Львову сорокъ пять, а между ними нѣтъ большой разницы. Конечно, у Львова уже морщины и сѣдина, но это его не портитъ. Много значитъ, что онъ заботится о своей внѣшности. Какъ-то зимой Владиміръ заѣхалъ къ нему утромъ и потомъ долго не могъ забыть, какъ Львовъ дѣлалъ свой туалетъ. Холодный душъ, туалетная вода, мохнатыя простыни, нѣлый арсеналъ пилочекъ, ножницъ и щетокъ, особенный халатъ, особенныя туфли, шелковое бѣлье, духи. . Владиміръ признаетъ только казанское мыло и баню Онъ такъ смѣялся надъ Дмитріемъ Александровичемъ и такъ много мнѣ говорилъ про его уборную, что я какъ-то поддразнила Львова его заботами о себѣ.

— Вы должны сочувствовать этому, — сказалъ онъ мнѣ. — Вы совершенно европейская

женщина и по вкусамъ, и по уму,—и по привычкамъ. Русская женщина вообще недостаточно культивируетъ себя... А это обязанность всякаго человѣка. И я не стыжусь признаваться въ томъ, что забочусь о моей физикѣ, точно такъ же, какъ не покраснѣю, если упрекнутъ меня въ томъ, что я культивирую себя въ умственномъ отношеніи. И ванны, и духи утончаютъ физическую организацію,—слѣдовательно, возвышаютъ человѣка. Замѣтьте, чѣмъ ниже духовное развитіе, тѣмъ народъ грязнѣе. Я не говорю про отдѣльныхъ личностей... Это ужъ исключеніе... А общее правило такое: чѣмъ выше духовное развитіе, тѣмъ культивированнѣе тѣло... Возьмемъ эскимоса и англичанина...

Помню, онъ какъ-то особенно горячо говорилъ на эту тему. Оттого ли, что она особенно интересуетъ его, или потому, что ему показалось, что, въ его отсутствіе, я съ мужемъ смѣюсь надъ нимъ?

29 іюня.

Опять былъ Львовъ и опять странное, неопредѣленное впечатлѣніе отъ его визита раздражаетъ меня. Я звала его обѣдать потому, что мужъ долженъ былъ пріѣхать къ шести ча-

самъ. Дмитрій Александровичъ явился въ два часа, сказалъ, что обѣдать не можетъ, такъ какъ хочетъ попасть на поѣздъ.

— Я долженъ уѣхать,—сказалъ онъ.

Эта загадочность злитъ меня. Изачѣмъ ѣхать? Я его не люблю, я застрахована любовью къ мужу. Очевидно онъ боится за свой покой, и, главное, за свою свободу. Онъ былъ молчаливъ и это тоже меня злило. Нельзя пріѣзжать въ гости для того, чтобы молчать. Это просто невѣжливо. Я предложила пойти въ паркъ, онъ разговорился. Зашла рѣчь о счастьѣ.

— Выше супружескаго счастья нѣтъ ничего въ мірѣ,—замѣтилъ онъ.

— То-то вы къ нему и стремитесь,—сказала я, все еще съ раздражаніемъ.

— Я слишкомъ пороченъ для него... Семейное счастье дается только добродѣтельнымъ людямъ.

— А ихъ такъ мало,—поторопилась сказать я, чтобы не понять, куда онъ ведетъ разговоръ.

— Слишкомъ много!

Онъ сказалъ это такъ жестко, что я не нашлась, что отвѣтить.

— Въ сущности, я только въ первый разъ въ жизни вижу настоящее семейное счастье,

основанное на страстной любви и на полномъ довѣріи,—сказалъ черезъ минуту Дмитрій Александровичъ. До сихъ поръ я сомнѣвался, существуетъ ли оно.

Я знала, что онъ говоритъ про меня, и не хотѣла ни опровергать, ни соглашаться.

— И мнѣ, какъ человѣку порочному, тяжело видѣть это счастье... Больно...

Онъ сказалъ это такъ искренно, что мнѣ стало жаль его, но я не смѣла показать ему этого.

— Я устала... Пойдемте домой... Дайте мнѣ вашу руку.

Какъ только я взяла его подъ руку, мы оба замолчали и дошли до дому, не сказавъ ни одного слова. Но мнѣ было хорошо и мнѣ казалось, что и ему было пріятно идти такъ, молча.

Когда мы пришли домой, я сказала:

— Видите столъ накрытъ для троихъ... Оставайтесь обѣдать.

Онъ мнѣ отвѣтилъ:

— Вѣрьте: кто истинно и хорошо любитъ женщину, тотъ не можетъ выносить ея мужа.

И уѣхалъ. Черезъ полчаса послѣ него явился Владиміръ со своимъ товарищемъ, княземъ Сѣдлецкимъ. Князь добрый малый, хорошій товарищъ, «не дуракъ выпить», безукоризненный

офицеръ. Это все опредѣленія моего мужа. Отъ того ли, что Сѣдлецкій занялъ мѣсто, предназначенное для Дмитрія Александровича, или случайно,—но я все время сравнивала ихъ.

— Вы свѣжи, какъ майское утро,—сказалъ онъ мнѣ.

Начался обѣдъ.

— Ну, Володя, надо за здоровье хозяюшки,— обратился Сѣдлецкій къ моему мужу.

Владиміръ не пьетъ, но какъ хозяинъ считаетъ долгомъ и пить и угощать.

Пошли разные прибаутки вродѣ, «безъ троицы домъ не строится», полковые разговоры, смѣхъ, шутки. А мнѣ было скучно и больно. Послѣ обѣда Сѣдлецкій сѣлъ за фортепіано Онъ прекрасно играетъ и славится въ полку своимъ исполненіемъ цыганскихъ пѣсенъ и шансонетокъ.

Когда онъ забарабанилъ какой-то кафешантанный, безшабашный мотивъ, Владиміръ весело и удальски запѣлъ:

Тарарабумбія,
Сижу на тумбѣ я...
Пришелъ городовой:
Тащи меня домой!..

Я вышла въ садъ, сѣла на скамью и, не знаю почему, заплакала.

А изъ открытой двери несся дѣтски-беззаботный смѣхъ мужа и Сѣдлецкаго.

2 іюля.

Томикъ «Le conte de Lisl.'a» въ бѣломъ кожаномъ переплетѣ и громадный пукъ желтовато-розовыхъ розъ.. Сегодня я съ утра была разстроена домашними дрязгами. Даже совѣстно писать чѣмъ. Оказалось, что горничная Маша каждую ночь уходила куда-то черезъ окно и къ разсвѣту возвращалась опять черезъ окно. Всѣ люди знали это и молчали. А сегодня разсердились на нее за что-то и донесли мнѣ. Я вспылила, позвала Машу и испортила себѣ все утро, не могла «заниматься». Вдругъ изъ Петербурга посыльный съ книгой и цвѣтами. Я глазъ не могу оторвать отъ этихъ розоватыхъ лепестковъ съ закрутившимися и пожелтѣвшими краями. Отъ жары и отъ дороги розы уже завяли, но это даетъ имъ еще больше прелести... Дмитрій Александровичъ не любитъ очень свѣжихъ розъ... Онѣ банальны. А вотъ именно эти, не яркія, не особенно свѣжія...

Посыльный сказалъ, что «баринъ» приказалъ кланяться. И ничего больше. Почему же онъ въ Петербургѣ? Что за неискренность! Сказалъ,

что уѣдетъ, и вотъ три дня прошло, а онъ все еще въ Петербургѣ. Зачѣмъ онъ лжетъ? Какъ это злитъ меня. Вѣдь я ничего отъ него не требую, ничего не жду... Мнѣ не было никакого дѣла до того, уѣзжаетъ ли онъ въ деревню, или къ какой-нибудь знакомой въ Петербургѣ. Не хотѣлъ тогда обѣдать у насъ — и не надо. Къ чему же эти комедіи?

4 іюля.

Сегодня пріѣзжалъ мужъ. Какъ только вошелъ, такъ и закричалъ:

— Какія розы! Несомнѣнно адюльтернаго происхожденія!

— Почему?

— Посмотри, какой у нихъ грѣховный видъ... Розовато-желтовато-коричневатый... Отъ кого?

— Отъ Львова.

— А?! Онъ въ Петербургѣ?

— Должно быть...

— Почему? Амуръ или карманъ? Что его держитъ?

— Я эти дни его и не видала .. Какъ же мнѣ знать?

— Ты его наперсница... Какъ же тебѣ не знать, почему онъ въ іюлѣ печется въ Петербургѣ.

5 іюля.

Жарко смертельно. Сегодня я съ Леонтьевыми была въ Павловскѣ. Скучная музыка, скучныя лица, безвкусные туалеты по модной картинкѣ. Ни изящества, ни лишй—ничего! И всѣ женщины—какъ одна: jupe cloche, рукава пузырями. Неужели онѣ не понимаютъ, что такое рабство модѣ оскорбляетъ и чувство самостоятельности, и стремленіе къ оригинальности, а главное, оскорбляетъ эстетическое чувство. Я никогда не могла одѣваться по модѣ. Прежде оттого, что въ насъ съ мамá былъ силенъ духъ протеста, теперь же потому, что во мнѣ развились художественные инстинкты, и я стала понимать форму и краски. Я еще не настолько смѣла, чтобы совсѣмъ не считаться съ модой и быть оригинальной, чтобы на меня показывали пальцами. Но я согласна съ Дмитріемъ Александровичемъ, что въ туалетѣ надо искать линію, художественность и смѣлость. Какъ странно! Прежде я терпѣть не могла, если мужчина обращаетъ вниманіе на женскій туалетъ. Мнѣ казалось, что мужчинамъ не полагается этого. И когда мужъ разсказывалъ про какую-нибудь даму и уродовалъ названія женскаго туалета, мнѣ это очень нравилось.

— Знаешь, у нея тутъ такой панцырь, а внизу перехвачено лентой!..

Я бывало ничего не понимала и хохотала отъ души. Львовъ же знаетъ всѣ тонкости женскаго туалета, и это мнѣ нравится. И вотъ почему нравится:—онъ и къ туалету относится, какъ художникъ. Онъ въ немъ видитъ талантливость, чутье и умѣетъ оцѣнивать его. И какъ мнѣ было пріятно обдумывать туалетъ, когда я часто видала Львова. Я знала, что ни одна деталь не пропадетъ даромъ. Теперь мнѣ не для кого одѣваться. Мужъ всегда мнѣ повторяетъ: «Во всѣхъ ты, душенька, нарядахъ, хороша» и, конечно, никакой художественности въ платьѣ не ищетъ. А если женщина говоритъ, что одѣвается сама для себя, она лжетъ. Всегда одѣваешься для кого-нибудь: для мужчинъ, чтобы нравиться имъ, или для женщинъ, чтобы злить ихъ.

7 іюля.

Мы сидѣли на террасѣ и пили чай. Мужъ шутилъ съ m-me Леонтьевой и поддразнивалъ ее однимъ изъ ея «милліона поклонниковъ». Вдругъ я услышала у калитки чей-то голосъ. Спрашивали: «Здѣсь живетъ г-жа Бармина»?

Я, не знаю отчего, вышла сама. Опять посыльный, громадный пучокъ розъ и письмо.

— Отвѣта не будетъ?—спросилъ посыльный.

— Кланяйтесь, — могла только я сказать, и вошла съ цвѣтами на террасу.

— Смотри, Владиміръ... эти еще грѣховнѣе, чѣмъ тѣ...

Громадные цвѣты, оттѣнка vieux rose, съ полуразвалившимися лепестками тихо колыхались на своихъ длинныхъ стебляхъ.

— Кто принесъ?

— Посыльный... Сейчасъ прочту, что «пишутъ»...

— Вотъ положеніе мужа, — обратился Владиміръ къ m-me Леонтьевой.—Печется несчастный, въ лагерѣ, а жена каждый день букеты получаетъ и «никакихъ» ..

«Не могу я уѣхать. Не могу жить далеко... Мнѣ необходимо, чтобъ она знала, что я тутъ, близко, всегда готовый придти къ ней, принести въ жертву всего себя, если это дастъ ей хоть мигъ счастья»...

— Дмитрій Александровичъ пишетъ, что пріѣдетъ къ намъ на этихъ дняхъ... Все это время онъ былъ слишкомъ занятъ.

Какая гадость, что нужно лгать, опошливать

самыя хорошія чувства и мысли! Но развѣ я могла прочесть письмо Дмитрія Александровича вслухъ? Я рѣшила показать его мужу потомъ, но онъ тутъ же при Леонтьевой началъ смѣяться надъ Дмитріемъ Александровичемъ.

— Занятъ? Чѣмъ онъ занятъ? Стишки дамамъ читаетъ, выдумываетъ себѣ какіе-то особенные костюмы и считаетъ себя выше всякаго труда...

Не понять Владиміру Дмитрія Александровича! Я рѣшила не показывать ему его письма.

9 іюля.

Вчера вечеромъ я написала Дмитрію Александровичу два слова, просила его навѣстить *насъ*. Не могу же я сказать мужу, что солгала, что Львовъ не писалъ о своемъ желаніи быть у насъ.

Вчера весь вечеръ я сидѣла одна. Было тепло, тихо, пахло увядающими розами. Мнѣ стало больно отъ сознанія, что почти все лѣто прошло «такъ», безцвѣтно, вяло, прѣсно. Всѣ вечера убиты въ нашемъ «кружкѣ»... Все тѣ же шутки, тѣ же поговорки... Я уже впередъ знаю, кто сядетъ рядомъ съ m-me Леонтьевой, кто со мной, кто съ Марусей Коноплиной И какъ не надоѣстъ Фохту и Утесову ухаживать за мной? Я сама

чувствую, какъ стала скучна въ ихъ обществѣ. Вчера я не поѣхала съ ними въ Павловскъ и осталась одна. Мнѣ надо было обдумать, какъ написать Дмитрію Александровичу. Мнѣ не хотѣлось, чтобы вышло банальное приглашеніе на дачу, и я боялась, чтобы не вышелъ призывъ... Я долго обдумывала каждую фразу, каждое слово, и вышло пошло. И сегодня я весь день мучаюсь: зачѣмъ я такая раба всякихъ условныхъ требованій и, такъ-называемыхъ, приличій. Постоянно говоришь и дѣлаешь совсѣмъ не то, что хочется, а то, что нужно. Кому нужно? Зачѣмъ? Всю жизнь живешь въ искусственной рамкѣ, миришься съ сѣрыми впечатлѣніями, тогда какъ душа жаждетъ какихъ-нибудь особыхъ красокъ, звуковъ, ощущеній. И добровольно отказываешься ото всего, что хоть не много нарушаетъ заранѣе установленный порядокъ, идешь по узкой протоптанной дорожкѣ. Рабство добровольное, часто никому не нужное. Человѣкъ съ какимъ-то особымъ злорадствомъ спутываетъ и себя, и другихъ тяжелыми цѣпями сочиненныхъ обязанностей, глупѣйшихъ предразсудковъ. Для чего? Для кого? Не сегодня-завтра подползетъ смерть и все кончено..

Вечеръ.

Былъ Дмитрій Александровичъ. Пріѣхалъ такой веселый, какимъ я его никогда еще не видала.

— Откуда?—спросила я.

— Изъ дому.

— Почему такъ поздно?

— Ждалъ, чтобы стало прохладнѣе! Въ жару я не интересенъ...

— А въ холодъ?

— Стараюсь быть интереснымъ... А въ жару даже и стараться не могу... Я не люблю солнца съ его безпощаднымъ свѣтомъ. То ли дѣло ночь, когда все пріобрѣтаетъ туманные контуры, когда воображеніе дополняетъ то, чего не видитъ и не можетъ видѣть глазъ...

Скоро пришла Маруся Коноплина съ Утесовымъ и влюбленнымъ въ нее студентомъ Кубеницкимъ. Дмитрій Александровичъ замолчалъ и только упорно смотрѣлъ на меня. Черезъ полчаса онъ уѣхалъ.

— Когда вы къ намъ?—спросила я, провожая его.

— Когда вы пожелаете?

— Завтра.

Я позвала его завтра, чтобы загладить не-

пріятное впечатлѣніе прихода Коноплиной съ двумя юношами. Я боюсь, не подумалъ бы онъ, что они забавляютъ меня. Я даже не понимаю, зачѣмъ этотъ Утесовъ постоянно пріѣзжаетъ сюда. Не желаю я его ухаживанья!

10 іюля.

Ничего не могу дѣлать. Сижу и смотрю вдаль. Вотъ воробей налетѣлъ на бабочку и принялся клевать ее. Она бьется подъ его клювомъ. Прилетѣлъ другой воробей, отнялъ бабочку и упорхнулъ куда-то... Чувствуетъ ли она что-нибудь?..

10 іюля, 8 часовъ вечера.

Прождала весь день. Устала, измучилась... Не могла ничего дѣлать, все время прислушивалась, не ѣдутъ ли. И вдругъ стукъ колесъ. У меня духъ захватило и ноги отказались двигаться... Я слышала, какъ подъѣхали къ дачѣ и остановились. Я едва овладѣла собой и сдѣлала равнодушное лицо. На террасѣ стояла мама. Что-то досадливое, почти злое, шевельнулось во мнѣ. Одну секунду, правда, но я не хочу лгать и притворяться. Я разсердилась, что это мама, а не... Какая я злая, отвратительная!

Мать очень измѣнилась, стала такая худенькая и маленькая, точно ребенокъ.

— Мама, какая ты блѣдная! — не могла не вскрикнуть я.

Она такъ горько заплакала, что я все поняла.

— Почему ты не приходила? Подумай. Почти три недѣли... Я все ждала тебя, все ждала... И за что разсердилась? За кого?

Я сама не отдала бы себѣ отчета, почему такъ долго не была у мама. Я такъ была поглощена своими мыслями, что ни разу и не подумала, какъ страдала она все это время отъ того, что я, живя такъ близко—не бывала у нея. Меня просто не тянуло къ ней, не тянуло dans son salon basbleuesque, какъ говоритъ Дмитрій Александровичъ. Мнѣ ни разу не пришло въ голову, что я доставляю такое страданіе моей бѣдной, милой матери.

— Я—эгоистка, безсердечная, жестокая!

— Полно, Лёля. Всѣ дѣти безсердечны относительно своихъ родителей Всѣ счастливые люди эгоистичны. Любовь и счастье усыпляютъ, заслоняютъ собою весь міръ.

Мнѣ хотѣлось сказать ей, что я несчастна что я страдаю, и слова не шли у меня съ губъ. Я просто отвыкла быть откровенной съ матерью.

отучила себя съ тѣхъ поръ, какъ вышла замужъ противъ ея воли. Я прижалась къ ея плечу такъ, какъ дѣлала это, когда была маленькая, и слезы противъ воли потекли изъ моихъ глазъ.

— Ты знаешь, я не могу жить безъ тебя, говорила мама. Мы можемъ расходиться въ нѣкоторыхъ взглядахъ, можемъ спорить, но въ основныхъ вопросахъ мы — единомышленники. Ты никогда не покраснѣешь за меня. Я никогда не отрекусь отъ тебя. Ты—моя и не измѣнишь моимъ принципамъ... Ты знаешь, ты у меня одна.

Я была счастлива, плакала и цѣловала мама. И вдругъ мнѣ стало страшно, что войдетъ Дмитрій Александровичъ и увидитъ насъ. Я знаю, что онъ не любитъ мамá; онъ не сочувствуетъ ея дѣятельности, ея простому и строгому отношенію къ жизни и людямъ. Да и мамá не симпатизируетъ Дмитрію Александровичу. Вѣдь мы изъ за него же въ послѣдній разъ чуть не поссорились съ нею. Я плакала и цѣловала мамá, а сама посматривала на дверь, и ловила себя на этомъ, и презирала себя.

— Пойдемъ ко мнѣ въ комнату!—наконецъ, сказала я.

Когда мы вошли ко мнѣ, я видѣла, какъ мамá

оглянулась кругомъ и точно пересчитала всѣ цвѣты, заполнявшіе мою комнату.

— Какъ ты себѣ разстраиваешь нервы этимъ!— сказала мама́.

А въ ея голосѣ я читала упрекъ за эту роскошь. И мнѣ хотѣлось повернуть все въ шутку.

— А сколько бы семей можно накормить этими цвѣтами? сказала я.

— Не знаю, сухо отвѣтила мать. Я никогда въ жизни не покупала такихъ громадныхъ букетовъ... А подарковъ я не принимала.

И опять точно что-то оборвалось между нами, но я чувствую, что она права, что она святая. Да вѣдь не всѣ же могутъ быть святыми. Я не въ мама́. Господи, какъ я устала!.. Солнце закатилось. Золотистыя облака застыли надъ землей. Вѣтеръ утихъ. Не буду ждать... Устала... Измучилась... Кто-то подъѣхалъ... Онъ!..

3 часа ночи.

Какъ хорошо жить, какъ страшно жить!.. Окно открыто. Зеленые листья трепещутъ и шепчутъ о чемъ-то. Всходитъ солнце. Кругомъ все розово: розовы легкія облачка, розовы стволы березъ, весь воздухъ розовый, веселый.

Дмитрій Александровичъ пріѣхалъ часовъ въ

девять. Вчерашняго веселья какъ не бывало. Онъ вошелъ молча, молча поцѣловалъ у меня руку и сѣлъ въ дальній уголъ террасы. Я тоже молчала. Онъ грустно смотрѣлъ на меня и мнѣ вдругъ стало такъ жаль его, такъ захотѣлось подойти къ нему и, какъ маленькаго, успокоить, приласкать, что я поскорѣе отвернулась и сказала:

— Что подѣлываете?

— Вы знаете, Елена Борисовна, что я ничего не дѣлаю. И, конечно, вы, какъ и вашъ мужъ, презираете меня за это.

Онъ всталъ и заходилъ изъ угла въ уголъ.

— Зачѣмъ вы такъ говорите?—сказала я.

Онъ вдругъ подошелъ ко мнѣ и заговорилъ теплѣе и ласковѣе.

— Вы только не сердитесь на меня. Я самъ не знаю, зачѣмъ я говорю такъ, зачѣмъ ѣзжу къ вамъ. Не нужно ничего этого. Вы счастливы. Влюблены въ мужа. Онъ молодой, красивый, симпатичный. Я знаю, что совсѣмъ не нуженъ вамъ. Знаю, что лишній... И ничего не могу сдѣлать съ собой... Весь міръ вдругъ померкъ. Никого мнѣ не надо. Ничего не надо. Одну васъ... Да, да! Сердитесь, браните меня. Но что же мнѣ дѣлать? Я совершенно сознательно полюбилъ васъ.

— Дмитрій Александровичъ! — пыталась я остановить его.

— Да... Сознательно... Много же я видѣлъ женщинъ на своемъ вѣку. Увлекался... Влюблялся быть можетъ. Но такъ сознательно полюбилъ въ первый разъ. И въ этой любви вся моя жизнь. Что я дѣлаю? — я люблю васъ! О чемъ я думаю? — о васъ. Чего хочу? — васъ. Чего жду?—васъ... Кромѣ этого ничего въ мірѣ не существуетъ для меня.

Я не знала, что со мной сдѣлалось. Мнѣ вдругъ стало такъ весело, такъ легко, хорошо, что я чуть не закричала отъ радости. И вмѣстѣ съ тѣмъ я сознавала, что не могу поддаваться этому настроенію, не имѣю права на это счастье, что должна бѣжать отъ него. И я вскочила съ кресла и убѣжала съ террассы.

«Надо все обдумать, — говорила я себѣ, уткнувшись носомъ въ подушку, какъ это дѣлала всегда въ дѣтствѣ. — Надо обдумать. Нельзя такъ. Нельзя! Нельзя, нельзя...»

А сердце билось такъ сильно, что я чувствовала его глухіе удары и они не давали мнѣ сосредоточиться.

«Надо обдумать. Какъ бьется сердце!.. Причемъ тутъ сердце? Даже въ вискахъ отдается.

Что же надо сказать?.. Да.. Ахъ, какъ хороша можетъ быть жизнь, если... Какой онъ милый, красивый, изящный! Какъ ласково и бережно онъ относится ко мнѣ!»

Я хотѣла думать о другомъ: о мужѣ, о долгѣ, а сама радовалась, что мужа нѣтъ дома, и не могла уяснить себѣ, что такое долгъ, когда такъ хорошо чувствовать себя любимой и дорогой.

Не помню, какъ я снова оказалась на террасѣ. Дмитрій Александровичъ сидѣлъ, опершись локтями о колѣни, и держалъ голову обѣими руками. Въ его позѣ было столько печали и какого-то одинокаго горя, что мнѣ опять неудержимо захотѣлось приласкать его; я подошла къ нему и тихо сказала:

— Хотите пройтись?

Мнѣ казалось необходимымъ перемѣнить обстановку, а вмѣстѣ съ нею и настроеніе. Я искренно вѣрила, что нашъ разговоръ не возобновится, и была довольна собою, что съумѣла найти исходъ изъ труднаго положенія. И я подумала: «Всегда зависитъ отъ женщины поставить мужчину такъ или иначе».

Было уже часовъ десять, но еще совсѣмъ свѣтло и очень тепло. Пахло колосящейся рожью, васильками и травой. Мы зашли куда-то

очень далеко и молчали. Я не знаю, гуляла ли я когда-нибудь въ этомъ мѣстѣ. Какая-то скамейка съ покатой спинкой, небольшой темный прудъ, высокія деревья. Дмитрій Александровичъ сѣлъ близко ко мнѣ, посмотрѣлъ на меня и чему-то улыбнулся. Мнѣ вдругъ показалось, что въ этой тишинѣ, вдали отъ всѣхъ людей и условностей, можно говорить обо всемъ, не взвѣшивая, зачѣмъ и къ чему это поведетъ.

— За что вы могли полюбить меня?—спросила я.

— Какъ за что? — быстро отвѣтилъ онъ, точно ждалъ этого вопроса.—Да подобной вамъ я не только никогда не встрѣчалъ, но и встрѣтить не могу, потому что такой, какъ вы, нѣтъ на всемъ свѣтѣ. Посмотритесь въ воду. Какіе у васъ глаза, какая вы стройная, изящная, тоненькая... Но все это не то. Я знаю, въ чемъ ваша главная прелесть, что меня держитъ въ постоянномъ очарованіи. Можно сказать?

— Говорите.

— Это необычайная чуткость вашей натуры. Я сейчасъ же, какъ увидалъ васъ, понялъ чуткость вашего ума и сердца. Но тогда... вечеромъ, пятаго апрѣля, я понялъ и вашу чуткость въ... Простите... не буду. Но какъ мнѣ сказать

это вамъ?.. Я не встрѣчалъ такой гармоніи. У женщинъ всегда перевѣшиваетъ или психологія, или физіологія. Вы единственная. И я положительно съ ума схожу. Вы разсердились на меня за то, что я будто бы полюбилъ васъ послѣ поцѣлуя, а поцѣловалъ не любя. Нѣтъ. Я и тогда любилъ. Иначе не ходилъ бы къ вамъ, не сидѣлъ бы часами, не смотрѣлъ бы на васъ. Только послѣ поцѣлуя я увидѣлъ, какъ все гармонично въ васъ, а выше гармоніи нѣтъ ничего на землѣ.

Я не знаю, что онъ говорилъ дальше, я опомнилась, когда почувствовала его горячія губы на моихъ дрожащихъ губахъ.

Когда мы шли назадъ, онъ говорилъ мнѣ:

— Лёля! Лёля! Лёля!.. Все въ этомъ словѣ. Слышишь: я тебѣ говорю Лёля и ты!.. Да, ты, Лёля!..

Онъ уѣхалъ. Я осталась одна и сѣла писать это. Что мнѣ дѣлать теперь? Какъ дальше жить? Я хочу объ этомъ думать и не могу. Хочу казнить себя, каяться, а сердце бьется радостно и быстро. Кругомъ все спитъ. Ни души, ни звука. Солнце взошло точно только для одной меня: ясное, веселое, побѣдное; взошло и разсыпалось милліардами золотыхъ искръ по росистой травѣ, по мокрымъ листамъ, по моей душѣ.

12 іюля.

Я съ ума схожу. Я не смѣю сама себѣ признаться. Я жду пріѣзда мужа, чтобы броситься передъ нимъ на колѣни, чтобы разсказать ему всю правду. Я не могу такъ жить, я не хочу лжи и обмана.

13 іюля.

Сегодня долженъ былъ пріѣхать мужъ и не пріѣхалъ. Я не знаю, какъ посмотрю на него. Минутами я ненавижу его за тѣ муки, какія я испытываю изъ-за него, за то, что онъ меня постоянно бросаетъ одну, за то, что онъ такъ ушелъ въ свою службу, въ свои интересы, за то, что ему точно и дѣла нѣтъ до меня. Порою мнѣ жаль его, какъ безпомощнаго ребенка, и я плачу отъ жалости къ нему и мучаюсь еще больше. Хоть бы скорѣе онъ пріѣхалъ, чтобы мнѣ вымолить его прощеніе, чтобъ избавиться отъ мучительнаго сознанія моей преступности.

Какъ часто я слыхала и повторяла, что такая-то измѣнила мужу... И мнѣ никогда не приходило въ голову, сколько мукъ она пережила... Я еще никогда въ жизни такъ не мучилась, хотя... и никогда въ жизни не была такъ счастлива.

14 іюля.

Мужъ не былъ и сегодня. Я могу умереть, онъ и не побезпокоится, точно ему все равно... Отъ Д. А. каждый день письма. Онъ не можетъ дня прожить безъ вѣстей о моемъ здоровьѣ, о моемъ душевномъ состояніи... Умоляетъ пріѣхать въ Петербургъ... Что же Владиміръ не ѣдетъ? Я просто съ ума схожу отъ муки, отъ счастья, отъ волненья.

15 іюля.

Я вся похолодѣла, когда услыхала вздрагиванье бубенчиковъ на дворѣ дачи. Я пріѣхала изъ Петербурга до того переполненная счастьемъ и нѣжной жалостью ко всему міру, что свиданіе съ мужемъ совсѣмъ вышло не такое, какого я ждала.

— Вы что забыли въ Петербургѣ?—спросилъ онъ меня шутливо-радостнымъ тономъ.

Я стала слишкомъ торопливо и слишкомъ подробно разсказывать о дантистѣ, о моихъ зубахъ. Какъ онъ не замѣтилъ моего волненія, моего смущенія? Онъ беззаботно засмѣялся и сказалъ:

— Ты бы поменьше возилась со всѣми этими дантистами, здоровѣе была бы... Бери примѣръ съ меня.

И онъ блеснулъ своими синевато-бѣлыми крупными зубами.

Вечеромъ пріѣхали товарищи мужа, и мы до разсвѣта праздновали именины Владиміра.

17 іюля.

Вчера была въ Павловскѣ у мамá. Весь день у нея кто-нибудь сидитъ и все пьютъ чай. Когда бѣдная мамá находитъ время работать? Сидитъ до разсвѣта... Я пріѣхала такая счастливая, что мнѣ было стыдно... Ужъ подходя къ террасѣ я услыхала, что «спорятъ». Вѣдь, кажется, единомышленники, а все спорятъ.

— Наивысшее счастье, — говорила сотрудница мамá по изданію народныхъ книжекъ, Громова,—сознаніе, что участвуешь въ жизни вселенной... А это сознаніе дается только дѣторожденіемъ. Только рожденіе ребенка уясняетъ смыслъ всего прожитаго и пережитаго.

— Это своего рода эгоизмъ... Какое дѣло ребенку, что вы найдете въ его рожденіи наивысшее счастіе и смыслъ прожитого вами?— сказала *я*.

— Но за это я даю ему высшее благо — жизнь.

— Ну, это какъ сказать!—угрюмо вступился Кувшиновъ.

— А если онъ когда-нибудь упрекнетъ васъ, что вы дали ему это «благо», дали ему страданія? Что тогда?—горячо спросила я.

— Я напомню ему тогда, что человѣкъ на то и человѣкъ, чтобы имѣть всегда возможность избавиться отъ страданій и отъ жизни... Должно быть она, то-есть эта самая жизнь, сама по себѣ благо, потому что всѣ такъ держатся за нее. Вѣдь людей—милліарды, а самоубійцъ—десятки.

— Конечно, боязнь и нежеланіе имѣть дѣтей — явленіе антисоціальное, — серьезно и грустно сказала мама́.

— Оно безчестно, оно позорно! И женщина, для которой ея талія и флёрты дороже радостей материнства, достойна только презрѣнія.

Весь вечеръ и всю ночь мнѣ было очень тяжело. И опять меня мучилъ «споръ сердца съ головой», какъ опредѣляла всегда мама́ мою вѣчную тревогу... Я никогда и ничему не могла отдаваться всецѣло: голова парализовала чувство, сердце мѣшало головѣ... И въ этомъ моя мука.

19 іюля.

Какая прелесть Петербургъ ночью! Ни пыли, ни жары... Тихо, пусто. Точно городъ спящей

царевны; все остановилось, все ждетъ пробужденія.

Вчера, возвратясь изъ города, я опять поѣхала къ мамá. Вотъ святая! Добрая, умная, какіе у нея гуманные, честные взгляды.

Пишу совсѣмъ не то, что хочется писать. А о *томъ* писать не умѣю.

20 іюля.

Какъ это тяжело! Владиміръ постоянно спрашиваетъ о Димитріи Александровичѣ. Зачѣмъ ему? Сегодня опять сказалъ:

— А Львовъ такъ и пропалъ?

Я чувствовала, что мнѣ не произнести ни слова,—въ горлѣ точно застряло что-то.

— Должно быть махнулъ за границу... Въ деревнѣ ему не высидѣть.

Нѣтъ сомнѣнія, что онъ не подозрѣваетъ возможности пребыванія Дмитрія въ Петербургѣ.

26 іюля.

Я живу какъ во снѣ... Постоянныя поѣздки въ Петербургъ, цѣлые часы, цѣлые дни вдвоемъ, въ тишинѣ, въ ласкѣ.

Когда Дмитрій сказалъ мнѣ, что не можетъ бывать у меня на дачѣ,—я и обидѣлась, и разсердилась... Теперь я вижу, что онъ и тутъ по-

*

ступилъ умно и тонко. Дача—улица. Всѣмъ кругомъ есть до васъ дѣло, всѣ судятъ, всѣ хватаютъ грязными руками вашу радость, ваше счастье. Мнѣ было страшно, что кончатся наши прогулки, значитъ кончатся и наши долгія, тихія бесѣды гдѣ-нибудь въ тиши, на берегу пруда, когда не видно, гдѣ начинается вода и утопаетъ берегъ, а только въ глубинѣ темнѣютъ туманныя отраженія деревьевъ и облаковъ, точно прислушиваясь, что̀ дѣлается тамъ, въ этомъ таинственномъ мірѣ...

Я сначала не соглашалась поѣхать къ Дмитрію. Но, конечно, поѣхала... И тутъ онъ опять правъ. Дача—это предразсудокъ! Пыль, сѣрыя березы, террасы съ парусиной, разносчики, жара, непрошенные гости, несносные сосѣди...

Тамъ — громадная комната съ громадными окнами; нижняя половина ихъ затянута плотной матеріей и это дастъ особенное пріятное освѣщеніе всей комнатѣ, или atelier, какъ зоветъ ее Д. Огромный Будда спокойно смотритъ со своей высокой подставки на выцвѣтшія ткани, разбросанныя и развѣшанныя кругомъ, на начатую копію лѣваго угла Prima Vera'ы Ботичелли, на старинное оружіе, на рѣзную деревянную Мадонну, на мраморную Венеру.

Вторая комната поменьше, со сводами и громаднымъ каминомъ. Множество книгъ въ пожелтѣвшихъ бѣлыхъ кожаныхъ переплетахъ, старыя картины въ старыхъ рамахъ, темныя стѣны, темныя портьеры, венеціанскій фонарь. Цѣлая стѣна занята превосходными снимками шести дней творенія Бёрнъ-Джонса: длинные красивые ангелы изумленно смотрятъ своими широко-раскрытыми глазами на дверь, завѣшанную тяжелой, зеленовато-сѣрой матеріей, на которой вышито готическими буквами: «Qui n'est que juste—est dur, qui n'est que sage—est triste». Широкій, низкій диванъ, подъ балдахиномъ, покрытъ чернымъ блестящимъ мѣхомъ. Мягкія подушки, полусвѣтъ, тишина, тонкій запахъ духовъ, шопотъ, счастье, ласка радость жизни, трепетъ любви.

28 іюля.

Я никогда не видѣла такихъ горькихъ слезъ, такого безумнаго горя, какъ сегодня. Пріѣхала Ольга Совѣтова—блѣдная, худая, страшная.

— Что съ тобой? испуганно спросила я.

Она бросилась ко мнѣ и громко, неудержимо разрыдалась.

— Да что съ тобой? Разскажи мнѣ все откровенно, сказала ей я.

Я уже приготовилась услышать разсказъ о какой-нибудь новой измѣнѣ княгини и внутренно смѣялась надъ «горемъ» Ольги. Оказалось хуже. Совѣтовъ недѣли двѣ тому назадъ уѣхалъ въ Харьковъ «на защиту», а вчера Ольга получила отъ него письмо изъ Парижа. Онъ пишетъ ей какъ товарищу, какъ другу, что отыскалъ княгиню въ Парижѣ, что она здорова и все ея весеннее недомоганіе объяснилось ожиданіемъ прибавленія семьи. Весь тонъ письма такой счастливый, такой жестоко-счастливый по отношенію къ женѣ, что я не могла дочитать до конца. Ольга плакала горькими, тихими слезами.

— Тебя собственно что огорчаетъ такъ? наконецъ сказала я. Ты и раньше знала про отношеніе твоего мужа къ этой женщинѣ! Тутъ нѣтъ ничего новаго.

— Какъ нѣтъ новаго? А этотъ ребенокъ? Теперь Коля на всю жизнь ея рабъ, навсегда потерянъ для меня... Я думала дать ему развлеченіе и радовалась, что жизнь не была для него такой прѣсной, какъ для всѣхъ насъ. Теперь же не то... И потомъ — тутъ обманъ... Вѣдь онъ уѣхалъ будто по дѣлу... Поѣхалъ въ Харьковъ... Я туда ему пять писемъ до востребованія послала. А онъ въ Парижѣ, съ ней... Этого нельзя простить... Этого нельзя перенести.

Я молчала. Мнѣ невольно вспомнилось, какъ плакала Ольга, когда думала, что княгиня недостаточно любитъ ея Колю. А теперь плачетъ, что слишкомъ полюбила. Но когда я взглянула на ея съежившуюся фигурку, на ея горячія слезы, мнѣ стало искренно жаль ее.

— Еслибъ ты только знала, какъ я жалѣла его... какъ мы вмѣстѣ плакали съ нимъ, когда ѣхала княгиня... Сколько безсонныхъ ночей мы провели вмѣстѣ... И вотъ что онъ сдѣлалъ!.. Обманулъ, уѣхалъ...

И она опять начала рыдать громко и болѣзненно.

— Я уѣду... заберу дѣтей и уѣду... Много я плакала, много переносила... Но этого перенести не могу... Леля, милая, научи меня что дѣлать!..

Что я могла сказать ей? Читать нравоученія было поздно и безполезно. Утѣшать? Чѣмъ? Я видѣла, что ея горе слишкомъ искренно, слишкомъ остро, чтобъ успокоивать его банальными фразами и всѣмъ извѣстными словами.

2 августа.

Я замѣчаю, что съ нѣкоторыхъ поръ мама точно избѣгаетъ говорить о Дмитріи Александровичѣ. А у меня какъ нарочно просто потреб-

ность постоянно вспоминать о немъ, хоть только назвать его имя, хоть вскользь сказать одно слово, касающееся его. Такъ было и вчера. Я сидѣла на дачѣ у мама́ и была очень довольна, что, наконецъ, застала ее одну. Передъ ней лежали корректурные листы, всѣ пестрые отъ поправокъ. Она ихъ перечитывала «начисто», какъ она говорила. Я предложила помочь ей и только что прочла первую строчку, «нужна чистота человѣку или нѣтъ?»—какъ вспомнила Дмитрія и совершенно невольно заговорила о немъ:

— А вотъ, мама́, Львовъ...

Мать перебила меня:

— Да, Леля, мнѣ давно хочется поговорить съ тобой объ этомъ господинѣ...

И въ ея голосѣ и въ тонѣ, какъ она произнесла «объ этомъ господинѣ», послышалось то раздраженіе, которое всегда заставляетъ меня съеживаться нравственно. Но я поборола себя и, стараясь быть спокойной, спросила:

— О какомъ господинѣ? О Дмитріи Александровичѣ?

— Да... О немъ... Что онъ, собственно, изъ себя изображаетъ?

Я не поняла ея вопроса.

— Вѣдь ты много разъ видала его, сказала я.

— Да, видала и слыхала... Но это все слова, слова и слова... Его товарищъ по университету, Ершовъ, разсказывалъ, что Львовъ кончилъ однимъ изъ первыхъ, былъ надеждой университета, поѣхалъ за границу писать диссертацію, да такъ и пропалъ.

— Да, правда! Онъ готовился на каѳедру всеобщей исторіи... Увлекался средними вѣками... Писалъ диссертацію нѣсколько лѣтъ и бросилъ.

— Почему же?

— Она не удовлетворила его... У него слишкомъ большія требованія къ себѣ... Да, кромѣ того, въ Германіи его стала отвлекать отъ науки музыка... Онъ уѣхалъ въ Байретъ, да такъ и застрялъ тамъ... У него громадныя музыкальныя способности.

— И что же онъ сдѣлалъ изъ нихъ?

— Какъ что сдѣлалъ?

Я не знала, что отвѣтить мама́ и мучительно хотѣла отвѣтить ей.

— Онъ отлично играетъ на фортепіано. . А главное — онъ *понимаетъ* музыку, а это такъ рѣдко.

— Поэтому бросился въ живопись?—насмѣшливо спросила мать. — Онъ самъ сказалъ, что живетъ въ Италіи для живописи.

— Да... Онъ почти десять лѣтъ прожилъ въ музеяхъ... смотрѣлъ, учился, копировалъ... Онъ такъ изучилъ XIV и XV вѣка, что даже въ Европѣ былъ бы замѣтенъ.

Мать насмѣшливо улыбнулась и ничего не сказала. Замолчала и я. Мама́ ходила по террасѣ и курила папиросу за папиросой, что всегда было у нея признакомъ большого волненія.

— Мама́, давай читать корректуру, — сказала я, чтобы прервать это тягостное молчаніе.

Она точно не слышала меня и, какъ бы отвѣчая на свои мысли, сказала:

— Такое громадное имѣніе... Сколько бы можно сдѣлать... Сколько вліянія имѣть, сколько свѣта внести...

— Ахъ, мама́! Ты опять про свое...

— Конечно! Я не могу ни на минуту забыть этого «своего»... Особенно когда вижу такого Львова... Богатый, здоровый, образованный и на что тратитъ жизнь?—Двѣ зимы копировалъ лѣвый уголъ «Весны» Боттичелли!.. Ахъ, Фра-Беато-Анджелико! Ахъ, Гирляндайо!.. Ахъ, «Quatrocentisti»!.. Типичный дилетантъ!

— Мама́! — сказала я, — который разъ ты говоришь это про Дмитрія Александровича...

— И опять скажу!.. И онъ не одинъ!.. Дилет-

тантовъ у насъ народились тысячи... Въ разныхъ отрасляхъ, подъ разными масками этотъ дилетантизмъ наполнилъ нашу жизнь... Взгляни: въ литературѣ—дилетантизмъ, въ живописи—дилетантизмъ, на сценѣ, на каѳедрѣ — вездѣ пролѣзли дилетанты... И это — страшное зло... И надо бороться съ нимъ...

Мать замолчала. Молчала и я. И вдругъ она заговорила совсѣмъ другимъ тономъ, точно даже другимъ голосомъ:

— Я давно хотѣла съ тобой поговорить по этому поводу, Леля, да все не случалось... Оглянись ты на себя... Перебери свою жизнь... Опять тотъ же дилетантизмъ...

Я хотѣла отвѣчать, но мать заговорила еще горячѣе и нервнѣе:

— Ты шла въ гимназіи одной изъ первыхъ, но вѣчно бросалась отъ одного увлеченія къ другому: то сидѣла ночи надъ сочиненіями по русской литературѣ, то начинала работать по исторіи; послѣ гимназіи бросилась на политическую экономію... Мнѣ хотѣлось направить твои способности, и ты страстно отдалась моему дѣлу... Какъ удачны вышли твои первыя книжечки для народа!.. Ты сразу нашла вѣрный тонъ, безъ сладости, безъ поддѣлки подъ на-

родный говоръ, безъ всей этой фальши... Я думала, что это твое настоящее призваніе... Мнѣ казалось, что ты тоже искренно отдалась этому дѣлу... Мы работали съ тобой такъ бодро, такъ весело. Вдругъ почему-то ты стала сомнѣваться... Откуда-то взялись сомнѣнія въ пользѣ нашего дѣла, ты заговорила о томъ, что народу не нужны наши книжки, что онъ не читаетъ ихъ... Ты постоянно повторяла, что мы носимъ воду рѣшетомъ, и я видѣла, что тебѣ стало тяжело дѣлать дѣло, въ которое у тебя не было вѣры... И я ни слова не сказала тебѣ, когда ты перестала помогать мнѣ. Я видѣла, что ты «ищешь»... Я видѣла, что пока ты не уяснила себѣ своего пути и ждала. Налетѣла любовь... Пожалуйста, не перебивай меня... Да, любовь, влюбленность,— я не знаю этихъ тонкихъ градацій... Ты выбрала себѣ товарища на всю жизнь—вышла замужъ.., Но развѣ я не вижу, что ты давно уже недовольна твоей жизнью?.. Развѣ я не вижу, что ты постоянно раскаиваешься въ твоемъ замужествѣ? И опять мечешься и чего-то ищешь...

Она замолчала и послѣ нѣкотораго усилія сказала:

— А теперь это увлеченіе иностранною поэ-

зіей и эстетизмомъ. Точно ничего въ русской жизни тебя больше не трогаетъ, ты вся ушла въ звуки и краски... Кругомъ дѣлаются вопіющія вещи, ты постоянно слушаешь о нихъ, но не слышишь,—тебѣ нѣтъ никакого дѣла ни до чего, ни до кого... Ты говоришь о «новыхъ словахъ, о новыхъ формахъ, о новыхъ идеяхъ», но подъ всѣмъ этимъ чувствуется неисправимый дилеттантизмъ... И ты чужая этимъ «новымъ формамъ», и онѣ чужія для тебя... И опять ты не удовлетворена, опять тревожна... Опять ищешь...

Въ другое время все, что говорила мама, очень бы взволновало меня. Теперь же я слушала ее не то съ сожалѣніемъ, не то съ снисхожденіемъ. Она точно почуяла это, потому что вдругъ горячо сказала:

— И вѣдь хуже всего то, что вы не только не дѣлаете дѣла, а относитесь свысока ко всѣмъ работающимъ людямъ... Смотри Львовъ... Онъ просто презираетъ всякій трудъ, всякую идейность. А ужъ къ литературѣ «съ тенденціей» прямо относится какъ къ чему-то низменному... На служеніе народу смотритъ какъ на недомысліе, какъ на работу ограниченныхъ и низменныхъ натуръ... И Львовъ не одинъ. Такихъ,

какъ онъ, много... И они имѣютъ вліяніе на молодежь.. Въ этомъ ихъ вредъ и состоитъ...

Мать говорила еще долго и горячо. Но странно, меня не волновали ея слова: какая-то снисходительная жалость къ ней наполняла меня..

10 августа.

Сегодня или завтра окончатся большіе маневры, и мужъ пріѣдетъ на дачу на нѣсколько дней... Я рѣшила все разсказать ему. Нельзя такъ существовать... Я ни одного дня, ни одного часа не бываю покойна. Дмитрій тоже съ ума сходитъ. Пока мы живемъ врозь: мужъ въ лагерѣ, я на дачѣ.—я могу проводить цѣлые дни у Дмитрія и никто не знаетъ, гдѣ я. Скоро всѣ съѣдутся въ городъ; по одной лѣстницѣ съ Дмитріемъ живутъ Быстринскіе. Я встрѣчаюсь съ ними у Леонтьевыхъ. Мнѣ нельзя будетъ бывать у Дмитрія. Онъ ужъ и теперь въ постоянной тревогѣ...

12 августа.

Мужъ пріѣхалъ. Я больше недѣли не видала его. Маневры кончились вчера. Я ждала его съ какимъ-то болѣзненнымъ волненіемъ. Мнѣ было жаль его, жаль до слезъ. Когда я возвращалась

изъ Петербурга, вся переполненная милыми словами, утонченными ласками. любовью, не признающей ничего и никого, кромѣ меня,—я вдругъ представляла себѣ моего бѣднаго Владиміра на жарѣ, въ пыли, усталаго, замученнаго, несчастнаго... Онъ пріѣхалъ веселый, шумный, счастливый. На его загорѣломъ, совсѣмъ коричневомъ лицѣ сверкала улыбка, сверкали зубы, сверкали глаза. Онъ радовался свиданію со мной, радовался моему здоровому и счастливому виду, но больше всего радовался своей радости,—той радости, какую даетъ сознаніе исполненнаго подвига. А онъ смотритъ на результатъ маневровъ, какъ на подвигъ своего «корпуса». Онъ съ блескомъ въ глазахъ сталъ сейчасъ разсказывать мнѣ, какъ они, узнавъ, что противникъ ожидаетъ подкрѣпленій изъ Ронши, рѣшили занять оборонительную позицію; тогда «непріятель» приказалъ авангарду завладѣть переправами и устроить на томъ берегу тетъ-де-поны и занять ихъ...

На его мужественномъ лицѣ играла дѣтская улыбка, радостная и довѣрчивая, и я смотрѣла на него и радовалась его радости, съ тѣмъ чувствомъ, какъ старшій радуется невиннымъ забавамъ младшаго. «Чѣмъ бы дитя ни тѣшилось,

лишь бы не плакало»... Онъ съ такимъ восторгомъ разсказывалъ, какъ началась атака, какъ стали дебушировать ихъ рѣзервы и пошли на встрѣчу непріятелю, точно въ самомъ дѣлѣ отечество было въ опасности и теперь спасено...

Я слушала, слушала его и невольно подошла, взяла его за голову и поцѣловала.

И ничего не разсказала ему.

Чего я медлю? Я обѣщала Дмитрію быть свободной и не могу рѣшиться сказать мужу. Почему? Развѣ я его люблю? Нѣтъ. Но онъ такой *свой*, такой довѣрчивый, добрый, милый, такой безпомощный, несмотря на свой мужественный видъ, что нѣтъ у меня силъ, нѣтъ рѣшимости такъ ужасно огорчить его.

Опять малодушіе, опять безволіе и вѣчная двойственность.

2 сентября.

Вотъ уже недѣля, что я въ городѣ, недѣля, что я очнулась... Вся вторая половина лѣта была сплошнымъ сномъ. Тепло, ласково, весело, ярко и молодо. Все засвѣтилось, запскрилось вдругъ. Вмѣсто одной жизни жилось сотней жизней. Всюду—въ чтеніи, въ музыкѣ, въ пѣснѣ послышались знакомые звуки, знакомыя волненія. До сихъ поръ я совершенно не обращала

вниманія на то, какъ любовь проникала и освѣтила всѣ великія произведенія человѣческаго генія. И лучшіе умы понимали это.

А вотъ Владиміръ не понимаетъ. Когда я сказала разъ, что если стоитъ жить, то только для любви, онъ пришелъ въ ужасъ.

— А долгъ? А честь? А родина?..

Мнѣ не хотѣлось говорить на эту тему, но онъ какъ-то особенно злобно продолжалъ:

— Культъ любви проповѣдуютъ ничего не дѣлающіе люди... Намъ, чернорабочимъ, некогда охать да вздыхать.

— Благодарю тебя... Зачѣмъ же ты женился на мнѣ?—сказала я и шутя и раздраженно.

— Оттого и женился, что считалъ всякіе романы да свиданія только потерей времени... Жена и любовь къ женѣ—совсѣмъ другое дѣло... Кажется, у Толстого гдѣ-то сказано очень хорошо на этотъ счетъ... Память у меня плоха на прочитанное... Но, помню, онъ такъ опредѣлилъ: жена — ноша, привязанная къ спинѣ: и нести можно, и руки развязаны... Ну, а «культъ любви»—это совсѣмъ иное.. Тутъ надо праздпаго человѣка... Мужику некогда культивировать любовь, онъ и беретъ себѣ жену-работницу, помощницу...

— Безъ любви?.. Значитъ и ты не любишь меня? спросила я, почти обрадованная, что можно, наконецъ, выяснить наши отношенія.

— Неужели ты не понимаешь? живо отвѣтилъ Владиміръ. Ты — жена... Я ужъ тебя не могу отдѣлить отъ себя... Люблю ли я мою голову?.. Должно быть люблю, потому что если кто покусится на нее, то не отдамъ даромъ. Точно такъ же и тебя... Я и представить себѣ не могу, что я сдѣлалъ бы съ тѣмъ, кто захотѣлъ бы отнять тебя у меня... Искалѣчилъ бы, убилъ... не знаю, что сдѣлалъ бы... Должно быть люблю, но это не та любовь, о которой ты говорила сейчасъ... Я даже не замѣчаю, красива ты или нѣтъ? Не замѣчаю твоихъ глазъ, твоихъ волосъ... Ты — жена. И все въ этомъ словѣ... И я долженъ, если бы понадобилось, отдати жизнь за тебя, и сдѣлалъ бы это безъ колебанія.

— А если бы ты полюбилъ кого-нибудь? — спросила я.

— Этого не можетъ быть... Во-первыхъ, мы, Бармины, всѣ однолюбы; а во-вторыхъ, я убѣжденъ, что всегда можно побороть въ себѣ чувство... На что же и данъ разумъ человѣку?

— Должно быть это не такъ легко... Сколько мы видимъ настоящихъ драмъ изъ-за любви

— Не изъ-за любви, а изъ-за распущенности... Не желаютъ бороться...

Бороться! Я всю жизнь не плакала столько, сколько плакала нынѣшнимъ лѣтомъ... Я боролась и видѣла, что безсильна; я рѣшала бѣжать отъ любви — и съ радостью отдавалась ей, я старалась найти смыслъ жизни въ исполненіи долга — и только озлоблялась и противъ этого долга, и противъ всѣхъ ближнихъ... Все кругомъ казалось мрачнымъ и безсмысленно жестокимъ. Самое существованіе потеряло смыслъ. Наконецъ, у меня не стало силъ бороться, не стало воли бѣжать отъ счастья. Мнѣ казалось блаженствомъ только увидѣть Дмитрія, услышать его, и я цѣлыми ночами плакала отъ горя, отъ жалости къ себѣ. Кому нужно мое страданіе? Во имя чего я, любя одного, буду отдавать жизнь другому? Единственный смыслъ моей жизни въ Дмитріи, и я ради какихъ-то придуманныхъ принциповъ живу вдали отъ него... И я безъ думъ, безъ сомнѣній бросилась съ головою въ счастье любви. Я поняла, что стоило жить! И если мнѣ были суждены только эти два мѣсяца любви и счастья, я все-таки скажу, что стоило родиться... Я себя не оправдываю, я ничего не извиняю. Можетъ быть, я безнрав-

*

ственная женщина, отвратительная жена... Я ничего не знаю... Я только знаю, что должна была полюбить Дмитрія, я не могла не полюбить его. Теперь я даже и преставить себѣ не могу, какъ я могла бороться и бѣжать отъ него? Онъ такъ умѣетъ любить, что невозможно не отвѣчать ему. Дмитрій—весь любовь; вся его жизнь—любовь. Я каждую секунду чувствую, что этотъ человѣкъ всецѣло принадлежитъ мнѣ, что у него нѣтъ ни одной мысли, ни одного желанія, ни одного стремленія помимо меня и внѣ меня, что во всемъ мірѣ существую для него только я. Я читаю и въ его глазахъ, и въ его голосѣ, что онъ видитъ только меня, слышитъ меня одну. Онъ все во мнѣ находитъ красивымъ и я каждую минуту чувствую, что онъ любуется мною. А какое счастье чувствовать, что любимый человѣкъ любуется вами! Я до сихъ поръ не испытала этого. Владиміръ женился на мнѣ по любви, но онъ всегда говорилъ мнѣ, что я слишкомъ мала ростомъ, чтобы быть красивой, и что женщина съ сѣрыми глазами не можетъ назваться красавицей. Дмитрій говоритъ, что онъ не можетъ представить себѣ никого красивѣе меня, что онъ не измѣнилъ бы ни одной черты во мнѣ.

— А ростъ?—спросила его.

— Женщина должна быть маленькой. Это даетъ ей такой милый, безпомощный видъ.

Я, конечно, не вѣрю этимъ словамъ и все-таки мнѣ пріятно ихъ слышать.

— Я люблю тебя именно за то, что ты такая, а не иная... И иную бы я не могъ любить такъ, какъ люблю тебя...

Дмитрій повторялъ мнѣ это постоянно, и я стала вѣрить его любви, — я не могла не вѣрить ей; я видѣла, какъ онъ жилъ моею жизнью, точно у насъ была одна душа съ нимъ. Онъ никогда не покоробилъ меня ни однимъ словомъ; онъ умѣлъ угадывать мое настроеніе: когда я была весела, онъ сіялъ радостью и весельемъ; когда мнѣ было грустно—онъ становился тихъ. Никогда ни съ кѣмъ мнѣ не было такъ легко и радостно, какъ съ нимъ. И мало-по-малу я вся—помыслами, желаніями, надеждами, всѣмъ моимъ существомъ — стала принадлежать ему. Я дышала воздухомъ, наполненнымъ имъ, его любовью и не могла отдѣлить себя отъ него. Я знала, что ему тяжело говорить со мной о мужѣ, и чувствовала, что онъ страдаетъ. Мы рѣшили отложить вопросъ о разводѣ до осени. Я была слишкомъ счастлива, чтобы рѣшиться

разбить жизнь и сердце Владиміра. Я знаю, что это убьетъ его. Онъ пріѣзжалъ лѣтомъ рѣдко, я была веселая, счастливая, здоровая. Мой бодрый видъ радовалъ мужа, и онъ говорилъ, что я ему никогда такъ не нравилась, какъ теперь.

— Ты посвѣжѣла очень...—какъ-то сказалъ онъ мнѣ.

— Я пью молоко...

Я терпѣть не могу молока, но Дмитрій просилъ меня пить его, и я пила усиленно. И мнѣ было особенно пріятно сказать мужу о томъ, что я это дѣлаю. Владиміръ очень хорошо зналъ, что докторъ настаивалъ на молокѣ, и не упрашивалъ меня пить его. Мнѣ пріятно было упрекнуть мужа, хотя не для него же я хочу быть здоровой, какъ не для него одѣваюсь, не для него перемѣнила прическу, не для него дышу, не имъ живу... И вмѣстѣ съ этимъ мнѣ постоянно жаль его, каждую минуту стыдно передъ нимъ... Я чувствую, что я никогда не была такъ добра къ нему, какъ теперь, и онъ цѣнитъ это. И чѣмъ дальше, тѣмъ труднѣе сказать. А сказать необходимо. И такъ жаль разрушать все, такъ страшно приступать къ катастрофѣ...

2 сентября.

Вчера проводила мать. Докторъ послалъ ее въ Крымъ поправиться. Она нисколько не отдохнула за лѣто, совсѣмъ заработалась, но не хотѣла признавать этого, и я съ большимъ трудомъ уговорила ее уѣхать Ей точно совѣстно пожить хотя немного для себя, для своего здоровья. Взяла съ собой работу и, конечно, не отдохнетъ... У нея такая бодрость духа, такая ясность головы, что мнѣ и отрадно, и завидно смотрѣть на нее.

5 сентября.

Нѣтъ, нельзя такъ жить, надо рѣшиться.. Мужъ постоянно дома, Дмитрій не въ духѣ, видаемся урывками. Надо на что-нибудь рѣшиться... Владиміръ ничего не замѣчаетъ: онъ веселъ и доволенъ, онъ счастливъ, что мы опять вмѣстѣ, что началась снова наша «хорошая, зимняя жизнь».

— Въ первый и въ послѣдній разъ я поселилъ тебя отдѣльно на дачѣ,—какъ-то сказалъ онъ мнѣ.

— А что?

— Соскучился очень... Дошелъ до того, что чуть ли не ревновать началъ...

Я чувствовала, что вся поблѣднѣла и поторопилась перемѣнить разговоръ. Тутъ бы мнѣ надо сказать, что я люблю Дмитрія, хочу быть его женой и прошу мужа дать мнѣ разводъ... А я глупо заговорила о Леонтьевыхъ, о Царскомъ, чуть ли не о погодѣ... Чего я боюсь? Боюсь горя мужа? Я знаю, что наношу ему ужасное оскорбленіе, обманывая его, но пока онъ не знаетъ, онъ не страдаетъ, а я должна своей рукой нанести ему этотъ ударъ и не рѣшаюсь, и малодушно отдаляю минуту объясненія.

Мужъ не привыкъ всматриваться въ меня и, конечно, не замѣчаетъ моей внутренней работы. Иначе онъ долженъ былъ бы облегчить мнѣ объясненіе, долженъ бы помочь мнѣ разрубить этотъ узелъ. Будь онъ поумнѣе, а главное— потоньше въ нравственномъ отношеніи, онъ увидѣлъ бы, какой адъ у меня въ сердцѣ...

6 сентября.

Мужъ постоянно дома, увлекается передѣлкой квартиры, перестановкой мебели и покупкой новыхъ вещей. Не только читать, — сказать двухъ словъ съ Дмитріемъ негдѣ. Я не могу бывать у него. Я не хочу рисковать и давать на посмѣяніе имя мужа. Какъ глупы и неспра-

водливы люди! Жена дѣлаетъ, съ ихъ точки зрѣнія, гадость, а смѣются надъ мужемъ! Гдѣ логика? Дмитрій не можетъ часто бывать у меня; онъ слишкомъ страдаетъ и отъ того, что долженъ лгать и быть любезнымъ съ Владиміромъ, и отъ того, что не можетъ выносить нѣжнаго отношенія ко мнѣ мужа. Стоитъ Владиміру взять меня за руку, чтобы Дмитрій блѣднѣлъ какъ смерть. И мнѣ жаль его, жаль и мужа,—онъ такъ любитъ меня, такъ вѣритъ мнѣ. И я не могу рѣшиться нанести ему страшное горе, какъ не рѣшилась бы ударить ребенка...

8 сентября.

Какъ это вышло? Съ чего началось? Да! Вчера за обѣдомъ я спросила мужа:

— Что бы ты сдѣлалъ, еслибъ я сказала, что не люблю тебя?

Онъ, смѣясь, отвѣтилъ мнѣ:

— Сказалъ бы: на здоровье!

А потомъ, помолчавъ нѣсколько секундъ, прибавилъ:

— Ужъ не влюбилась ли въ Львова?

И опять, вмѣсто того, чтобы сказать «да» и серьезно все объяснить, я ускользнула отъ правды и опять отдалила рѣшительную минуту.

— Пожалуй!—продолжалъ мужъ. Женщины, вѣдь, не любятъ простой, здоровой пищи. Имъ давай съ перцемъ и чтобы faisandé, вотъ какъ этотъ рябчикъ...

Я воспользовалась этой фразой, чтобы заговорить о провизіи, о прислугѣ. И сама ненавидѣла себя за эту лживость и трусость.

А Владиміръ, какъ человѣкъ, любящій дисциплину и порядокъ въ хозяйствѣ, съ удовольствіемъ перешелъ на домашнія дѣла. Я отвѣчала ему, кажется впопадъ, а сама думала о своемъ.

Вотъ чѣмъ милъ Дмитрій! Онъ живетъ выше всего этого... Съ нимъ просто стыдно было бы говорить о кухаркахъ... Онъ все время выше всѣхъ этихъ житейскихъ дрязгъ

А въ это время мужъ перешелъ почему-то на излюбленную имъ тему о трудѣ и говорилъ:

— Трудъ облагораживаетъ человѣка... Что можетъ быть хуже тунеядца? Вотъ Львовъ, напримѣръ...

Я встрепенулась.

— По моему, Львовы такъ же нужны обществу, какъ и рабочіе люди.

— Чѣмъ же это? — съ нескрываемымъ раздраженіемъ спросилъ Владиміръ.

— Не о хлѣбѣ единомъ живъ человѣкъ... Мы всѣ слишкомъ погрязли въ работѣ... И не столько въ работѣ, сколько въ заработкѣ... Это угнетаетъ душу... опошляетъ общество... Необходимы люди безъ мѣщанскихъ добродѣтелей, вродѣ трудолюбія... Львовъ, во всякомъ случаѣ, на сто головъ выше какого-нибудь Сѣдлецкаго.

— Міръ двигается не болтовней, а дѣломъ...

— Зависитъ, какимъ дѣломъ...

— Да вотъ хотя бы тотъ же Сѣдлецкій... Понадобится родинѣ его жизнь—онъ отдастъ ее... Не задумается—отдастъ А Львовъ ни однимъ своимъ полированнымъ ногтемъ не поступится...

Мы вышли изъ-за стола оба раздраженные и сердитые. Мужъ поѣхалъ къ maman. Я черезъ двадцать минутъ была у Дмитрія.

— Ты? Какими судьбами?—вскрикнулъ онъ, отворяя мнѣ двери.

Я не могла говорить отъ страха, отъ волненія, отъ счастья, что я опять у него, что я опять съ нимъ.

Дмитрій усадилъ меня на диванъ, далъ выпить какого-то питья, сѣлъ на коверъ у моихъ ногъ, цѣловалъ мои руки и ждалъ, чтобъ я первая начала говорить.

— Что ты дѣлалъ?—спросила я наконецъ.

— Ждалъ тебя.

Не знаю отчего, этотъ отвѣтъ наполнилъ меня такою радостью, что я забыла все на свѣтѣ и заговорила совсѣмъ не о томъ, съ чѣмъ пришла.

Только когда я уже собралась уѣзжать, онъ спросилъ меня:

— Какъ ты, наконецъ, рѣшилась придти ко мнѣ?

— Отъ злости.

— Я думалъ отъ любви, — грустно проговорилъ онъ.

— Да и любовь и злоба... Слушай...

И я разсказала ему мой разговоръ съ мужемъ. Дмитрій весело и радостно разсмѣялся.

— Теперь ты поняла, зачѣмъ мнѣ нужна свобода? Поняла? Ждать тебя. Ждать твоего зова, твоего прихода... Быть свободнымъ всегда, когда бы ты ни позвала меня... Какое удовлетвореніе тщеславія, какія деньги могутъ замѣнить это? Вдругъ ты мнѣ скажешь: я приду завтра въ два часа... А я тебѣ на это: извини, пожалуйста, я дежурный... Или: у меня засѣданіе... Да я не могу себѣ представить ничего подобнаго.

— Такъ я приду завтра въ два, — сказала я шутя.

— Приходи, приходи! Милая!.. Мы сегодня не говорили о главномъ.

«Главное» — это разводъ, и Дмитрій всегда осторожно приступаетъ къ разговору о немъ. Какой онъ чуткій!

Мужъ вернулся отъ maman, какъ всегда, ровно въ десять. Онъ прямо прошелъ ко мнѣ въ комнату и, какъ ни въ чемъ не бывало, ласково поцѣловалъ меня и сказалъ:

— Maman хотѣлось бы тебя видѣть... Поѣдемъ къ ней завтра со мной... За что обижать старуху? Она такъ высоко ставитъ тебя.

И я, чувствуя внутри себя свою виновность передъ мужемъ, была ласкова съ нимъ и обѣщала поѣхать къ maman.

9 сентября.

Всю ночь мнѣ грезилась уютная комната со сводами, съ темными портьерами, съ громаднымъ каминомъ и венеціанскимъ фонаремъ. Сегодня утромъ я не могла отдать себѣ отчета, какъ я рѣшилась вчера поѣхать къ нему? И еще обѣщала придти сегодня въ два часа!! Не могу рѣшиться. Послала ему книгу съ запиской. Въ постскриптумѣ приписала: «Сегодня въ два часа мы у maman». Ждала его весь день. Онъ не пришелъ.

Хорошая жена, любящая мать... Неужели это заслуга? Нѣтъ, любовь, идущая противъ предразсудковъ—заслуга! Любовь, требующая жертвъ и страданій — заслуга. А никто этого знать не хочетъ, никто не желаетъ считаться съ сердцемъ человѣческимъ. Установили законы, узаконили предразсудки, заковали себя цѣпями и думаютъ, что такъ надо. Точно жизнь для правилъ, а не правила для жизни.

---

11 сентября.

«*Мы* у maman. У *насъ* гости...» Еслибъ вы знали, что значатъ эти слова для меня, вы бы не говорили такъ, — сказалъ мнѣ вчера Дмитрій. Вы въ этихъ словахъ не отдѣляете себя отъ *него*, вы показываете мнѣ, что у васъ общая жизнь, общіе интересы... Тогда какъ вы моя и я даже мысли не могу допустить, чтобъ у васъ была отдѣльная отъ меня жизнь. .. Не могу»...

Что мнѣ дѣлать? Я чувствую, что дальше такъ нельзя и не знаю, что дѣлать. Я сознаю, что должна сказать мужу и мнѣ жаль убивать его, и минутами я готова отказаться отъ собственнаго счастья, чтобы не дѣлать несчастнымъ этого добраго, довѣрчиваго человѣка. Онъ такъ радуется всѣмъ моимъ желаніямъ, такъ стре-

мится «побаловать» меня, что я нѣмѣю передъ нимъ и мучаю себя и мучаю Дмитрія.

13 сентября.

Получила письмо отъ Дмитрія. «Сегодня одинъ знакомый сказалъ мнѣ, что встрѣтилъ васъ съ мужемъ въ каретѣ. Вы о чемъ-то весело разговаривали. Не могу, не могу примириться. Когда я вижу васъ съ нимъ въ обществѣ, я забываюсь, стараюсь не думать... Но знать, что вы вдвоемъ— это невыразимое мученіе. И я никогда къ этому не привыкну и могу быть счастливъ только, когда этого не будетъ. Не думайте, что это чувство пройдетъ во мнѣ. Нѣтъ, я съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ все болѣе и болѣе убѣждаюсь, какъ выше и лучше вы всѣхъ насвѣтѣ».

Бѣдный мой, милый Дмитрій!

15 сентября.

Мнѣ до слезъ хочется его видѣть. Вчера ждала весь день, весь вечеръ. Мужъ старался развлечь меня, просилъ ѣхать съ нимъ въ театръ. Я не могла отвѣчать. И чѣмъ ласковѣе онъ былъ, тѣмъ несчастнѣе я себя чувствовала, тѣмъ больше мнѣ было жаль себя. Сегодня утромъ я послала книгу Дмитрію и письмо, одну строчку: «Почему забыли?» Онъ отвѣтилъ: «Сижу дома:—

нездоровится, да и не могу я бывать у васъ... Не могу! Закрою глаза и вижу васъ, мою маленькую, мою обожаемую рядомъ съ нимъ... И страдаю невыносимо.. Безконечно жажду быть съ вами... Вы необходимы мнѣ. Скучаю по вашимъ милымъ рукамъ съ тонкими пальчиками. Придите, милая, любимая!»

Мужъ ни на минуту не отходитъ отъ меня.

17 сентября.

Maman серьезно заболѣла. У нея инфлуэнца, осложненная процессомъ въ легкихъ. Мужъ голову потерялъ. Все свободное время онъ проводитъ у матери, забѣгаетъ домой на минуту, ласковый, кроткій.

Отчего здоровые и веселые люди становятся какъ-то особенно жалки и безпомощны, когда на нихъ налетитъ горе?

Я цѣлые дни одна съ моими книгами, съ моими думами.

Дмитрій не приходитъ. Я отъ слезъ потеряла и волю, и силы... Измучилась, устала... Устала ждать, устала лгать, устала жить.

20 сентября.

Вотъ недѣля, что я его не видала. Мужъ сдѣлался еще ласковѣе, еще добрѣе и милѣе. Точно

онъ чутьемъ угадалъ, какъ мнѣ тяжело... Или его собственное горе — болѣзнь матери — такъ подѣйствовало на него? Не знаю... Но меня мучаетъ его любовное отношеніе ко мнѣ и мнѣ жалко его, какъ безпомощнаго ребенка, который погибнетъ безъ меня. Вчера онъ такъ искренно, такъ горько плакалъ, разсказывая мнѣ, что доктора находятъ положеніе maman очень опаснымъ. Я смотрѣла на его широкія, вздрагивающія отъ рыданій плечи, на его красивое, свѣжее лицо, все лоснящееся отъ слезъ, и мнѣ стало такъ жаль его, что я сама чуть не расплакалась надъ нимъ. Какъ бы я была счастлива, еслибъ онъ былъ жестокъ и несправедливъ ко мнѣ!..

28 сентября.

Ничего не хочется дѣлать. Тоска гнетущая. Тишина давитъ меня. Мужъ уѣхалъ къ maman, и я опять одна, совсѣмъ одна. Дмитрій не хочетъ бывать у насъ. И это доводитъ меня до отчаянія. Я не могу спокойно говорить съ Владиміромъ. Иногда все въ немъ раздражаетъ меня: и его здоровый видъ, и громадный аппетитъ, и громкій голосъ—все. Когда я счастлива, когда я знаю, что Дмитрій меня любитъ — я

люблю мужа, т. е. не то что люблю, а хорошо отношусь къ нему. Я не знаю, какъ объяснить это. Совѣстно мнѣ что ли, жалко ли—не знаю, но тогда онъ меня не раздражаетъ нисколько. А какъ только я рѣшаюсь ради него отказаться отъ Дмитрія, отъ счастія, отъ единственной радости жизни — мужъ мнѣ становится невыносимъ. И когда я смотрю, какъ онъ спокойно уходитъ изъ дому и оставляетъ меня одну, мнѣ хочется разсказать ему всю правду, измучить его этою правдой. А какъ только онъ начинаетъ подозрѣвать, я всѣми силами стараюсь разсѣять его подозрѣнія. И теперь, видя, что Дмитрій почти не бываетъ у насъ, мужъ совсѣмъ успокоился. Господи, какъ скучно жить на свѣтѣ! Какъ безсмысленно всю жизнь отъ самаго рожденія, мучиться, мучить другихъ, дѣлать подлости и страдать, страдать безъ конца! Мама бы сказала, что мои страданія грошевыя, личныя. Да! И тѣмъ они ужаснѣе. Нѣтъ даже утѣшенія въ сознаніи величія своихъ страданій. Скучно мнѣ безпросвѣтно и все невыносимо кругомъ. Невыносима наша квартира съ двумя гостиными и дубовою столовой, невыносима вся обстановка, невыносимы всѣ знакомые... Конечно, будь я женою Дмитрія, жизнь шла бы

умнѣе и ярче въ тысячу разъ. И права была мама, что не хотѣла моего брака съ Владиміромъ. Правъ Дмитрій, не желая бывать въ нашей скучнѣйшей гостиной. Одна я неправа. Неправа въ томъ, что полюбила Дмитрія, если у меня нѣтъ смѣлости сказать всему міру, что я люблю не мужа.

1 октября.

Я не видала Дмитрія больше двухъ недѣль и совсѣмъ изнервничалась. Я чувствую, что несправедлива къ мужу и мучаю его моими капризами, моею раздражительностью, моею ненавистью къ нему. Сегодня онъ сказалъ мнѣ, что видѣлъ Дмитрія у maman, и прибавилъ: «такой цвѣтущій!» И мнѣ захотѣлось броситься на мужа и задушить его!..

2 октября.

Я упросила Дмитрія подождать, переждать Что переждать я и сама не знаю... Я застала его вчера такимъ измученнымъ, такимъ блѣднымъ, такимъ жалкимъ (а мужъ сказалъ: «цвѣтущій!»), что не могла не обѣщать ему, при первой же возможности, разсказать все мужу, стать свободной, уѣхать за границу и не разставаться

*

больше никогда, никогда... Я обѣщала, но не знаю, какъ исполнить это. Мнѣ кажется, что все должно устроиться само собою, и не вижу, какъ же это можетъ устроиться. Можетъ быть, Владиміръ влюбится?.. Едва ли!.. Можетъ быть, умретъ? Господи, какой ужасъ!.. До чего я дошла!..

Дмитрій далъ слово ждать исхода болѣзни maman. Онъ понимаетъ, что теперь безтактно говорить съ Владиміромъ. Онъ такъ огорченъ, такъ пришибленъ болѣзнью матери, такъ измученъ безсонными ночами и постоянными переходами отъ надежды къ отчаянію... Онъ такъ нѣжно, такъ беззавѣтно привязанъ къ матери... И Дмитрій «уважаетъ» въ немъ это.

Я обѣщала бывать у Дмитрія, упросила его бывать у насъ.

Какое счастье любить и знать, что любима! Нѣтъ, ничто не сравнится съ этимъ!

16 октября.

Никогда я не была такъ счастлива, никогда! Правда, что въ жизни все условно, кромѣ любви... Любовь—вотъ настоящая радость жизни; когда проснешься утромъ и еще не успѣешь ничего сообразить, а уже радуешься чему то, когда духъ замираетъ отъ одного воспоминанія о вче-

рашнемъ днѣ, когда ноги подкашиваются при видѣ милаго человѣка—вотъ это счастіе, не выдуманное людьми, не созданное воображеніемъ, а настоящее, жгучее счастье. И ничто не замѣнитъ его, и все можно претерпѣть за него!..

22 октября.

«Мы живемъ выше средствъ, мы не умѣемъ хозяйничать, жизнь становится все дороже и дороже»... Господи, какъ мнѣ надоѣло все это! Я знаю, что мужъ правъ, когда онъ ворчитъ, и все-таки не могу не сердиться на него и не сравнивать его съ Дмитріемъ. Тамъ, у него, я отдыхаю душой, тамъ я никогда не слышу слова «рубль» и забываю о нашей сѣрой, маленькой жизни. И развѣ я виновата, что только и живу той минутой, когда я отъ «семейнаго очага» попадаю туда, на мягкій диванъ, покрытый чернымъ мѣхомъ, къ человѣку, который ради меня готовъ отдать не только всѣ свои деньги, но покой, душу, жизнь.

Наши свиданія слишкомъ тревожны и коротки. Такъ много надо сказать другъ другу, такъ много передать... Тревоги ожиданія, безпокойство, что не приду, и радость, что пришла—вотъ обыкновенно въ чемъ проходитъ большая

часть бесѣды... А затѣмъ опять мольбы о свободѣ... Я безповоротно рѣшила какъ можно скорѣе сказать все мужу, а тамъ будь, что будетъ.

5 ноября.

Мнѣ кажется иногда, что я съ ума сойду... Свиданія урывками, неистовыя и грустныя... При разставаніи каждый разъ упреки, мольбы, бѣшеная ревность и дѣтскія слезы... Дома—вѣчная комедія, двойная жизнь: говоришь одно, думаешь другое, смѣешься, когда хочется плакать, ломаешь себя каждую секунду... Нѣтъ, дольше такъ жить нельзя.

7 ноября.

И правда, изъ-за чего я терзаюсь? Почему не сломать все разомъ и не уйти къ Дмитрію? Уваженіе общества? То-есть собственно кого? Общество—туманное слово. Надо имена. Мери Ретлингъ? Всѣ, кромѣ ея мужа, знаютъ, кто отецъ ея послѣдняго ребенка, всѣ говорятъ объ этомъ и никому въ голову не придетъ клеймить ее за это; напротивъ, если приглашаютъ Мери, непремѣнно приглашаютъ и Бурова... Малыгины? Онъ карьеристъ, пресмыкающійся передъ сильными міра сего и дѣлающій карьеру съ помощью

жены. она — не остановится ни передъ чѣмъ, чтобы «вывести мужа въ люди»... Утесовъ? Вѣкъ свой проживающій на чужой счетъ: чужой обѣдъ, чужая жена, чужая ложа... М-me Салина? Она вышла замужъ за богатаго человѣка безъ любви, прямо продала ему свою молодость и свободу и теперь кокетничаетъ направо и налѣво.. И всѣ ухаживаютъ за ней, ѣздятъ къ ней, ѣдятъ вкусные обѣды и ругаютъ мужа, который всѣмъ въ тягость... Превосходительные биржевики, тайные полигамы, тартюфы, маски добродѣтели на пошлой испорченности и мелкомъ себялюбіи, грошевая проповѣдь морали и грошевое лицемѣріе — вотъ наше общество! Зачѣмъ мнѣ его уваженіе? И неужели оно стóитъ хоть какой-нибудь жертвы? Вчера Дмитрій сказалъ мнѣ:

— Подумай только, какой вздоръ ставишь ты выше счастья: уваженіе общества, которое ты не уважаешь, долгъ, который ты нарушаешь каждый день, каждую минуту.. Ты не можешь быть хорошей женой, любя другого, — не можешь!.. А главное — ты уже не замѣчаешь, какъ мы съ тобой погрязаемъ въ банальныхъ, мѣщанскихъ мелочахъ, въ унизительной ежеминутной лжи.

Я ничего не могла отвѣтить, я сама сознаю, что нельзя приносить жизнь въ жертву мѣщанскимъ требованіямъ.

Почему же я медлю? Не знаю... Мнѣ жаль Владиміра, мнѣ страшно за будущее... Иногда нѣтъ мнѣ человѣка ближе Дмитрія, и я все готова отдать ради него, иногда онъ мнѣ кажется такимъ чужимъ...

Мамаѣ стало лучше. Ей велѣно перемѣнить воздухъ, и Владиміръ повезетъ ее на дняхъ въ ея имѣніе.

15 ноября.

Завтра утромъ возвращается мужъ. Пять дней мы съ Дмитріемъ были одни и точно забыли, что Владиміръ вернется, что опять начнется прежнее.

Сегодня вечеромъ Дмитрій вдругъ сталъ нервный и тревожный.

— Леля, — нерѣшительно началъ онъ, — когда же?

— Не говори пока объ этомъ.

— Да скажи, чего ты ждешь? На что надѣешься? Чтобы все устроилось само собою? Какъ это по-женски, какъ это жестоко!

— Жестоко?

— Знаешь, когда я возвращаюсь домой и оставляю тебя съ нимъ, — я съ ума схожу отъ горя... Иногда я боюсь вернуться къ себѣ и мнѣ стоитъ страшныхъ усилій не возвратиться къ тебѣ, не надѣлать чего-нибудь безумнаго, но искренняго.

20 ноября.

Порою мнѣ кажется, что вся ревность Дмитрія сводится къ его самолюбію... Онъ мнѣ нѣсколько разъ говорилъ, что больше всего боится очутиться въ пошломъ положеніи. Вчера онъ прямо сказалъ мнѣ:

— Не мученія страшны мнѣ,—я все перенесу, даже, если нужно, разрывъ,—но я не перенесу пошлости... А положеніе любовника замужней женщины всегда пошло... Пошла эта тайна съ мелкими увертками и мелкимъ страхомъ, пошлы компромисы... все пошло... И когда я дойду до того, чего вы желаете, то-есть буду совершенно доволенъ моимъ положеніемъ, вы будете имѣть полное право назвать меня пошлякомъ. И мнѣ это будетъ самое лучшее возмездіе за все.

— За что «за все»?

— Всю жизнь я боялся банальной исторіи съ

женщиной. Я допускалъ все, что угодно, но не такія унизительныя условія.

— Что ты говоришь?—не могла я не вскрикнуть.

— Да,—сказалъ онъ.—Унизительно краснѣть, унизительно бояться, унизительно красть!

Я разрыдалась.

22 ноября.

Вчера Дмитрій былъ у меня, пришелъ Владиміръ и поцѣловалъ меня, какъ всегда... Дмитрій поблѣднѣлъ и закашлялъ. Я знаю его нервный кашель при каждомъ волненіи: радости, горѣ, удивленіи... Онъ всталъ и ушелъ такъ рѣзко, что я думала мужъ замѣтитъ. Но у Владиміра въ полку «исторія» и онъ хотѣлъ поскорѣе разсказать ее мнѣ и такъ радъ былъ, когда мы остались вдвоемъ, что ничего не замѣтилъ. Сегодня письмо Дмитрія. Я обыкновенно рву всѣ его письма, чтобъ они не попались мужу. Но я не могу разстаться съ ними, — слишкомъ они дороги мнѣ. Я рѣшила списывать ихъ въ эту тетрадь.

«Я ревную васъ безумно и знаю, что это васъ озлобляетъ противъ меня. Что-жъ дѣлать? Не буду любить—не буду ревновать. Вы думаете

я примирился съ моимъ положеніемъ? Нѣтъ, никогда! Я молчу, но мысль, что ты не моя—вѣчно, вѣчно болитъ въ моемъ мозгу. Ты мнѣ говоришь: Неужели тебѣ мало знать, что я люблю тебя? Да, мало, мало. Мнѣ надо, чтобы ты вся, вся была моя, моя и ничья больше...

«Въ худшемъ случаѣ мужъ можетъ подозрѣвать жену. «Другъ» не подозрѣваетъ: онъ *знаетъ*, что любимая женщина принадлежитъ другому. Не можетъ не знать. И мириться съ этимъ постыдно.

«Иногда мнѣ страшно, чтобъ эта мысль не привела меня къ ненависти... Когда я думаю, что все зависитъ отъ одной тебя (да отъ одной тебя!), я ненавижу тебя, я не нахожу достаточно рѣзкихъ словъ, чтобы сказать тебѣ, какъ ты жалка въ твоей нерѣшительности, какъ ты жестока къ моимъ мученіямъ... Увижу тебя — все забуду. Твои глаза, губы, твой голосъ, твои духи, вся ты для меня—опьяненіе и безуміе. И я становлюсь пьянымъ, безумнымъ и готовъ идти на все, что ты прикажешь... Но пойми ты, что такое положеніе оскорбительно и некрасиво, что оно постыдно и мучительно. Позволь мнѣ все сказать Владиміру Степановичу. Вѣрь, что я сумѣю сдѣлать все порядочно и чисто».

Я рѣшила все «устроить» не медля.

Ночью.

Завтра или послѣ завтра я съ мужемъ ѣду въ деревню къ maman. Когда Владиміръ вернулся сегодня со службы, швейцаръ подалъ ему телеграмму, и онъ, какъ сумасшедшій, вбѣжалъ ко мнѣ. Въ телеграммѣ стояло: «Чувствую, что ухожу отъ васъ. Умоляю тебя, Hélène, пріѣхать проститься.

Мать».

У меня не хватило духу отказать мужу ѣхать съ нимъ.

23 ноября.

Сейчасъ отъ него. Онъ не ждалъ меня и совсѣмъ обезумѣлъ отъ радости меня видѣть. Онъ цѣловалъ меня, называлъ нѣжными именами, показывалъ мнѣ какія-то новыя книги и увражи, полученные имъ. Я ничего не видѣла и мысль объ отъѣздѣ больно билась въ моемъ мозгу.

— Что случилось?—вдругъ спросилъ онъ.— Ты что-то скрываешь отъ меня.

И въ его голосѣ было столько неподдѣльнаго испуга и горя, что я не могла скрывать ни минуты больше.

— Maman умираетъ... Проситъ пріѣхать...

— Ты ѣдешь?

— Да.

— Съ нимъ?

— Съ нимъ...

Дмитрій поблѣднѣлъ и заходилъ по комнатѣ.

— Это разрывъ?—спросилъ онъ.

Я не поняла его вопроса.

— Это конецъ,—уже утвердительно сказалъ онъ.—Мы больше не увидимся.

— Какъ? Почему?

— Неужели вы не понимаете? Я могъ мириться съ нашимъ ужаснымъ положеніемъ, потому что каждый день надѣялся измѣнить его. Понадобилась бы дуэль—вы знаете, я не отказался бы и отъ дуэли... Но я не могъ успокоиться на томъ, чтобы продолжать всю жизнь обманывать, лгать, красть, притворяться. Это пошло, подло, отвратительно... А вы? Вы уѣзжаете съ мужемъ съ тѣмъ, чтобы вернуться и начать прежнее.

— Дмитрій!—закричала я.

— И неужели вы думаете, что я могу примириться съ этимъ: знать, что вы тамъ, вдвоемъ, въ семейной обстановкѣ, въ семейномъ горѣ, и ждать, что вы вернетесь и начнутся опять наши мимолетныя встрѣчи и тайные поцѣлуи... Неужели вы думаете, что я пойду на это? Нѣтъ, ни

за что! Лучше разрывъ, лучше смерть, чѣмъ прежній позоръ. Да, да, позоръ! И уѣзжайте съ мужемъ, и будьте счастливы съ нимъ, но не разсчитывайте, что васъ ждетъ прежняя «забава»!

Я видѣла, что онъ страдаетъ невыносимо, и не находила словъ отвѣчать.

— Почему вы не сказали ему всей правды? Чего вы ждали? Жалѣли, щадили? Все это жестокая сантиментальность. Да, жестокая сантиментальность!.. И совершенно женская. Мы или любимъ, или не любимъ. Одно изъ двухъ. А вы можете любить такъ, любить иначе—на всѣ лады и въ одно время. Можете любить и не любить, жалѣть и пытать—и опять-таки въ одно и то же время.

— Кто это «вы»?—уже злобно спросила я.

— Вы—женщины.

— Не говори такъ про всѣхъ женщинъ... Не смѣй такъ говорить! Если я порочная, если я не умѣю любить, если я хочу и люблю лгать—твое несчастіе что ты попалъ на такую.

— Вы не порочная... Вы не любите лгать .. Это все не то... Но вы не умѣете уяснить себѣ, чего вы хотите, къ чему вы стремитесь, чего вамъ надо... Вы даже не умѣете выяснить себѣ ваше чувство къ мужу... Вы сами не знаете—любите вы его

или нѣтъ, какъ не знаете—любите ли меня. Ваше вѣчное безволіе дѣлаетъ несчастной и васъ, и тѣхъ, кто васъ любитъ. Неужели вы не видите, что оно дѣлаетъ васъ рабой... рабой всѣхъ и всего? Неужели вы не чувствуете, какъ это унизительно?

Я ужъ не помню, что онъ говорилъ дальше, я бросилась къ нему и поклялась быть свободной.

2 февраля. Венеція.

Давно я не брала въ руки эту тетрадь. Слишкомъ я изволновалась, слишкомъ изстрадалась... Не до писанія было... Чего только не пережила я за эти мѣсяцы... Сломала все старое, убила въ себѣ жалость, вырвала изъ сердца привычку и добилась своего. Всѣмъ теперь могу сказать: я принадлежу тому, кого люблю.

Мы съ Дмитріемъ въ Венеціи второй мѣсяцъ.

Сегодня онъ въ первый разъ уѣхалъ безъ меня (отправился въ Торчелло смотрѣть какую-то византійскую базилику) и мнѣ захотѣлось опять, какъ бывало, сѣсть за мою милую тетрадь.

Отчего тянетъ писать только когда грустно? Если очень счастливъ или очень веселъ — писать не хочется... Почему же меня потянуло къ этой тетради! Развѣ я несчастна? Нѣтъ, я очень, очень счастлива... Очень...

Просто мнѣ сегодня скучно безъ Димы и я захандрила.

Наша жизнь съ нимъ какой-то сплошной сонъ. Кажется, нигдѣ нельзя такъ жить — любить, желать и мечтать, какъ въ Венеціи; здѣсь ничто не нарушаетъ гармоніи и тишины... Мы живемъ въ старинномъ палаццо съ высокими комнатами, съ потемнѣвшими плафонами... Подъ окнами тихо катится и плещется Canale Grande. Налѣво искрится перламутровая вода взморья. Я не знаю, въ какое время дня или ночи въ Венеціи лучше. Утромъ, когда встанешь и откроешь ставни, кажется, нѣтъ лучше времени какъ утро... Голубое небо, голубая вода и воздухъ совсѣмъ голубой. Мы идемъ на Пьяццу, и я кормлю голубей; они здѣсь какіе-то особенно милые: довѣрчивые, ласковые, точно дѣти. Они садятся мнѣ на плечи, на руки, на колѣни. Дмитрій смотритъ на меня и любовно улыбается, и мнѣ кажется, нѣтъ человѣка счастливѣе меня и страшно, что вотъ-вотъ сейчасъ это кончится.

День проходитъ въ храмахъ, во дворцахъ, въ восхищеніи и созерцаніи... Къ шести часамъ мы уже непремѣнно возвращаемся на Пьяццу любоваться розовыми сумерками. Когда я въ первый разъ пришла на эту единственную въ мірѣ площадь, у меня просто ноги подкосились отъ восторга. Былъ часъ заката: розовый Святой Маркъ, радостный и торжествующій, розовая стѣна дворца Дожей, веселая толпа, громкая, побѣдная музыка.

— Это наша жизнь съ тобою.—сказалъ Дмитрій,—розовая, радостная, побѣдная.

И каждый день это первое впечатлѣніе повторяется во мнѣ, и я дорожу имъ и ловлю его, и опять страшно, что оно не вѣчно, что оно сейчасъ пройдетъ.

Вечеромъ мы садимся въ гондолу и тихо плывемъ по каналу. Кружевной дворецъ Дожей, Пьяцетта, купола, левъ съ раскрытой книгой, изящный Са d'Oro, каждый разъ вызывающій въ моей памяти образъ несчастной, любящей Джіоконды... Что-то неопредѣленное и таинственное въ освѣщеніи, въ контурахъ... Забываешь землю, заботы и мелочи жизни и плывешь точно въ какомъ-то заколдованномъ царствѣ... Страшно не только заговорить, а даже

и подумать о сугробахъ выше избъ, о вѣчномъ мракѣ, холодѣ и голодѣ... Вдали виднѣются розовые, голубые, красные, желтые и зеленые фонари «серенадъ», слышатся теплые итальянскіе голоса и страстныя мелодіи... Черныя гондолы безшумно скользятъ по водѣ... Доносятся шутки, тихій смѣхъ, поцѣлуи. И опять мнѣ страшно, что все это уйдетъ и потонетъ гдѣ-то, навсегда.

Дмитрій больше всего любитъ венеціанскія ночи. И меня онъ научилъ любить ихъ. Мы отворимъ окно и сидимъ молча цѣлыми часами. Все спитъ; спятъ дворцы; спятъ храмы. Не слышно ни серенадъ, ни уканья гондольеровъ. Каналы тихо шепчутъ что-то, море шлетъ издали теплый и бодрящій ароматъ; золотыя звѣзды мигаютъ и ясный глубокій куполъ неба говоритъ о чемъ-то таинственномъ. Въ воображеніи рисуются рыжія красавицы съ черными глазами, бархатъ съ какими-то необыкновенными отсвѣтами, желтоватое кружево, статные юноши, сказочныя гондолы, безумная любовь, смерть отъ упоенья, отъ счастья. И нѣтъ силъ уйти отъ окна, нѣтъ воли разстаться съ этими видѣніями.

Ну, какъ я напишу все это мамѣ? Я такъ и вижу ее съ гладко зачесанными наверхъ волосами, въ черномъ шерстяномъ платьѣ, въ ея

аскетической обстановкѣ. Съ какимъ укоромъ покачаетъ она головой и подумаетъ: «Леля, Леля! Развѣ на это я тебя воспитала? Мучилась, сомнѣвалась, искала правды, чтобы внушить ее дочери... Да, мама! Я знаю, стыдно такъ жить! Но прости меня, прости за то, что я счастлива, что я люблю не всѣхъ людей, а одного человѣка.

27 февраля.

Какъ бы смѣялся Дима, если бы прочиталъ то, что я написала вчера. Онъ навѣрное бы сказалъ:

— Какъ это по-русски! Какъ пахнетъ всякими «вопросами» и стриженными волосами.

Онъ постоянно шутитъ надъ моей «гражданской скорбью».

— Только русская женщина отравлена этою скорбью,—говоритъ онъ.—Ни француженка, ни нѣмка, ни итальянка не способны «скорбѣть»... Она или наслаждается жизнію, или дѣлаетъ дѣло. А чаще всего безсознательно живетъ день за днемъ... И право это не хуже нашихъ «скорбящихъ».

Я всегда рада, что мама не слышитъ такихъ словъ. Она наговорила бы дерзостей Дмитрію. А для меня это было бы ужасно мучительно.

*

3 марта.

Мнѣ совсѣмъ здѣсь некогда писать. День уходитъ за днемъ въ какомъ-то снѣ, въ какомъ-то постоянномъ восторгѣ... Я только въ Венеціи нашла это настроеніе, только здѣсь я успокоилась... Какъ-то отдыхаешь въ этомъ свѣтѣ и теплѣ, подъ яснымъ покровомъ голубого свода. Задумчивая красота милой Венеціи проникаетъ все. И волны, и даль, и поэтическая тишина нѣжатъ и ласкаютъ. Неуловимыя краски и тѣни, тихая радость жизни и сладкія волненія отогнали куда-то далеко, далеко все, что еще такъ недавно мучило и волновало. Часто мнѣ приходитъ въ голову мужъ... Сердце сжимается отъ жалости и безпокойной грусти, и я стараюсь стереть воспоминанія и иду съ Димой «смотрѣть и восхищаться».

26 марта.

Красавица Венеція нарядилась по-праздничному. Всюду съ балконовъ вывѣшены нарядные ковры, старинныя матеріи. Вчера пріѣхалъ король. Городъ встрѣтилъ его разноцвѣтными гондолами: свѣтлоголубая бархатная, съ гондольерами въ костюмахъ пажей, съ длинными свѣтлыми локонами; розовая съ восемью веслами въ розовыхъ кафтанахъ; темнокрасная бархат-

ная, зеленая, желтая... За каждой гондолой волочится громадное знамя, купаясь въ голубыхъ водахъ взморья. Музыка, крики, ярко, весело... Точно балетъ. Мы съ Дмитріемъ были весь день на улицѣ, а вечеромъ ѣздили въ гондолѣ за большой «серенадой», устроенной въ честь короля. Громадная барка-бесѣдка, украшенная молочными фонариками; сотни гондолъ слѣдуютъ за ней и сталкиваются съ глухимъ стукомъ; музыка несется по всему Большому каналу и подхватываетъ всѣхъ за собою. Къ ночи я такъ устала, что, какъ подкошенная, свалилась на постель. И когда я закрыла глаза, то у меня все спуталось: негры-гондольеры, громадные сѣдые усы Гумберта, тысячи флаговъ и знаменъ, красавица итальянка, бросившая букетъ королю, крики и пѣніе тысячи голосовъ.

Я почти всю ночь не спала.

27 марта

Почему меня такъ взволновало это письмо?.. Я рада, что Владиміръ успокоился... Можетъ быть ему суждено тоже полюбить и быть счастливымъ... Мама пишетъ: «Встрѣтила Владиміра Степановича; онъ ѣхалъ по Невскому съ какой-то юной дѣвицей и придерживалъ ее за талію, хотя

теперешнія дрожки и не требуютъ этой заботливости». Очень можетъ быть, что это Маруся Коноплина? Мама совсѣмъ не знала нашихъ знакомыхъ... Да если и не она, если какая-нибудь новая знакомая... Что-жъ? Владиміръ достоинъ счастія. И я не понимаю, почему это такъ взволновало меня? Неужели мнѣ было бы непріятно узнать, что Владиміръ счастливъ? Вѣдь я же ушла отъ него, не онъ меня бросилъ. Ушла,— значитъ не любила. А не любила, значитъ ревновать невозможно. Да, все это такъ, а внутри что-то гложетъ и мозжитъ. И слезы подступаютъ къ глазамъ. Неужели я не желаю счастья такому доброму, хорошему человѣку, какъ Владиміръ? Вздоръ! Не такая же я злая! Я такъ благодарна ему, такъ благодарна, что... Не знаю, почему слезы душатъ меня... Не могу писать... И каждый разъ, какъ я вспомню наше рѣшительное объясненіе, наше разставанье, я плачу, какъ надъ близкимъ умершимъ. О чемъ я плачу? О счастьи? Но теперь я такъ счастлива, какъ никогда и не мечтала... О любви? Я люблю Дмитрія, люблю его одного.

Какъ это все случилось? Какъ-то очень просто и вмѣстѣ съ тѣмъ очень тяжело... Я боялась сценъ, боялась драмы и все откладывала минуту

объясненія... Въ концѣ ноября у Владиміра умерла мать. Я не поѣхала съ нимъ хоронить ее, я не хотѣла огорчать Дмитрія... Мужъ пріѣхалъ послѣ похоронъ и грустный, и удрученный всякаго рода заботами; онъ остался единственнымъ наслѣдникомъ матери, имѣніе оказалось очень запутаннымъ, но гораздо болѣе цѣннымъ, чѣмъ онъ ожидалъ... Онъ пріѣхалъ и сейчасъ же заговорилъ о томъ, что выйдетъ въ отставку и мы съ нимъ поѣдемъ въ деревню, гдѣ онъ нашелъ «воровство вопіющее»... Онъ рѣшилъ сейчасъ же положить этому конецъ, забрать все въ свои руки и все поставить по-своему. Мнѣ хотѣлось дать хоть немного улечься его «горю», переждать, и тогда все сказать ему. Но онъ самъ помогъ мнѣ въ этомъ... Я очень хорошо помню то мрачное декабрьское утро, когда онъ ходилъ взадъ и впередъ по моей комнатѣ и говорилъ шепотомъ, но очень внятно:

— Ты думаешь, я не вижу, какъ ты страдаешь? Давно вижу... Еще въ Царскомъ понялъ, что ты сама не своя. Только думалъ, что это «такъ», отъ скуки... надѣялся, что все пройдетъ... Думалъ: переѣдешь въ городъ, начнется наша петербургская шумная жизнь, и ты опять станешь прежней... Вѣдь лѣтомъ ты совсѣмъ и не видала его.

Я поняла, что онъ говорилъ о Дмитріи, и вся похолодѣла: я почувствовала, что наступила рѣшительная минута.

— А переѣхали въ городъ—стало еще хуже... Ты сдѣлалась какая-то чужая... Я понимаю, что ты увлеклась имъ... Онъ постоянно говорилъ тебѣ о томъ, что отрываетъ отъ обыденной обстановки, окружалъ тебя какими-то особенными полуувядшими цвѣтами съ какимъ-то раздражающимъ запахомъ, читалъ тебѣ звучные стихи... Мужъ ничего этого не дѣлалъ... Понятно, твоя безпокойная головка закружилась... Къ несчастью, я замѣтилъ это уже поздно.

Помню, я взглянула на Владиміра и испугалась: онъ былъ совсѣмъ бѣлый, и его губы постоянно дергало на правую сторону. Онъ страдалъ до боли, но я поняла, что онъ дойдетъ до конца. И мнѣ хотѣлось закричать, броситься передъ нимъ на колѣни и вымолить у него прощеніе... Но, къ счастью, онъ меня спасъ отъ этого неразумнаго шага. Онъ старался быть спокойнымъ и сказалъ мнѣ:

— Уѣдемъ въ деревню, заживемъ вдвоемъ, и ты опять полюбишь меня, забудешь твою блажь.

Помню, какъ это слово кольнуло меня и растопило ледъ, которымъ былъ скованъ мой языкъ.

Я стала говорить мужу о томъ, какъ люблю Дмитрія, и никогда, никогда не разлюблю. Я говорила безо всякой жалости къ мужу. Онъ выслушалъ молча и, наконецъ, сказалъ просто и трогательно:

— Насильно милъ не будешь.

И я видѣла, какъ двѣ крупныя слезы застряли на его длинныхъ рѣсницахъ.

— Я вѣрю, что ты не обманывала меня... Ты не такая... Я дамъ тебѣ разводъ, выходи за него замужъ... Только не обманывай меня, не трепли по грязи мое имя.

И мнѣ почему-то не было жаль мужа, мнѣ было обидно, что онъ такъ скоро и сравнительно спокойно смирился съ тѣмъ, что я сказала ему, и я невольно думала: какъ безумствовалъ бы въ подобномъ случаѣ Дмитрій. Никогда бы не поставилъ онъ на первомъ планѣ личное самолюбіе и свое имя.

— Я возьму вину на себя... Я все сдѣлаю, чтобы ты стала его женою,—говорилъ Владиміръ.—Только одно условіе ставлю тебѣ: пока разводъ не кончится,—живи у матери... Не позорь себя и меня.

Онъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, крутилъ усы и говорилъ глухимъ и какимъ-то

чужимъ для меня голосомъ... Говорилъ долго и много, но я не слыхала, я вся была наполнена сознаніемъ, что свободна, и едва сдерживала себя, чтобы сейчасъ же не броситься къ Дмитрію.

Когда я пріѣхала къ нему, онъ лежалъ на диванѣ совсѣмъ больной, разбитый.

— Свободна!—объявила я ему.

Этой минуты я не забуду никогда въ жизни! Тутъ только я поняла, какъ меня любитъ этотъ человѣкъ.

— Теперь я никому, никому тебя не отдамъ. Каждый часъ, каждую минуту я буду съ тобой... Ни одна твоя радость, ни одно твое горе, ни одна твоя мысль не минуютъ меня... Я отдамъ тебѣ каждую секунду моего существованія... Буду обожать тебя постоянно, молиться на тебя.

Когда я сказала ему, что должна переѣхать къ матери и ждать развода, онъ вскочилъ какъ ужаленный.

— Опять рамки! Опять никому не нужныя глупыя цѣпи! Зачѣмъ? Уѣдемъ сейчасъ же, завтра же за границу... Уѣдемъ навсегда изъ Россіи... Можетъ быть, тамъ ты прозришь, увидишь, какъ много ненужныхъ условностей въ жизни... Не отдамъ я тебя теперь никому... И не пущу отъ себя ни на минуту... Если бы ты знала,

какъ я изстрадался... Сколько сомнѣній, подозрѣній, оскорбительнаго страха!.. А главное, я все время долженъ былъ играть такую некрасивую роль... Еще немного — и я не выдержалъ бы: явился бы къ твоему мужу и сказалъ бы, что люблю тебя!.. Пусть убилъ бы...

Я все-таки хотѣла убѣдить Дмитрія сдѣлать мужу хоть эту уступку.

— И это говоришь ты? Ты, вѣчно проповѣдующая независимость и свободу!.. Ты говорила, что эта жажда свободы привела тебя къ разногласію съ матерью... Вѣдь могла ты бороться съ деспотическимъ катехизисомъ шестидесятыхъ годовъ? Почему же теперь ты считаешься съ буржуазными требованіями твоего супруга, со страхами за его имя?.. Это смѣшно и непослѣдовательно.

И правда, опять у меня сказался разладъ между словомъ и дѣломъ! Опять двойственность! Я всю жизнь можетъ быть безсознательно, а можетъ и сознательно, боролась противъ всякихъ цѣпей, я постоянно повторяла, что «покорность условности—рабская черта», и вдругъ теперь, когда передо мной, наконецъ, раскрывалась свобода и полное отсутствіе условности, я чуть было опять сама, своими руками не сломала всего.

Я въ тотъ же вечеръ написала мужу, что мнѣ не надо развода на тѣхъ условіяхъ. на какихъ онъ предлагалъ мнѣ его... Если же онъ желаетъ, я возьму вину на себя... Онъ разсердился, написалъ мнѣ сухое и дѣловое письмо, гдѣ «требовалъ», чтобъ я до окончанія развода жила у моей матери и только по выходѣ замужъ за «господина Львова» могла переѣхать къ нему. Иначе «онъ отказывался дать мнѣ видъ на жительство». Дмитрій выхлопоталъ мнѣ паспортъ помимо мужа, и мы сейчасъ же уѣхали за границу.

Теперь, можетъ быть, Владиміръ благодаренъ мнѣ, что я оставила ему свободу, что онъ можетъ жениться.

Почему же это волнуетъ меня? Должно быть, нельзя совершенно вычеркнуть изъ сердца человѣка, съ которымъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ жилъ одной общей жизнью, отъ котораго имѣлъ ребенка.

30 марта.

Король уѣхалъ. Празднества кончились. Стало тише. Я очень довольна. Я устала отъ красокъ и звуковъ. Устала отъ ласокъ и нѣги. Устала отъ несмолкаемаго біенія сердца, отъ

постоянной радости жизни... Мы съ Дмитріемъ часто молчимъ цѣлыми часами. Иногда мнѣ страшно: неужели мы въ полгода уже все переговорили? Иногда мнѣ очень хорошо. Нигдѣ какъ въ Венеціи нельзя такъ хорошо молчать и мечтать. И Дмитрій можетъ молчать цѣлыми часами. Иногда мнѣ кажется, что ему скучно, скучно со мной, скучно отъ этого постояннаго любованія и искусственнаго удаленія отъ жизни, отъ всего живого. Ничего не интересуетъ насъ, ничѣмъ мы не волнуемся кромѣ красоты и произведеній искусства, и не современнаго, а пережившаго вѣка и вѣка! Разъ я сказала объ этомъ Димѣ.

— Вижу, что не доросли вы еще до этого,— сказалъ онъ мнѣ, и въ его голосѣ я опять услыхала то раздраженіе, какое проскальзывало у него уже нѣсколько разъ, когда онъ говорилъ со мною. Я, стараясь быть мягкой, спросила шутливымъ тономъ:

— «Вы!»

— Да, вы, женщины!

(У Дмитрія, какъ и у мужа, постоянно чувствуется затаенная борьба мужчины съ женщиной. У него это проскальзываетъ на каждомъ шагу. Неужели не можетъ существовать сожи-

тельства безъ этой глухой, но вѣчной борьбы «двухъ половъ?»)

— Вамъ понятно банальное веселье толпы, а высшіе восторги недоступны... Какая женщина понимаетъ, напримѣръ, архитектуру? Картинки съ сюжетомъ—это доступно ей, а архитектура—нѣтъ.

— Почему же?

— Это слишкомъ высокое искусство для нея... Въ какомъ-нибудь памятникѣ отразились чувства и мысли цѣлаго народа, въ какомъ-нибудь завиткѣ—глубокій символъ... Гармонія линій—сложная симфонія... Гдѣ же вамъ, съ дѣтства искажающимъ глаза на турнюрахъ, осиныхъ таліяхъ и рукавахъ пузырями, постичь эту гармонію?

Онъ ласково взялъ мою руку и сказалъ:

— Признайся, что тебѣ скучно безъ разговоровъ о несправедливостяхъ, о бѣдствіяхъ, о голодѣ, о необходимости реформъ, о народномъ образованіи. Сознайся...

Я хотѣла разсердиться на него, но онъ съ такой любовью посмотрѣлъ на меня, что я все простила ему.

3 апрѣля.

Пора уѣзжать отсюда. Становится жарко и слишкомъ людно. На Пьяццѣ только и слышишь англійскій и русскій языкъ. Я не люблю англичанокъ и бѣгу отъ русскихъ. Бѣгу, сама хорошо не знаю почему. Мнѣ, въ сущности, все равно, какъ они отнесутся къ моему «нелегальному» положенію, но мнѣ кажется, что Дмитрію непріятны встрѣчи съ русскими, онъ точно боится за меня. Я видѣла, какъ вчера онъ поблѣднѣлъ отъ выходки Сноповыхъ... Мы вошли въ Café Quadri и заняли одинъ изъ столиковъ. Рядомъ съ нами сидѣла какая-то пара, но я и не взглянула на нихъ. Дмитрій нѣсколько разъ холодно и вызывающе обертывался и, наконецъ, сказалъ мнѣ:

— Ты знаешь этихъ господъ?

Я обернулась и увидала одного изъ нашихъ офицеровъ съ женой. Я никогда не была особенно близка съ нашими полковыми дамами, но, конечно, была знакома со всѣми ими. Тутъ m-me Снопова сдѣлала видъ, что не знаетъ меня, а ея мужъ поторопился заплатить за нетронутые макароны и уйти изъ кафе. Меня это разсмѣшило и развеселило. Дмитрій же поблѣднѣлъ и весь вечеръ былъ злой и молчаливый. Меня му-

частъ: неужели въ немъ говорятъ тѣ рабскимѣщанскія чувства, противъ которыхъ ратовалъ онъ? Я спросила Дмитрія, почему его такъ взволновала встрѣча со Сиоповыми, и онъ горячо и искренно отвѣтилъ мнѣ:

— Я за тебя, мою маленькую, былъ оскорбленъ, разозленъ, испуганъ. Чуть не бросился на этого идіота.

И мы весело и ласково заговорили о другомъ.

4 апрѣля.

Мы рѣшили, пока не очень жарко, съѣздить въ Сицилію. Дмитрію хочется поскорѣе побывать въ Сиракузахъ, «поклониться» сиракузской Венерѣ, а главное — онъ хочетъ показать мнѣ эту статую, внушить мнѣ благоговѣніе къ ея красотѣ. Онъ не можетъ простить мнѣ одного моего вопроса. Дмитрій въ Петербургѣ много говорилъ мнѣ о красотѣ этой Венеры и жалѣлъ, что я не видѣла хотя бы снимка съ нея. Когда я пришла къ нему въ первый разъ, мнѣ бросилась въ глаза громадная фотографія статуи: толстая женщина безъ головы, съ одной рукой, съ толстыми ногами и слишкомъ круглыми бедрами.

— Неужели это она?—спросила я.

— Да... Взгляните, какая прелесть.

— Что же она изображаетъ?

— Какъ что? Женщину... Красоту... Тѣло...

— Да... Но... какой смыслъ?

Дмитрій пришелъ въ искренній ужасъ отъ этой фразы.

— Я отвѣчу вамъ словами Мопассана: «Elle est divine, non pas parceque elle exprime une pensée, mais seulement parcequ'elle est belle». Неужели этого мало... «C'est un corps de femme qui exprime toute la poésie réelle de la caresse». Вотъ въ чемъ смыслъ и прелесть этой статуи. А вамъ гражданскую идею нужно?

— Нѣтъ... Но я не нахожу и красоты въ ней... Нѣтъ головы... Одна рука...

— И отлично... Это придаетъ ей еще больше символизма... Она женщина и вмѣстѣ съ тѣмъ она символъ... Le symbole de la chair, — какъ сказалъ Мопассанъ.

Дмитрій такъ возмутился моимъ отношеніемъ къ искусству, что, помню, въ его голосѣ даже появились жесткія ноты. Но онъ сейчасъ же и самъ почувствовалъ это и сказалъ:

— Впрочемъ, можетъ быть, женщинѣ трудно понять красоту этой Венеры... Она слишкомъ плотская, слишкомъ волнующая... Все: формы,

поза, цвѣтъ мрамора смущаютъ и плѣняютъ... Но ты должна понять это... Я такъ тебя люблю, что мнѣ хочется, чтобы у насъ съ тобою были одни взгляды и одни вкусы.

Какъ только мы поѣхали съ нимъ за границу, онъ сейчасъ вспомнилъ этотъ разговоръ и рѣшилъ «свезти» меня въ Сиракузы.

4 апрѣля.

Сегодня мы уѣзжаемъ изъ Венеціи. Я оглянулась назадъ. Вотъ уже четыре мѣсяца, какъ я уѣхала изъ Россіи... Четыре мѣсяца счастья, восторговъ и нѣги!.. Отъ мама получаю милыя письма, ея программа выполняется блестяще, нашлись преданные дѣлу сотрудники и сотрудницы, ея кружокъ разросся, и они уже выпустили въ свѣтъ все, что считали нужнымъ дать народу по вопросу о гигіенѣ жилища. Теперь перешли къ «уходу за собою»... Работаютъ дружно и бодро. Въ письмахъ матери слышится столько вѣры въ свое дѣло, въ «полезность» его, что нельзя не сочувствовать ей. И оттого ей такъ легко жить... Она не любила, когда я говорила ей, что она дня не прожила для себя. А вѣдь это правда: сначала больной мужъ, затѣмъ — дочь и дѣло... Вся душа ушла на любовь къ ближнему... А я-то!..

И зачѣмъ я завела себѣ эту тетрадь? Она—мое зеркало и только мучаетъ меня. Я счастлива и хочу отдаваться этому счастью безъ анализа, безъ самобичеванія.

2 октября. Римъ.

Не писала цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ... Вчера, по пріѣздѣ въ Римъ, разбирала вещи и наткнулась на эту тетрадь и опять меня потянуло писать...

Полгода!.. Какъ они прошли,—я и сама не знаю. Тогда, въ Венеціи, наступила такая жара, что Дима испугался (онъ не выноситъ жары), и мы поѣхали въ Парижъ.

Цѣлое лѣто мы блуждали, искали хорошей погоды, красивыхъ мѣстъ, удобнаго жилья. Дима врагъ «курортовъ», и я понимаю его... Мы жили вездѣ понемногу: и во Франціи, и въ Швейцаріи, и на итальянскихъ озерахъ.

Все лѣто мы жили совсѣмъ одни, безъ знакомствъ; много читали, много гуляли, много бесѣдовали... Мы какъ-то все забыли,—забыли, что кромѣ хорошаго климата, вкусной ѣды, комфортабельной обстановки, хорошихъ книгъ, нашей любви и нашего здоровья—существуетъ еще что-нибудь на свѣтѣ... Мы переѣзжали съ

*

мѣста на мѣсто счастливые, довольные... Дмитрій, по его словамъ, боялся, чтобъ я не соскучилась, и тревожно искалъ, гдѣ бы мнѣ было пріятно и весело... Мнѣ же казалось порой, что Дмитрій скучаетъ и бѣжитъ отъ своей скуки. Мнѣ постоянно припоминаются слова матери: «Львовымъ для любви нужна обстановка, трепетъ ожиданія, таинственность, мимолетныя свиданія, обостренныя сознаніемъ опасности. Нормальныя условія для нихъ прѣсны»... И я постоянно боюсь, чтобы Дмитрію не было скучно со мной.

Теперь мы въ Римѣ, и я очень довольна. Дмитрій такъ любитъ этотъ городъ, здѣсь такъ много пищи для его художественнаго чувства, здѣсь у него такъ много знакомыхъ.

Отчего онъ не захотѣлъ остановиться во Флоренціи?

Римъ, 6 октября.

Какъ бы мнѣ хотѣлось все это описать: храмъ св. Петра съ бронзовой статуей, у которой поцѣлуями стертъ большой палецъ на ногѣ (сколько вѣрующихъ устъ должно было прикоснуться къ нему?), Ватиканъ, ложи Рафаэля, круглый дворикъ съ Аполлономъ и Лаокооном... Но я не могу писать путевыхъ записокъ... Не привыкла... А о себѣ писать не хочу.

8 октября.

Вчера мы съ Дмитріемъ были въ Ватиканскомъ музеѣ, онъ объяснялъ мнѣ... Какой-то маленькій, плохо одѣтый человѣкъ услышалъ русскій языкъ и быстро обернулся... Я сообразила, что это соотечественникъ, и поторопилась уйти и въ десятый разъ остановилась передъ Аполлономъ Бельведерскимъ.

— Вотъ гдѣ красота и наслажденіе своей красотой,—сказалъ мнѣ Дмитрій.

— Елена Борисовна!—услышала я нерѣшительный окликъ.

Я оглянулась. Маленькій человѣчекъ робко подходилъ ко мнѣ.

— Ѳедоровъ! — радостно и почти противъ воли вскрикнула я.

— Матушки мои, да какъ я радъ! Сто лѣтъ не видалъ васъ!

Онъ крѣпко жалъ мои руки и съ непритворной радостью смотрѣлъ на меня.

— Да... давно... Позвольте васъ познакомить... Иванъ Ивановичъ Ѳедоровъ... Дмитрій Александровичъ Львовъ.

Дмитрій подалъ ему руку и выразительно посмотрѣлъ на меня. Я поняла, что онъ звалъ меня уйти.

— Ужъ какъ я радъ, не повѣрите... Во-первыхъ, въ чужихъ краяхъ всегда радъ земляку... А, во-вторыхъ, васъ-то больно радъ видѣть... должно быть лѣтъ пять не видалъ... Да... Пять лѣтъ... Съ самаго окончанія курса... Ну, Настасья Петровна какъ?

— Мама здорова... Ничего... Работаетъ...

— Изданія процвѣтаютъ?

— Отлично.

— Ну, дай ей Богъ... Человѣкъ-то золотой она. Мы,— онъ обратился къ Дмитрію,—т.-е. я и еще три товарища-медика—прямо всѣмъ обязаны Настасьѣ Петровнѣ... Она изъ насъ людей сдѣлала... Вы вѣдь знаете ее? Что за человѣкъ! Какая доброта, какая ширина взглядовъ!.. Мы студентами къ ней бывало придемъ и всю душу выложимъ... Казните или милуйте... И ко всякому она, какъ къ сыну родному... Право... И пожуритъ, и раскричится, и исходъ укажетъ... Еслибъ не она, никогда бы я въ деревню не пошелъ.

Я чувствовала, что весь этотъ разговоръ непріятенъ Дмитрію, но мнѣ такъ было радостно говорить о мамѣ, что я съ какимъ-то безсердечіемъ подумала:

«Пусть поскучаетъ... И мнѣ не всегда весело

въ двадцатый разъ смотрѣть на то, что его восхищаетъ».

— А мать ваша что?

— Она въ Москвѣ... Сестра тамъ въ гимназіи.

— Да, Маша! Ну, какъ она?

— Кончаетъ гимназію въ нынѣшнемъ году и на курсы... Пусть поучится...

— А вы... все тамъ же? Въ М-мъ земствѣ?

— Тамъ же... Тамъ же, работаемъ помаленьку. Да вотъ не знаю, что приключилось: работалъ-работалъ, да и стопъ. Ни тпру, ни ну... Послали отдохнуть.

— Заработались? — спросилъ Дмитрій, стараясь быть любезнымъ.

— Нѣтъ, скорѣе издергался... Земскій пунктъ, гдѣ я работаю, находится въ самомъ бѣдовомъ мѣстѣ... Шляпочники все... Понимаете. Вотъ шляпа на васъ, фетровая она, а дѣлается изъ чего? Изъ всякой дряни... Старье... Мѣхъ какой-нибудь грязный. Гдѣ, гдѣ онъ ни побывалъ. Дошелъ до толкуна, наконецъ. Съ толкуна въ избу къ шляпочнику,—вотъ и зараза всей семьѣ... и ничего не подѣлаешь. Придетъ зеленый, худой, глаза лихорадочные... Шляпочникъ! Ну, вижу—туберкулёзъ. Спасенья нѣтъ. Дамъ креозоту—и успокоюсь.

Онъ захохоталъ горькимъ смѣхомъ.

— Вотъ пять лѣтъ такъ. Дошелъ до какаго-то унизительнаго состоянія. До того иногда это сознаніе безсилія одолѣваетъ—хоть все бросай. Возмутительно вѣдь! Вижу, плохо дѣло. Надо встряхнуться. А, вѣдь, нашъ братъ ежели встряхнуться, то — за границу. Вотъ я и махнулъ въ Италію, да и позастрялъ немного. Хочу и во свояси.

— Что такъ?

— Довольно. Знаете, какъ-то зазорно безостановочно млѣть «передъ святыней красоты». Работать надо. А то страшно какъ-то себя чувствуешь. Вонъ Лаокоонъ... Вѣдь какъ, бѣдняга, страдаетъ, въ конвульсіяхъ. А мы стоимъ и любуемся.

— Вы не смотрите на него... Вотъ Аполлонъ,— этотъ не страдаетъ.

— Да я-то страдаю. Этакая силища, этакое здоровье, — и все даромъ. Нашему бы мужику все это... Не страшно за Россію было бы!

Я, не смотря на Дмитрія, видѣла, какъ презрительная улыбка промелькнула на его губахъ. Я уже давно замѣтила, какъ онъ осматривалъ короткій суконный сюртукъ Оедорова, его узкіе панталоны и маленькую круглую шапочку безъ полей.

— Вотъ что, Иванъ Ивановичъ, приходите какъ-нибудь къ намъ,—сказала я.

— Съ восторгомъ... Спасибо! Когда же?

— Да вотъ какъ-нибудь.

— Я—когда прикажете. Хоть сейчасъ.

— Нѣтъ, сейчасъ мы не домой. А вотъ вечеромъ... Хотите сегодня вечеромъ?

— Ладно. Непремѣнно явлюсь... Непремѣнно.

Я дала ему-адресъ, и мы разстались.

— Вотъ типъ!—сказалъ Дмитрій.—Прекрасный specimen россійскаго интеллигента вообще и салона Настасьи Петровны въ частности.

— Ахъ, Дмитрій, онъ удивительный человѣкъ! Ты знаешь, онъ съ пятнадцати лѣтъ матери помогалъ. Бѣднякъ... Сердце золотое. Кончилъ академію — сейчасъ же поѣхалъ въ деревню... Лѣчитъ мужиковъ, воспитываетъ сестру... Слышалъ, мы про Машу говорили? Это его сестра. Милая дѣвушка!..

Я почувствовала, что говорю торопливо, виноватымъ тономъ, будто желаю что-то загладить или извинить. И мнѣ стало непріятно въ себѣ это чувство, и я сразу замолчала.

— Отчего всѣ эти удивительные люди, идеальные сыновья, прекрасные братья какъ-то необыкновенно неопрятны и тупоумны? Какой

бредъ сумасшедшаго его отношеніе къ искусству? Я боялся, что Ватиканъ провалится подъ нами.

Я не отвѣчала. Ѳедоровъ такъ живо напомнилъ мнѣ то время, когда я кончала гимназію, и онъ съ товарищами-студентами бывалъ у насъ чуть не каждый вечеръ и читались хорошія книги, и говорились хорошія слова. А теперь? Мать продолжастъ свое дѣло, Ѳедоровъ пошелъ въ деревню, его другъ Гопаченко умеръ въ борьбѣ съ холерой, другіе товарищи также дѣлаютъ свое невидное, но большое дѣло... Одна я измѣнила. Ушла, вся отдалась личному счастью и ни до чего, ни до кого мнѣ и дѣла нѣтъ... Помню, какъ въ первый годъ моего замужества меня мучило это отреченіе отъ всего, чѣмъ я жила прежде, это наслажденіе личнымъ счастьемъ, и я какъ-то призналась въ этомъ мужу. Онъ поцѣловалъ меня и съ комическимъ паѳосомъ пропѣлъ:

«За каждый свѣтлый день иль сладкое мгновенье
Слезами и тоской заплатишь ты судьбѣ!..»

Съ тѣхъ поръ каждый разъ, какъ я начинала говорить о чемъ-нибудь подобномъ, онъ пѣлъ:

«За каждый свѣтлый день...»

А затѣмъ, когда пришла любовь настоящая, слѣпая, безумная — борьба между чувствомъ долга и жаждой счастья, тайныя свиданія, неизвѣданныя ласки и новый для меня міръ искусства совсѣмъ овладѣли мной и заслонили всякія стремленія и сомнѣнія. Зачѣмъ же теперь это опять всплыло въ душѣ? Отчего опять заныло внутри, отчего опять стало и стыдно, и больно?

— Леля! что ты затуманилась? — спросилъ Дима.

Я взглянула на него, увидала его ласковые глаза, милую улыбку, бѣлые зубы, любящее лицо, и покорно и любовно склонилась къ нему на плечо.

Я почувствовала, что хотя и стыдно, но хорошо жить на свѣтѣ. И мнѣ почему-то сдѣлалось непріятно, что я пригласила къ себѣ Ѳедорова.

Римъ, 10 октября.

Сколько новыхъ неизвѣданныхъ впечатлѣній. Мнѣ не хочется ѣхать дальше... Эти дни Дима въ духѣ, и я счастлива.

Меня безпокоило, почему онъ не хотѣлъ остановиться во Флоренціи. Онъ говорилъ, что мы

тамъ поживемъ на обратномъ пути. Но онъ такъ нервно и раздражительно отнесся къ этому, что у меня въ сердце запало подозрѣніе... И я не знала, какъ выяснить его. И вдругъ,—какъ это часто бываетъ,—все выяснилось само собой. Дмитрій знакомъ со всѣмъ флорентійскимъ обществомъ: съ русскимъ, которое во Флоренціи очень большое, и иностраннымъ. Всюду—въ казино, на улицахъ, въ музеяхъ—я могла бы встрѣтиться съ кѣмъ-нибудь изъ его знакомыхъ и рисковала бы, какъ говоритъ Дмитрій, что мнѣ не подадутъ руки. Я очень добродушно приняла это объясненіе. Тогда Дмитрій осторожно сказалъ мнѣ, что и въ Римѣ, гдѣ онъ жилъ нѣсколько зимъ, у него очень большое знакомство.

— Ты мнѣ сдѣлаешь большую радость, если будешь по-прежнему ухаживать за твоими дукессами и принчипессами,—весело сказала ему я, и Дмитрію видимо это понравилось.

Онъ тоже не выноситъ никакихъ путъ и, конечно, не я буду связывать его.

Вчера мы весь вечеръ съ нимъ вдвоемъ сидѣли на Пинчіо; онъ декламировалъ своихъ любимыхъ авторовъ, разсказывалъ мнѣ про свою молодость, про свои увлеченія, про свои стре-

мленія. Онъ говорилъ мнѣ про молодыхъ итальянскихъ писателей метерлинковскаго склада, разсказывалъ о таинственныхъ собраніяхъ у нихъ съ какими-то странными молитвами и заклинаніями. И я опять ушла куда-то далеко-далеко ото всего живущаго и страдающаго...

Римъ, 12 октября.

Ѳедоровъ «забѣгаетъ» каждый день. Онъ обрадовался мнѣ со всею искренностью «хорошаго русскаго человѣка», и я не могу его оттолкнуть. Его маленькая, испитая фигурка внушаетъ мнѣ жалость, и я не могу выносить въ Дмитріи его презрительнаго отвращенія къ бѣдному Ивану Ивановичу.

— Авортонъ! Такихъ, по настоящему, въ дѣтствѣ душить надо... Зачѣмъ онъ человѣчество портить будетъ!..

Для меня Ѳедоровъ — чужой человѣкъ, я давно его не видала, можетъ быть, никогда не увижу, но меня искренно огорчаетъ и возмущаетъ такое отношеніе къ нему Дмитрія. И огорчаетъ не за Ѳедорова, а за самого Дмитрія... Неужели, въ самомъ дѣлѣ, только красота и изящество имѣютъ право на существованіе? Вѣдь это возмутительно!.. Мнѣ больно

ссориться съ Дмитріемъ, но я не прощу ему такого отношенія къ людямъ Оно возмущаетъ меня до злобы.

Римъ, 13 октября.

Дмитрій не въ духѣ. Съ утра ушелъ куда-то, захватилъ съ собою акварельныя краски и альбомъ, — значитъ ушелъ надолго... Когда онъ хочетъ показать, что я не нужна ему, что онъ хочетъ остаться одинъ, — онъ уходитъ съ красками: будетъ «работать». И за что онъ раздражился такъ?

Вчера я въ самомъ мирномъ настроеніи бесѣдовала съ Ѳедоровымъ о Россіи... Мы вспоминали старыхъ друзей, говорили о новыхъ «врагахъ». Пришелъ Дмитрій. Онъ обѣдалъ у Ториджіани и пріѣхалъ веселый, довольный. Я еще засмотрѣлась, какой онъ былъ красивый и молодцеватый во фракѣ и бѣломъ жилетѣ, съ гарденіей въ петличкѣ.

Онъ сейчасъ же сталъ говорить, какъ «въ Европѣ» умѣютъ ѣсть, умѣютъ одѣваться, умѣютъ наслаждаться жизнью, не то, что въ нашей бѣдной Россіи. Я видѣла, что Ѳедорову стало сразу скучно отъ этихъ словъ. Но Дмитрію не было до этого дѣла и онъ горячо сталъ

говорить о плечахъ маркизы Бельмонтэ и о «камняхъ» княгини Торидзіани.

— Рубины, кабошоны... Совсѣмъ вишни, — обратился онъ къ Ѳедорову.

Тотъ сидѣлъ и съ любопытствомъ смотрѣлъ на него.

— А сколько вкуса въ обстановкѣ, сколько пониманія! Не то, что у насъ, въ милой Россіи... Въ барскихъ домахъ — безвкусица «просто и мило»! . Полное отсутствіе даже комфорта. . Въ буржуазіи bric-à-brac какой-то... Въ гостиныхъ пройти нельзя: тутъ восточный табуретъ, тамъ маленькій столикъ, здѣсь кресло допотопное рядомъ съ карликомъ стуломъ... Все поддѣлка подъ что-то: подъ бронзу, подъ древнее, подъ роскошное... Однимъ словомъ, все не настоящее, а «подъ настоящее»... Здѣсь же куда ни взгляни: коверъ, картина, люстра—все chefs d'oeuvre'ы... Въ углу стоитъ какой-нибудь chaise à porteurs, что за живопись, что за линіи! Надъ дверью dessus de porte... Въ любой музей... Глазъ радуется, душа отдыхаетъ.

Я сочувствовала тому, что говорилъ Дмитрій, но меня злилъ его тонъ. Онъ съ такимъ презрѣніемъ смотрѣлъ на доктора, точно хотѣлъ сказать: «Да вѣдь ты, русскій интеллигентъ, ниче-

го въ этомъ не смыслишь, ни о чемъ подобномъ понятія не имѣешь».

Когда онъ замолчалъ, Ѳедоровъ добродушно улыбнулся и сказалъ:

— Все это прекрасно, Дмитрій Александровичъ, да доступно-то лишь горсточкѣ людей.

Дмитрій съ снисходительною усмѣшкой отвѣтилъ ему:

— Не эстетическая обстановка оскорбляетъ каждаго развитого человѣка.

Я поторопилась перемѣнить разговоръ. Дмитрій всталъ, какъ-то особенно жестко взглянулъ на меня и ушелъ къ себѣ.

Почему онъ такъ часто раздраженъ противъ меня? Отчего онъ не можетъ выносить, чтобъ у меня была своя жизнь, свои интересы? Ему хотѣлось бы, чтобъ я думала его думами, говорила бы его словами. . Онъ объясняетъ это любовью... Мнѣ же слышится подъ этимъ какое-то чувство собственности, сознаніе властелина.

Я стала замѣчать это съ первыхъ же недѣль нашей совмѣстной жизни... Прежде, когда я тайно ѣздила къ нему, я не подмѣтила ни одной подобной ноты, — а я очень чувствительна къ нимъ; довольно я настрадалась отъ нихъ... Теперь же это проскальзываетъ въ спорахъ и даже въ ласкахъ.

Римъ, 14 октября.

Бѣдная, бѣдная мама. Какъ я ее люблю и какъ мнѣ ее жалко. Любила ли она когда-нибудь? Должно быть, любила моего отца, потому что когда онъ умеръ, ей было всего тридцать два года, а она осталась вѣрна его памяти и никогда никѣмъ не увлекалась. Дѣло и дочь — вотъ чему она отдала себя. Бѣдная, милая мама. Сегодня я получила отъ нея письмо. Я пошла въ почтамтъ одна; я знаю, что письма матери всегда вызываютъ въ Дмитріи презрительное раздраженіе. Не читать ему ихъ вслухъ я не могу потому-что я читаю ему всѣ мои письма. Утро было ясное, горячее. Квадратный дворикъ почтамта съ сочными пальмами и яркими цвѣтами весело грѣлся подъ темно-синимъ небомъ. Я встала въ сторонѣ, у одной изъ колоннъ, и быстро пробѣжала письмо мама. Рядомъ со мной какая-то брюнетка съ дрожью въ рукахъ читала синій листокъ почтовой бумаги.

Вотъ письмо матери:

«Дорогая моя, милая Леля.

«Повторяю въ сотый разъ: я счастлива, если ты счастлива, но я совершенно убита твоимъ рѣшеніемъ не возвращаться въ Россію. И не одно эгоистическое чувство страдаетъ во мнѣ.

Ты знаешь мои взгляды,—значитъ, мнѣ нечего объяснять тебѣ, какъ я смотрю на обязанности всякаго человѣка относительно своей родины. И вообще ты отлично знаешь всѣ мои убѣжденія. Не берусь рѣшать, кто виной, что я оказалась въ положеніи курицы, высидѣвшей утенка. Утенокъ поплылъ въ воду, а я осталась на берегу и должна быть счастлива, что моему птенцу хорошо. Конечно, не твоя вина, что тебя тянетъ въ воду. Не мало я думала объ этомъ... Я такъ вѣрю въ педагогику, на моихъ глазахъ прошло такъ много примѣровъ значенія воспитанія, что я положительно становлюсь въ тупикъ, глядя на тебя... Я старалась и словомъ, и дѣломъ внушить тебѣ любовь къ труду, чувство долга относительно страдающихъ ближнихъ, презрѣніе къ матеріальнымъ благамъ и эгоистическому существованію. Тебѣ лучше всѣхъ судить, что́ вышло изъ всего этого. Вѣрь, милая, я не упрекаю тебя въ томъ, что ты счастлива. Я сама не знаю, зачѣмъ пишу все это... Должно быть затѣмъ, чтобъ услышать отъ тебя, что ты осталась все тѣмъ же хорошимъ человѣкомъ, какимъ была, когда еще жила со мною, когда стремилась учиться, приносить пользу, и даже приносить жертвы... Мнѣ хотѣлось бы слы-

шать отъ тебя, что кромѣ наслажденій есть обязанности, кромѣ ощущеній—мысль, кромѣ звучныхъ рѳмъ и рѳмованныхъ звуковъ есть идеи и ученія. Мнѣ хотѣлось бы слышать, какъ бывало прежде, что праздность—явленіе противообщественное и что естественное и нормальное условіе каждаго разумнаго существа—трудъ; хотѣлось бы знать что ты не хочешь и не можешь думать только о себѣ, о своихъ радостяхъ, о своемъ горѣ, о своей любви, о своихъ желаніяхъ, о своихъ наслажденіяхъ—и не видѣть ничего дальше своихъ личныхъ чувствъ и ощущеній».

Я оглянулась вокругъ. Красавица брюнетка со счастливой улыбкой перечитывала синій листокъ. Какая-то женщина въ траурѣ съ заплаканными глазами спрашивала: «гдѣ отправляютъ заказныя письма»? Пробѣжалъ какой-то толстякъ съ громаднымъ пузатымъ портфелемъ. У всѣхъ была своя жизнь, свои заботы, своя радость, свое горе. А синее небо равнодушно раскинулось надо всѣми и латаніи тихо и лѣниво колыхали свои широкіе листья.

Я не хотѣла показывать Димѣ письмо матери, но онъ, какъ увидалъ меня, сейчасъ же спросилъ:

— Что случилось?

*

— Ничего. А что?

— У тебя такой разстроенный видъ. Блѣдная! Скажи скорѣй. Получила письмо?

— Да. Но ничего въ немъ нѣтъ.

— Отъ кого? Не мучь меня. Скажи скорѣй.

— Получила только одно письмо. Отъ матери.

— Что-нибудь непріятное?

— Да нѣтъ же. Хочешь прочти.

Дима радостно и благодарно обнялъ меня и сказалъ:

— Нѣтъ. Ты знаешь я терпѣть не могу разбирать чужой почеркъ. Прочитай мнѣ вслухъ.

И я должна была прочесть. Пока я читала, Дима нервно ходилъ по комнатѣ и дѣлалъ вслухъ свои замѣчанія:

— Боже, какъ это все старо... Ну да, да... «Праздность есть мать всѣхъ пороковъ». Мы въ классѣ чистописанія это выучили. «Обязанности». Выдуманныя и никому не нужныя. «Своя радость, свои желанія». А ея книжки, ея мужичье—моя радость что ли? Развѣ не для себя, не для своего удовлетворенія она работаетъ?.. Тотъ же самый эгоизмъ, только задрапированный въ альтруистическій плащъ и потрясающій обветшалымъ знаменемъ самоотверженія и

долга... Господи! Какъ это все узко и никому не нужно.

Мнѣ больно, больно это слушать.

16 октября.

Дима все не въ духѣ. Третьяго дня его разсердило письмо мамà, вчера—визитъ Ѳедорова. Добрый докторъ пришелъ открыть намъ свое наболѣвшее сердце:—онъ получилъ «изъ дому» длинное письмо, совершенно разстроившее его. Онъ довѣрчиво и наивно цѣлый вечеръ разсказывалъ намъ о своей работѣ, о розахъ и шипахъ жизни въ деревнѣ, невѣжествѣ народа и безплодныхъ страданіяхъ хорошихъ людей. Дмитрій молчалъ, ходилъ изъ угла въ уголъ, наконецъ взялъ шапку и ушелъ. Мы съ Ѳедоровымъ проговорили почти до часу ночи. И я позавидовала ему, что дней черезъ десять онъ будетъ дома, за работой, дающей ему право смѣло смотрѣть въ глаза всѣмъ и вся.

Сегодня Дима спросилъ меня:

— Какъ ты выносишь этого пошляка въ такихъ большихъ дозахъ?

— Пошляка? съ изумленіемъ спросила я.

— Да... Общія мѣста всегда призракъ пошлости человѣка .. А вѣдь онъ только и изрекаетъ общія мѣста.

Окна открыты. Горячій итальянскій вечеръ раскинулся надъ Римомъ. Лиловыя гроздья глициній обвили балконъ. Какъ скучно одной въ такой вечеръ.

Меня не сердитъ, не огорчаетъ, а только удивляетъ это преклоненіе Дмитрія передъ «бѣлой костью». Только въ аристократіи онъ видитъ утонченность вкусовъ, пониманіе высокаго искусства, настоящую культуру... Мнѣ даже кажется, что онъ какимъ-то особеннымъ голосомъ говоритъ о своихъ «дукахъ» и принчипессахъ. Я чувствую, что онъ съ ними какъ рыба въ водѣ и въ такія минуты я сознаю, что я ему чужая. И тогда сознаніе томительнаго одиночества охватываетъ меня... Говорить съ нимъ объ этомъ — только вызывать раздраженіе. Я не забуду, какъ онъ сказалъ мнѣ на мой отказъ познакомиться съ графиней Бельмонтэ, съ которой мы встрѣтились на Палатинѣ.

— Да... Вѣдь ты научена презирать все это... Все то, отъ чего *насъ* тошнитъ: потная толпа, запахъ человѣческаго труда, грязь, вонь—все это вызываетъ ваше «уваженіе»... Это называется у васъ «демократическими принципами»... Вѣдь такъ?

Я больше не возобновляла съ нимъ этой темы.

Я не выношу этого тона и страдаю отъ него; не отъ шутокъ страдаю, а отъ чего-то очень сложнаго: отъ того, что мы такъ различны съ Дмитріемъ по нашимъ взглядамъ, отъ того, что онъ не хочетъ, а можетъ быть и не можетъ, серьезно относиться ко мнѣ, къ моимъ убѣжденіямъ и, наконецъ (и кажется больше всего), страдаю отъ того, что этими «вышучиваніями» онъ мнѣ постоянно напоминаетъ мужа, и это невыносимо терзаетъ меня.

Неаполь, 20 октября.

Вотъ, когда я жалѣю, что не умѣю писать. У меня на палитрѣ совсѣмъ нѣтъ тѣхъ красокъ, какія требуются здѣсь. И въ гимназіи, и потомъ для маминыхъ книжекъ—мнѣ приходилось обходиться только сѣрыми тонами. Вотъ и не умѣю описать того, что вижу. Помню у одного русскаго литератора сказано, что для описанія Неаполя никакихъ словъ не хватитъ, что нужно писать лучами солнца, лазурью неба, изумрудомъ волны, бѣлизною ея пѣны; нужно украсть у природы ея воздушную, прозрачно-золотистую даль, которая кажется самой безконечностью. Гдѣ же взять все это русской гимназисткѣ, воспитанной на мрачныхъ картинахъ мрачной дѣйствительности?..

Какъ я рада, что мы уѣхали изъ Рима. Въ послѣднее время посѣщенія Ѳедорова стали для меня невыносимы. Онъ являлся мнѣ живымъ укоромъ въ моемъ эгоистическомъ счастьѣ. Дмитрія это злило, и я не знала, что дѣлать. Кромѣ того Дмитрій постоянно уѣзжалъ къ своимъ знакомымъ, катался съ своими принчипессами на Пинчіо, а я сидѣла одна, тосковала, а, можетъ быть, и ревновала... Когда онъ возвращался и начиналъ мнѣ разсказывать о какой-нибудь garden-party, я раздражалась, раздражался и онъ и кончалось тѣмъ глухимъ недовольствомъ, которое мучительнѣе всякой ссоры... Здѣсь мы опять одни... Дмитрій почти не уходитъ отъ меня, и я совершенно счастлива... Здѣсь нѣтъ Ѳедорова, и я точно стала свободнѣе. Я могу безъ боязни, безъ утайки наслаждаться красотой Неаполя, этой дѣйствительно сказочной красотой. Ласковыя, голубыя волны залива, желтые паруса, мягкое изящество линій, смѣлость и гармонія красокъ... Я понимаю того араба, который, увидя Неаполь, спросилъ Пророка: «Что же послѣ того ты мнѣ можешь показать въ своемъ раю?» И я въ моемъ бѣдномъ репертуарѣ словъ не нахожу другого опредѣленія: это рай. И Дима

такой милый, такой добрый ко мнѣ. Но онъ не сочувствуетъ моему восхищенію Неаполемъ и говоритъ, что этотъ «рай» скоро пріѣстся мнѣ. Можетъ быть. Но сегодня я очень счастлива. Какъ жестоко, какъ несправедливо что человѣкъ долженъ умереть...

22 октября.

Я цѣлыми часами сижу у окна и слушаю.. Подъ нашимъ отелемъ мрачный, сѣрый Кастель дель Ово врѣзался въ зеленоватую воду. Глубокая синева моря уходитъ куда-то въ небо. Съ Капри и Сорренто несется горячее дыханіе апельсинныхъ рощъ... Дима устаетъ отъ слишкомъ синяго неба, отъ жгучаго солнца, отъ страшнаго шума на улицахъ Неаполя. Крики, пѣсни до глубокой ночи, безшабашныя гитары, беззаботный смѣхъ утомляютъ его. А мнѣ хочется думать, что здѣсь всѣ счастливы, что здѣсь всѣмъ хорошо живется.

23 октября.

Вчера передъ обѣдомъ мы пошли съ Димой въ старый городъ смотрѣть на живописную нищету Неаполя. Мы останавливались на углахъ и перекресткахъ, и вездѣ Дима находилъ такой

«пунктъ», откуда можно полюбоваться картиной. Узкія улицы чернѣли точно ущелья; солнце никогда не проникало въ нихъ, грязь копилась вѣками; въ этой грязи возились полуголые, черноглазые ребятишки.

— Посмотри, какъ это просится на полотно,—сказалъ Дмитрій. Даже эта испитая женщина какъ кстати... Интересное пятно.

На черномъ порогѣ мрачнаго чернаго дома сидѣла худая женщина и кормила сухой грудью мальчика лѣтъ двухъ. Онъ жадно тянулъ изъ матери молоко, но его, повидимому, было очень мало, и ребенокъ напрасно мучился самъ и мучилъ мать.

— Какая нищета!—искренно сказала я.

— Да... Въ Неаполѣ около пятидесяти тысячъ оффиціальныхъ нищихъ, да столько же, если не больше, неоффиціальныхъ... вотъ такихъ... Они цѣлыми годами не видятъ горячей пищи... Ѣдятъ frutti di mare и всякую гадость, ходятъ полуголые и даже голые.

— Какой ужасъ!

— А ты думаешь, это только здѣсь? А въ Лондонѣ? А въ Петербургѣ лучше?

— Я знаю... Тѣмъ хуже, что вездѣ такъ много несчастныхъ...

— Несчастныхъ? Почему ты знаешь, что они несчастнѣе тебя? Въ нихъ, можетъ быть, гораздо больше гармоніи со всѣмъ окружающимъ міромъ: и съ синимъ небомъ, и съ грязной мостовой, чѣмъ у тебя.

— Можетъ быть.

— У нихъ въ душѣ, конечно, нѣтъ ада, умощеннаго благими намѣреніями, сказалъ уже шутя Дмитрій и посмотрѣлъ на меня.

Я почувствовала, какъ поблѣднѣла. Онъ не замѣтилъ этого и продолжалъ:

— А вѣдь правда: одни хорошія намѣренія безъ дѣлъ—адъ?

Если бы онъ зналъ, какъ эти шутки жгутъ меня въ самый мозгъ, онъ не говорилъ бы такъ. Если бы онъ зналъ, какъ я страдаю отъ моего противорѣчія между словомъ и дѣломъ, если бы только могъ подозрѣвать, какъ я презираю себя за то, что всю жизнь отдала личному счастью, безполезному эгоистическому существованію.

24 октября.

Какъ хочется все записывать, но не могу—устаю, и не умѣю. Впрочемъ, я пишу не путевыя записки, а то, что переполняетъ душу, то, что я не могу или не хочу сказать Д.

Вчера мы шли съ Дмитріемъ по набережной. Заходило солнце, мягкій свѣтъ окутывалъ прозрачной розовой пеленой и зеленую «Villa», и пестрый амфитеатръ города, и грозный Везувій. Дмитрій спросилъ меня отчего я грустная. Я совершенно искренно отвѣтила ему:

— Я нахожу, что все это слишкомъ красиво, слишкомъ празднично и поэтому не въ гармоніи съ тѣмъ, на что обречены люди, большіе и маленькіе, молодые и старые—всѣ. У всякаго—горе, страданія и обиды, а эта вѣчно ликующая природа равнодушно смотритъ на все и продолжаетъ ликовать.

Дмитрій засмѣялся надо мной.

— Опять гражданская скорбь! Мнѣ казалось, что ты у меня поразвилась немного... Я думалъ, что тебѣ не нравится Неаполь потому, что онъ не можетъ нравиться человѣку со вкусомъ.

Я съ изумленіемъ посмотрѣла на него. Какъ могутъ не нравиться эти переливы тѣней, эта прихотливая и изящная игра красокъ, эта лиловая даль, лиловыя горы и прозрачныя волны?

— Розовое варенье! сказалъ онъ. Избитые контуры, чистыя краски... Все это банально до невозможности... И какъ все банальное — наводитъ скуку..

Онъ нѣжно прижалъ мою руку и сказалъ ласково, но обычнымъ насмѣшливымъ тономъ:

— А ты, моя бѣдная, навѣрное всю исторію призвала, чтобы дать пищу твоей русской скорби: тутъ и насилія, и рѣки крови за обладаніе красавцемъ Неаполемъ, и подати, и несправедливости, и ссылки, и преслѣдованіе честной мысли и свободнаго слова.

Я молчала.

— Ну, не сердись!—любовно сказалъ онъ, и мнѣ захотѣлось все забыть.

25 октября.

Дмитрій цѣлыми часами пропадаетъ въ музеѣ. Я брожу по городу. Я хожу не по Via Toledo, не по Villa Nazionale, а по узкимъ, темнымъ переулкамъ, гдѣ живетъ неаполитанская голь.

Такъ какъ здѣсь вся жизнь проходитъ на улицѣ,—то весь ея ужасъ особенно рѣзко бросается въ глаза Грязь хуже хлѣва, лохмотья, голодныя лица пузатыхъ ребятишекъ, больныя старухи... И все это на фонѣ роскошной, ликующей природы. Когда я прихожу домой, въ ушахъ моихъ стоитъ дѣтскій плачъ, упреки, жалобы, стоны, ругань, проклятья.. Іі я не могу, не смѣю сказать это Димѣ.

26 октября.

У насъ въ отелѣ—какъ, впрочемъ, во всѣхъ хорошихъ отеляхъ Италіи—очень много англичанъ. Сегодня за завтракомъ въ общей столовой я сказала Димѣ:

— Какія безстрастныя, довольныя собою лица... Помнишь у Толстого гдѣ-то сказано про англичанъ за table d'hôte'омъ, какъ они ни съ кѣмъ не знакомятся, а наслаждаются «одинокимъ довольствомъ въ удобномъ и пріятномъ удовлетвореніи своихъ потребностей»... Мнѣ кажется не только у англичанъ, а и у всѣхъ туристовъ такое выраженіе, что всѣмъ имъ спокойно, удобно, чисто и легко жить на свѣтѣ, у всѣхъ ихъ и въ движеніяхъ и въ лицахъ—равнодушіе ко всякой чужой жизни и увѣренность въ томъ, что они имѣютъ право на свое благосостояніе, на наслажденіе жизнью...

— А по-твоему надо при каждой устрицѣ пускать по слезѣ о голодныхъ братьяхъ? Каждый кусокъ ростбифа приправлять гражданскою скорбью? Почему же ты не дѣлаешь этого? Преисправно проглотила дюжину устрицъ, запила отличнымъ виномъ, съ аппетитомъ скушала цыпленка и сыру и не подумала, сколько человѣкъ могли бы сегодня быть сыты на это

Я молчала. Что я могла ему сказать на это? Я сознавала, что онъ правъ.

— Взгляни въ окно, заговорилъ онъ опять. Посмотри какое безстрастіе въ природѣ, какое наслажденіе собственною красотой... И ты наслаждайся этою спокойной, ясною картиной, игрой свѣта, прозрачною лазурью. Все это твое, никто не отнимаетъ отъ тебя наслажденія этимъ. Или пойдемъ въ музей. Сядь и смотри на какую-нибудь Венеру Callipiga, учись у нея любоваться красотой и быть счастливой отъ созерцанія красоты.

Дмитрій закончилъ это уже съ раздраженіемъ. И я почувствовала себя виноватой передъ нимъ.

Подъ окномъ неумолчно дребезжатъ гитары и теплые, нѣжные голоса поютъ: Addio, bello Napoli... Addio!.

27 октября. Вечеръ.

Сегодня утромъ пришелъ ко мнѣ Дмитрій и сказалъ:

— Завтра уходитъ хорошій пароходъ въ Палермо. Поѣдемъ.

Я благодарно взглянула на него; мнѣ показалось, что онъ понялъ мою тоску, понялъ, что̀ мэня мучаетъ.

— Эта олеографія —Неаполь—для меня невыносима, прибавилъ онъ, точно желая какъ можно скорѣе разочаровать меня.

Опять на первомъ планѣ его художественное чувство. Это, дѣйствительно, невыносимо. Всю жизнь говорить объ этомъ чувствѣ и никогда ничего не сдѣлать.

Вчера рано утромъ мы опять пошли по Неаполю. Солнце грѣло привѣтливо, но не жгуче, свѣтло-зеленыя волны ласкались къ берегу. Небо точно улыбалось, глядя на Неаполь, какъ мать улыбается, глядя на любимаго ребенка. Изъ Сорренто и Кастеламаре несся сладкій запахъ апельсинныхъ цвѣтовъ.

Мы шли близко другъ къ другу, точно проникнутые этою ласковою красотой, этою радостью жизни. Мнѣ было такъ хорошо, что я боялась заговорить. Подъ зелеными вѣтвями «Виллы» было прохладно и уютно. Бѣлыя статуи сверкали на утреннемъ солнцѣ. Мы съ Дмитріемъ сѣли на одну изъ скамеекъ близъ храма Виргилія. Густой платанъ свѣсился надъ нами.

— Ты счастлива? — вдругъ спросилъ меня Дмитрій.

— Конечно... Почему ты спрашиваешь?

Онъ ничего не отвѣтилъ.

Тогда я, скорѣе шутя, чѣмъ серьезно, спросила его:

— А ты счастливъ?

— Я? Да, счастливъ.

Но въ его голосѣ мнѣ послышалась грустная нотка. Я взглянула на него и была удивлена, какъ много у него появилось морщинъ подъ глазами и на вискахъ; въ длиной шелковистой бородѣ серебрилась сѣдина. Онъ мнѣ показался усталымъ, больнымъ.

— Ты здоровъ?—спросила я.

— Еще бы! Это не гнилой Петербургъ... Развѣ тутъ можно быть больнымъ?

Но мнѣ показалось, что это совсѣмъ не тотъ человѣкъ, который годъ тому назадъ такъ молодо и весело встрѣчалъ меня въ своемъ петербургскомъ уютномъ гнѣздышкѣ.

Палермо, 1 ноября.

Не умѣю я описывать. Да Сицилія и описана тысячи разъ, ничего новаго не скажешь. А какъ хорошо! Какая-то страстная ласка плаваетъ въ воздухѣ. Дима въ духѣ, видѣлъ свою любимую Capella Palatina и въ восторгѣ. Онъ радъ, что мнѣ нравится Палермо, нравится Монреале, нравится палатинская капелла... Мы

цѣлыми часами сидимъ на балконѣ въ какой-то сладкой истомѣ.

И мнѣ кажется, я совершенно счастлива.

2 ноября, 2 часа ночи.

Какой рай — вечеръ въ Палермо! Луна осыпала землю и море серебряными искрами. Мы долго гуляли съ Д. по виллѣ Джулія. Громадныя финиковыя пальмы точно замерли въ тепломъ душистомъ воздухѣ. Фонтаны журчали свою безконечную пѣсню. Было жарко и какъ-то особенно отрадно. Мы вспоминали съ Д., какъ годъ тому назадъ мы тосковали, любя другъ друга, какъ мучались и ломали себя. Изъ-за чего? Потомъ онъ говорилъ мнѣ, какъ ревновалъ меня къ мужу, какъ ужасно мучился. Теперь все это прошло, теперь мы вмѣстѣ на всю жизнь. Какъ ужасно, что человѣку такъ мало суждено жить. Какой-нибудь дубъ живетъ сотни лѣтъ и никому не разскажетъ, что онъ видѣлъ, что испыталъ... А человѣкъ копитъ, копитъ богатства ума, чувства, пониманія и уноситъ все куда-то, уноситъ безвозвратно.

— Такъ хорошо, что даже стыдно.

— Опять?.. Что стыдно?

— Стыдно жить.

— А еще стыднѣе всю жизнь говорить такъ и ничего не дѣлать.

Да. Вотъ онъ настоящій-то стыдъ въ чемъ. И я очень хорошо понимаю это. Почему же не могу жить такъ, какъ считаю нужнымъ жить? Почему все свое существованіе отдала личному счастью? Почему при такомъ громадномъ, совершенно незаслуженномъ мною счастьи, я постоянно терзаю себя сомнѣніями и упреками? Я не могу такъ жить, ничего не дѣлая, никому не нужная. Не могу. И живу, и минутами ничего не хочу, кромѣ любви Д., кромѣ его ласки.

Палермо, 5 ноября.

Все смотрѣть, все любоваться... Д. можетъ цѣлыми часами говорить объ искусствѣ, о его высшемъ значеніи въ жизни. И самъ никогда ничего не дѣлаетъ. Разъ послѣ одного изъ нашихъ частыхъ споровъ о «морализированіи», которое такъ ненавидитъ Д., онъ сказалъ мнѣ словами Ренана: «Dans la morale comme dans l'art dire n'est rien, faire est tout». Какъ часто хочется мнѣ сказать ему то же самое, немного переставя слова: «Dans l'art comme dans la morale dire n'est rien, faire est tout». Но мнѣ жаль его, мнѣ страшно попасть ему въ больное мѣсто.

*

Помню, какъ я разсердилась, когда мать назвала Д. «безпечальный эстетикъ». А теперь я часто вспоминаю это прозвище.

Палермо, 3 ноября.

Всѣ мы представляемъ себѣ Сицилію прежде всего страной апельсиновъ, цвѣтущимъ садомъ, напоеннымъ сладкимъ ароматомъ. Нѣкоторые изъ насъ знаютъ про «латифундіи»—эти безконечныя владѣнія сицилійскихъ помѣщиковъ, про сѣрныя копи, гдѣ работаютъ женщины и дѣти, про голодъ и непосильные налоги... Но для большинства Сицилія—это «жемчужина Средиземнаго моря», желанная красавица, за обладаніе которой вѣками дрались самые разнообразные народы.

И дѣйствительно, красота всюду, и въ природѣ и въ произведеніяхъ искусства А рядомъ съ этимъ: стоны и жалобы безъ конца.

— Почему ты все грустная? Все грызешь себя... Вѣдь у насъ все есть, чтобы быть счастливыми... Смотри, какое море, какое солнце, какая красота... И все это наше .. А ты вмѣсто наслажденія создаешь себѣ страданія... Впрочемъ, ты всегда была такая: дѣвушкой, окруженная

шестидесятниками, ты думала объ офицерахъ .. Теперь, среди роскошнѣйшей въ мірѣ природы, болѣешь о нищихъ и голодныхъ.

6 ноября.

Откуда является это раздраженіе? О чемъ бы мы ни заговорили, оно подпалзываетъ какъ-то незамѣтно и отравляетъ всѣ наши бесѣды съ нимъ.

8 ноября.

Обыкновенно говорятъ: «Онъ добрый» или «она добрая», такимъ тономъ, точно хотятъ сказать: «онъ глупый». Я и сама прежде такъ же думала. Мнѣ хотѣлось слыть умной, а не доброй. Теперь я вижу, что безъ доброты человѣкъ—пустыня. Д умный, любитъ меня, но у него нѣтъ доброты и онъ отъ этого никогда ничего въ жизни не сдѣлаетъ. Христосъ, помимо ума, силенъ своею добротой. Онъ всѣхъ любилъ, всѣхъ жалѣлъ: и дѣтей, и блудницъ, и молодыхъ, и старыхъ, всѣхъ несчастныхъ, безпомощныхъ. Д. никого не жаль. Онъ смѣется надъ жалостью, онъ жестокъ къ чужимъ страданіямъ, онъ совершенно нечувствителенъ ко всему, что не касается лично его. Онъ, одинъ только онъ—центръ

всего міросданія. Иногда мнѣ кажется, что и меня онъ любитъ только для себя, постольку, поскольку я пріятна ему. Собственно до меня, до моей души—ему нѣтъ никакого дѣла. Онъ не понимаетъ меня, не хочетъ понять. Онъ даже и не считается со мной, хотя и говоритъ, что обожаетъ меня. И минутами я вижу, вѣрю, что дороже меня для него никого нѣтъ. И я бываю такъ счастлива отъ этого сознанія, что кажется готова отказаться отъ всего въ мірѣ и жить только этою любовью. Иногда же отчаяніе и пустота охватываютъ меня; стыдно за Д., стыдно за себя, жить только для поцѣлуевъ, для наслажденія, для созерцанія. Я чувствую, что надоѣдаю этимъ Д. Еще сегодня онъ шутя сказалъ мнѣ:

— Еслибъ я зналъ, что ты не женщина съ нервами, съ пороками, съ прихотями, даже съ капризами, а книжка съ прописной моралью—я бы годъ тому назадъ убѣжалъ отъ тебя.

— Я никогда не обманывала тебя, и всегда была тѣмъ, что я есть.

— Но ты сочувствовала моимъ взглядамъ.. раздѣляла мои мысли.

— И увидала, что они безплодны, какъ Сахара.

Онъ испугался, что разговоръ принимаетъ

острый характеръ, какъ почти всѣ наши разговоры теперь, и торопливо вышелъ на балконъ. Море ясное, лазурное, спокойно покачивалось и уходило куда-то далеко, далеко, въ объятія яснаго, лазурнаго неба и сливалось съ нимъ въ одно неразрывное цѣлое. Я подошла къ Д. Онъ жестко посмотрѣлъ на меня. И вдругъ мнѣ представилось, что мы совсѣмъ чужіе другъ другу. И опять то же сознаніе пронизало меня: при такой безпредѣльной близости—такая полная отчужденность.

Палермо.

Нигдѣ въ Италіи женщина не играетъ такой роли, какъ въ Сициліи. Она работаетъ на пользу народа неустанно и съ яснымъ сознаніемъ своего долга... Въ газетахъ постоянно попадаются сообщенія о митингахъ, собираемыхъ женщинами... Онѣ устраиваютъ народныя школы, организуютъ врачебную помощь, учредили общество взаимопомощи .. Онѣ идутъ въ деревни и копи... Я познакомилась съ одной изъ нихъ: точно моя мать въ молодомъ видѣ. Такая же ясная, такая же вѣрующая въ свое дѣло, такая же негодующая и знающая, чего она желаетъ.

Мама мнѣ пишетъ, что видѣла Ольгу Совѣтову... Она совсѣмъ завяла. Мужъ съ нею въ Петербургѣ .. Значитъ, княгиня прогнала его.

9 ноября.

Завтра мы уѣзжаемъ въ Сиракузы,—«поклониться» Венерѣ.

Отчего мама мнѣ не пишетъ? Вотъ уже почти мѣсяцъ, что я не получила отъ нея ни строчки. Къ ней хотѣлъ заѣхать Ѳедоровъ. Интересно, что онъ ей разсказалъ про насъ.

Не знаю, почему мнѣ такъ грустно... Д. все время недоволенъ мною, я сама сознаю, что я «не на высотѣ» и не могу быть иной, устала быть не самой собой... Вчера я не могла и прямо сказала Д.:

— Какъ ты могъ полюбить меня, если такъ не сочувствуешь моимъ идеямъ, такъ раздражаешься моими взглядами?

— Да развѣ можно считаться съ тѣмъ, что говорятъ женщины? Чѣмъ бы дитя ни тѣшилось, лишь бы не плакало.

Мнѣ надоѣли эти постоянныя шутки, и я сказала совершенно серьезно:

— Нѣтъ, ты отвѣть мнѣ: за что же ты полюбилъ меня?

— Неужели ты думаешь, что женщину любятъ за высокія идеи, за ученость или гражданскія доблести? Нисколько. Любовь является неизвѣстно какъ, но, несомнѣнно, на физіологической почвѣ... И дѣло не въ красотѣ... А такъ, въ чемъ-то неуловимомъ. Температура рукъ, запахъ волосъ, звукъ голоса... Все это физіологія

— Это цинизмъ... Для женщины такая любовь обида.

— Опять морализированіе. Какой же цинизмъ? Это законъ природы и надо считаться съ нимъ... Еслибъ я не поцѣловалъ тебя тогда... пятаго апрѣля, я, весьма возможно, никогда не полюбилъ бы тебя.

— А поцѣловалъ не любя?

— Можетъ быть.

Я вся покраснѣла отъ ужаса. Д. засмѣялся и сказалъ:

— Конечно, не любя.. И еслибы зналъ, что этотъ поцѣлуй такъ привяжетъ меня къ тебѣ, — бѣжалъ бы отъ тебя.

— Зачѣмъ же поцѣловалъ?

— Меня безсознательно тянуло къ тебѣ и тянуло не отъ того, что ты когда-то писала «листовки», а затѣмъ съ удовольствіемъ слушала Бодлера, а потому, что въ нашихъ физическихъ

организаціяхъ было, должно быть, что-нибудь подходящее, и ни одна женщина не была такъ мила мнѣ, какъ ты.

Прежде такая фраза заставила бы меня все забыть а вчера она покоробила меня.

Отчего такъ грустно, такъ безысходно грустно? Хочется плакать. Передъ окномъ раскинулась голубая скатерть моря, налѣво желтѣетъ живописный Пеллегрино. Все залито яснымъ теплымъ солнцемъ. А на душѣ мракъ и холодъ.

Палермо, 12 ноября.

Вотъ уже четыре дня, какъ Д. уѣхалъ, а я не скучаю... Нѣтъ, можетъ быть и скучаю, но не страдаю. Напротивъ, я чувствую какое-то освобожденіе. Любовь всегда рабство, но любовь, основанная на физіологіи. на одной только физіологіи, — самое голое, самое постыдное рабство. И все: долгъ, убѣжденія, симпатіи— все приносится ему въ жертву. Все въ жизни забывается ради него, все заслоняется имъ.

Я не поѣхала съ Д... Мнѣ надо былъ остаться одной.

Въ день отъѣзда Д., когда уже у насъ все было уложено, чтобы ѣхать въ Сиракузы, а за-

тѣмъ въ Сегесту, Катанію и Таормине, я стала читать *Giornale di Sicilia* и сказала искренно и горячо:

— Послушай, Дима, что тутъ творится: «Въ деревнѣ Кіарамонте назначена на 26 ноября распродажа имущества ста двадцати человѣкъ, не уплатившихъ подати. Сумма недоимки рѣдко превышаетъ двадцать лиръ; у многихъ она не достигаетъ и десяти лиръ, а у семерыхъ она меньше пяти лиръ...» Дима! Пять лиръ... вѣдь это меньше двухъ рублей?!

Д. ничего не отвѣчалъ мнѣ и только улыбался холодно и насмѣшливо... И вдругъ что-то прорвалось во мнѣ, и я все высказала ему. .

— Я не знаю, зачѣмъ говорю тебѣ все это.. сказала я, — я все забываю, что ты равнодушенъ не только къ страданіямъ и радостямъ ближнихъ, но и къ нравственнымъ законамъ... Я забываю или, вѣрнѣе, хочу забыть, что для тебя не существуетъ ни порока, ни добродѣтели, а только красота и уродство... и ты для меня невыносимъ этимъ.

— А ты мнѣ смѣшна: высокомѣрно и злобно произнесъ Д.

— Ты только и дѣлаешь, что смѣешься надо мною ..

— Да какъ же не смѣяться? Противорѣчія всегда вызываютъ смѣхъ... А ты всю жизнь путаешься въ противорѣчіяхъ: говоришь одно, а дѣлаешь другое... Еслибъ я видѣлъ всѣ твои благородныя стремленія и великодушныя чувства не на словахъ, а на дѣлѣ, я не посмѣлъ бы смѣяться...

И вотъ четыре дня, какъ эти слова звучатъ у меня въ душѣ. Я оглянулась на себя и ужаснулась.. Какъ я живу? Въ чемъ проходитъ день за днемъ? И это не переходное состояніе, не стремленіе къ чему-нибудь лучшему, болѣе разумному, а вершина счастья, достигнутая цѣль жизни... Я не только не стремлюсь быть полезной, жить не для одной себя, я даже разучилась «смѣть»—смѣть говорить, что думаешь, смѣть дѣлать, что хочешь... Я часто боюсь сказать «хорошее слово», боюсь насмѣшки, боюсь разстроить Д. Эта боязнь разстроить, огорчить или разсердить Д. доходитъ у меня до болѣзни. Неужели эта боязнь — любовь? Неужели это рабство—счастье? Нужно освободиться. Лучше жить безъ радостей любви, но не рабой. Я устала влачить цѣпи. Мнѣ стыдно такъ жить. И каждый разъ, какъ Д. скажетъ мнѣ, что я «готова на великіе подвиги на словахъ, а не на

дѣлѣ», я прихожу въ отчаяніе и хочу бѣжать отъ него, и не имѣю силъ бѣжать... Взгляну на его усталое лицо, на ласковые глаза и все забуду и рѣшаюсь идти на всѣ компромиссы, лишь бы видѣть, какъ улыбается мнѣ этотъ милый ротъ съ бѣлыми зубами, какъ протягиваются ко мнѣ эти руки съ тонкими длинными пальцами... Теперь, когда я одна, я сознаю весь стыдъ моего существованія, весь ужасъ моего нравственнаго одиночества. Теперь, когда Д. уѣхалъ, я точно освободилась отъ гипнотическаго состоянія и почувствовала себя человѣкомъ. Какъ странно: я съ самаго начала нашего знакомства съ Д. испытала это присутствіе гипнотической силы: когда я не видала его, я освобождалась. Когда онъ бывалъ со мною, я становилась его рабой, его вещью... И онъ не можетъ меня уважать за это...

15 ноября.

«Еслибъ я видѣлъ всѣ твои благородныя стремленія и великодушныя чувства не на словахъ, а на дѣлѣ—я не посмѣлъ бы смѣяться!..» Онъ правъ... Надо уѣхать. Цѣлые сутки я думаю... Все, все говоритъ мнѣ объ этомъ. Уѣду и освобожусь отъ этого стыда жизни, который

съѣдаетъ меня. Поцѣлуи, нѣга, любованіе... Такъ жить нельзя, стыдно такъ жить. Уѣду и освобожусь отъ моего душевнаго одиночества. Когда человѣкъ одинъ, онъ не чувствуетъ того ужаса одиночества, какъ когда онъ вдвоемъ, когда онъ всю душу готовъ отдать, все сердце свое вынуть и положить къ ногамъ и чувствуетъ, что совсѣмъ этого не надо, что каждый живетъ самъ по себѣ, а до того, что дѣлается въ вашей душѣ, никому нѣтъ дѣла...

Черезъ часъ.

Получила письмо отъ Д. Онъ описываетъ Сегесту, восхищается храмомъ, вспоминаетъ эллиновъ, говоритъ объ умномъ и разумномъ пониманіи смысла жизни, о томъ гармоническомъ впечатлѣніи, какое производятъ на утонченнаго человѣка произведенія человѣческаго духа... И во всемъ этомъ, отъ начала до конца, слышится я, я и я. . Можетъ быть, я придираюсь къ нему? Господи, какъ бы я хотѣла оказаться несправедливой!.. Нѣтъ. Перечитала письмо и опять это же впечатлѣніе ужаснаго эгоизма... Я и раньше видѣла, и мать говорила мнѣ, что Д.—эгоистъ. Я видѣла, какъ онъ стремился все и всѣхъ подчинить своей власти, я знала, что

онъ сознаетъ свое нравственное превосходство надъ окружающими, и находила это совершенно естественнымъ Помню, я такъ и сказала матери, а она мнѣ отвѣтила на это:

— Неужели ты не видишь, что это просто влюбленность въ себя?..

Я тогда разсердилась на мать.

Да, влюбленность въ себя, любовь только къ себѣ... И рядомъ съ этимъ — проповѣдь жертвы во имя любви, полнаго самоотверженія, всепрощенія.. Но все это, по словамъ Д., нужно для женщины. Для мужского самолюбія это постыдно. И постоянно онъ ставитъ такія рамки: для женщины нужно то-то, для мужчины — то-то; наприм., онъ говоритъ, что разумъ возвышаетъ человѣка, стоитъ на стражѣ его человѣческаго достоинства. А когда я какъ-то сказала, что основной принципъ человѣчества — разумъ, онъ серьезно и горячо сказалъ:

— Это не касается женщинъ, разумъ — не женская добродѣтель, и чѣмъ больше разума у женщины, тѣмъ она антипатичнѣе.

И это его искреннее убѣжденіе: я вижу какъ онъ блѣднѣетъ, какъ жестко смотритъ на меня, когда я говорю, что торжество чувства надъ разумомъ губительно.

— Въ чемъ это?—спросилъ онъ какъ-то меня

— Оно убиваетъ волю, а воля—главная сила человѣка.

— Но не женщины .. На что ей воля? Женщина во всѣ вѣка была содержанкой мужчины: отца, брата, мужа, любовника—все равно, но мужчины. А для этого воли не надо.

Онъ говорилъ это безъ злобы, но съ убѣжденіемъ

И теперь, когда Д. нѣтъ здѣсь, когда я свободна отъ обаянія его голоса, всего того «неуловимаго» вліянія, которымъ онъ обусловливаетъ любовь, — я могу, можетъ быть, разобраться въ своихъ чувствахъ, понять себя и свои побужденія.

Я дошла до полнаго подчиненія Д..—значитъ, дошла до униженія. Что бы сказала на это мама, всю жизнь толковавшая мнѣ, что долгъ человѣка—огражденіе своей личности отъ подчиненія: человѣку ли, чувству ли—безразлично!

Говорятъ, нѣкоторые находятъ счастье въ такомъ подчиненіи. Не знаю; я не могу быть счастливой въ рабствѣ; сознательная жажда свободы, сознательная потребность сбросить цѣпи и освободить душу отъ рабскихъ оковъ мучаютъ меня. И вмѣстѣ съ этимъ я дошла до

того, что когда говорю съ Д. или спорю съ нимъ, то мнѣ такъ страстно хочется быть ему милой, пріятной, что я иногда (и очень часто) кривлю душой .. И это заставляетъ меня страдать. Я чувствую съ каждымъ днемъ все больше и больше, какъ моя воля порабощается, какъ я тону въ компромиссахъ... Но только теперь, безъ него, я увидала, что потеряла даже смѣлость сужденій, разучилась «смѣть»

Господи! Да еслибъ это дало намъ счастье, я можетъ быть и смирилась бы. Но ни я, ни онъ не можемъ быть счастливы. Наши души—чужія одна другой. Пока ему милы мои глаза или, какъ онъ говоритъ, «температура рукъ», «запахъ волосъ», онъ, можетъ быть, будетъ счастливъ, несмотря на всю разницу нашихъ взглядовъ и убѣжденій. Пройдетъ это,—кромѣ тоски и раздраженія не останется ничего. Не лучше ли разорвать во-время? Изъ сегодняшняго письма очень ясно, что и я ему не нужна. Онъ нѣсколько разъ шутя говорилъ, что женщина въ жизни мужчины всегда тяжелая ноша въ рукахъ и оковы на ногахъ. И эта шутка—искреннее убѣжденіе Д. Совмѣстная жизнь требуетъ непрестанныхъ уступокъ. Д. слишкомъ эгоистиченъ для этого. Если я уѣду отъ

него теперь, онъ перенесетъ это легко. Оскорбленное самолюбіе, боязнь быть смѣшнымъ въ глазахъ общества будутъ, какъ всегда, на первомъ планѣ и заслонятъ ему горе. А я...

Я, можетъ быть, буду тосковать, буду плакать, но за то я освобожусь, получу возможность жить такъ, чтобы не краснѣть за себя передъ хорошими людьми, буду имѣть возможность не только на словахъ, но и на дѣлѣ проводить свои убѣжденія. И тогда Д. не посмѣетъ смѣяться надо мной. Но для этого я должна сбросить съ себя оковы, должна освободить мою порабощенную душу, должна жить по правдѣ, не для одной себя, но и для ближнихъ. Пусть Д. глумится надъ моей «мѣщанской добродѣтелью», — я не могу больше жить по-прежнему, я не могу всю жизнь искать... Я должна дѣлать что-нибудь. Рабство страсти, рабство физіологіи — самое постыдное изъ рабствъ, и разъ сознаешь его въ себѣ, надо какой бы ни было цѣной побороть его, добиться полной независимости и стать человѣкомъ. Только бы мнѣ уѣхать отсюда до возвращенія Д. Боюсь, увижу его и все забуду и пойду опять на ложь, на компромиссы... Онъ имѣетъ полное право не уважать меня: я на его гла-

захъ отреклась отъ матери, отъ моихъ убѣжденій, отъ всего, что я любила, во что вѣрила. . Надо освободиться... надо .. надо!.

16 ноября.

Сегодня утромъ получила письмо изъ Сиракузъ. Д. пріѣзжаетъ завтра утромъ. Я телеграфировала мамѣ, что выѣзжаю къ ней сегодня. Скорѣе уѣхать, чтобы не видѣть его. Слезы застилаютъ глаза. Не могу собрать двухъ мыслей. Надо написать Д., надо объяснить ему... Но что писать?..

«Дмитрій!

«Я оставляю тебѣ эту тетрадь... Я завела ее для того, чтобы имѣть возможность разбираться въ самой себѣ, постоянно слѣдить за борьбой разума съ чувствомъ, постоянно ловить себя на двойственности моей несчастной природы. Ты здѣсь увидишь всю меня; въ этой тетради нѣтъ ни одной думы затаенной, ни одного слова неискренняго. Когда ты прочтешь ее, я буду далеко... Не могу писать тебѣ, что я испытываю... ты самъ все поймешь. . Ты поймешь, какъ я люблю тебя, ты поймешь также, что при *такой* любви я не могу быть счастливой, не могу и тебѣ

*

дать счастье... У насъ чужія души, у насъ разныя дороги. Зачѣмъ же мы будемъ портить жизнь другъ другу, зачѣмъ будемъ мѣшать другъ другу дѣлать то, что каждый изъ насъ считаетъ нужнымъ дѣлать?

«Я уѣзжаю въ Россію; не знаю, на что я окажусь пригодной тамъ, но я ѣду съ безграничной готовностью приносить пользу ближнимъ, съ непоколебимой вѣрой въ то, что человѣкъ можетъ найти счастье только въ альтруизмѣ .. Ты всегда встрѣчалъ съ насмѣшкой такія слова; можетъ быть засмѣешься и теперь, но ты знаешь, что я говорю совершенно искренно: жить такъ, какъ я жила съ тобой, стыдно. И этотъ стыдъ не даетъ мнѣ покоя, не даетъ возможности и тебѣ дать счастье.

«Неужели ты опять скажешь, что все это фразы, неужели ты не поймешь, какихъ страданій стоитъ мнѣ разлука съ тобой? А при страданіяхъ не до фразъ. Еслибъ я только знала, что моя душа, мое участіе нужны тебѣ, я не уѣхала бы, я отдала бы тебѣ всю жизнь. Но я убѣдилась, что я не только не нужна тебѣ, но я раздражаю тебя каждую минуту, и чувствую, что я для тебя тяжелая обуза. И я должна тебя освободить отъ себя.

«Ты былъ правъ, говоря, что я смѣшна съ моими противорѣчіями. Я дошла до того, что искренно стремилась выработать въ себѣ полное равнодушіе къ вопросамъ нравственнымъ и политическимъ; я, чтобы быть пріятной тебѣ, стала говорить, что все совершается по естественнымъ законамъ причинной связи, и надо смиряться... И вмѣстѣ съ тѣмъ я чувствовала, что стыдно смиряться, больно смиряться... Я чувствовала, что надо фактически участвовать въ торжествѣ добра, способствовать ему... Жить день за днемъ для себя и оправдываться, что законъ причинной связи измѣнить нельзя— постыдно. Много разъ говорила я съ тобой объ этомъ и ты всегда смѣялся... Въ послѣдній разъ ты объяснилъ мнѣ причину твоего смѣха. «Еслибъ я видѣлъ это не на словахъ, а на дѣлѣ...» Ты правъ. И послѣ этого я уже не могу оставаться здѣсь... Я уѣзжаю домой, на родину. Не знаю, что я буду тамъ дѣлать, но знаю, что жить такъ, какъ я жила до сихъ поръ, я уже не могу... Все это очень сложно, и я слишкомъ волнуюсь, чтобъ ясно изложить все... Хочу думать, что ты поймешь... и хоть на этотъ разъ не засмѣешься надо мной.

Елена».

ЛУШКА.

Было часовъ шесть вечера. Солнце стояло еще высоко, но жара уже спàла. Вся деревня словно вымерла: взрослые ушли на сѣнокосъ, дѣти разсыпались по задворкамъ, собаки заснули. На широкой улицѣ было тихо, покойно, просторно.

Вдругъ изъ-за пригорка поднялось сѣроватое облачко пыли, послышались веселые голоса, донесся мягкій лошадиный топотъ. Отъ крайней избы деревни рванулась собака и залилась звонкимъ лаемъ. Ей сейчасъ же отвѣтили другія и всѣ понеслись на встрѣчу подъѣзжавшей кавалькадѣ. Двѣ дѣвушки въ свѣтлыхъ амазонкахъ и трое мужчинъ въ кителяхъ шумно и весело подскакали къ деревнѣ.

— Волковскіе господа!—раздался гдѣ-то радостный дѣтскій возгласъ.

— Волковскіе! Волковскіе!—какъ эхо прозвучали жиденькіе голосенки, и черезъ нѣсколько

секундъ, цѣлая толпа ребятишекъ высыпала на улицу.

Дѣти отлично знали, что эти «Волковскіе господа» каждое лѣто пріѣзжали въ свою калужскую усадьбу изъ Петербурга: ребятишки видали ихъ чуть не каждый день въ своей деревнѣ, но всякій разъ появленіе господъ на широкой улицѣ было событіемъ въ дѣтской жизни, и дѣти, со всѣхъ ногъ, бросались на встрѣчу господамъ, а потомъ долго, долго вспоминали о всѣхъ мелочахъ этого появленія.

— Дѣти! А что же земляники намъ не носите?—крикнула одна изъ амазонокъ, придерживая немного лошадь.

— Не водъ имъ еще,—отвѣтила дѣвочка изъ старшихъ.

— Мало назрѣли,—пояснилъ одинъ изъ мальчиковъ.

— А вы поищите... Я видѣла, есть красныя... На пряники получите...

Верховые скрылись за поворотомъ улицы. Пыль потихоньку осѣдала назадъ, на землю. Ребятишки собрались въ кучку и бойко, почти всѣ разомъ, обсуждали что-то.

— Лѣтось всякъ разъ двугривенный! Всякъ разъ!..—вдыхая въ себя воздухъ, говорила дѣвочка лѣтъ восьми, девяти.

— Однова молодой баринъ Фроськѣ бумажку далъ... Видалъ: бѣлый картузъ съ краснымъ околомъ?

— Сергѣй Митричъ...

— Ба-а-гачъ!

Дѣти, конечно, наизустъ знали, какъ и когда баринъ Сергѣй Дмитріевичъ подарилъ Фроськѣ рубль, но имъ пріятно было при всякомъ удобномъ случаѣ вспоминать про это.

— Вотъ ягода пойдетъ, таскать имъ будемъ ..

— Сбѣгаемъ!

— Вчерась Дунька съ десятокъ ягодинъ нашла...

— Пойдемъ, ребята?

— А скотину пригонятъ... Вонъ солнце куда ушло...

— Эва! Успѣемъ!

— Заругаются!

— Барановъ загонять кто будетъ?!

— Только на барскій пригорокъ...—настаивалъ одинъ изъ мальчиковъ.—Сенька! Смахаемъ!

Сенька, не колеблясь, бросился за говорившимъ. Черезъ секунду за ними рванулась и вся орава. Они бѣжали, точно на пожаръ, толкая и перегоняя другъ друга.

— Ну, Лушка! Прочь съ дороги!—крикнулъ

мальчикъ лѣтъ десяти, быстрымъ движеніемъ отталкивая бѣжавшую передъ нимъ дѣвочку.

Лушка упала и уронила свертокъ, закутанный въ грязныя, коричневыя тряпки. Изъ-подъ нихъ послышался слабый писк ребенка.

— У! Чортова голова!—раздраженно прошепелявила дѣвочка, быстро хватая съ земли свою ношу.—Дьяволъ!—прибавила она, сама не зная кому посылаетъ эти ругательства.

Она присѣла на корточки и стала на-скоро обвивать драное, ситцевое одѣяло кругомъ поднятаго съ земли свертка.

— Растерялась!—услышала она веселый дѣтскій голосъ, и посмотрѣла вслѣдъ убѣгавшимъ ребятишкамъ.

Она сообразила, что ей не догнать ихъ. Да и тяжело бѣжать по кочкамъ съ ребенкомъ на рукахъ. Лучше вернуться въ деревню, хоть тамъ и пусто, и тоскливо Въ избѣ сидѣть жутко: свѣта проходитъ очень мало черезъ маленькія оконца, съ тусклыми стеклами, да и стекла-то на половину выбиты и замѣнены сахарной бумагой. На сыромъ земляномъ полу босымъ ногамъ холодно. Матери, конечно, не дождаться до ночи. Федька будетъ орать: голодъ-то не тетка! А чѣмъ глотку заткнешь? Пока мать не вернется, дома и сухой корки не найдешь.

Дѣвочка тихо поплелась къ деревнѣ, тяжело волоча свои грязныя, худыя ноженки.

Лушкѣ, по лицу, было лѣтъ четырнадцать, а по росту и сложенію лѣтъ семь. На самомъ же дѣлѣ, ей со святскъ шелъ десятый. На маленькомъ, худенькомъ тѣльцѣ неуклюже сидѣла большая голова, съ умными, задумчивыми глазами. Около дѣтскаго пухлаго рта уже легли грустныя складки; блѣдныя щеки ввалились Во всемъ лицѣ было что-то дѣтски-старческое, озлобленно-несчастное. Одѣта она была, какъ взрослая, какъ подгородняя баба: въ ситцевую кофту и длинную юбку. Правое плечо у ней опустилось значительно ниже лѣваго, за что ее и прозвали въ деревнѣ—въ отличіе отъ другой Лушки—«Лушка кривая». А она очень хорошо знала, почему она кривая: «дохторша», еще два года тому назадъ, объяснила это ея матери, и Лушка запомнила:—она съ пяти лѣтъ таскала ребенка на лѣвой рукѣ. Ну и скривилась.

Отца она не помнила, даже не знала былъ ли у нея когда-нибудь отецъ. Жила она съ матерью, Авдотьей-солдаткой, на самомъ краю деревни, въ полуразвалившейся избѣ, съ двумя оконцами. Ни скотины, ни хозяйства у нихъ не было.

Мать никогда не сидѣла дома. Бывало, спросятъ Лушку:

— Гдѣ мать-то?

— А песъ знаетъ, гдѣ ее носитъ.

И правда, дочь никогда не знала, что дѣлала и гдѣ бывала мать. Скажетъ, что стирала поденно у господъ, или у попа, въ сосѣднемъ селѣ, стряпухѣ помогала, а сама придетъ усталая, растрепанная, иногда вся изодранная. И тогда Лушка хоть на глаза не попадайся: за каждое слово достанется. Впрочемъ, теперь это не очень-то пугаетъ Лушку. Прежде она, бывало, убѣгала отъ матери, пряталась, заслышавъ ея грубый, громкій голосъ. Теперь же дѣвочка первая накидывалась на нее. Еще вчера, при сосѣдкѣ Марьѣ, какъ Лушка встрѣтила мать:

— Гдѣ шлялась-то? Дѣти о сю пору не ѣмши сидятъ, а мать не знамо гдѣ шляется!

Правда, и досталось Лушкѣ. До сихъ поръ на лѣвомъ искѣ кожа припухла, ужъ очень здоровый клокъ мать выдрала. Да и Лушка въ долгу не осталась. Мать успѣла улечься и заснуть, а дѣвочка все еще «страмила» ее. Все, что она слышала въ деревнѣ про мать, все, что бабы, не стѣсняясь ребенка, говорили про Авдотью-солдатку, она злорадно высыпала передъ

нею. И не зареви Федька, Лушкѣ, кажется, не остановиться бы до утра. А онъ точно обидѣлся за мать, такъ рявкнулъ, что его пришлось вынуть изъ качалки и побаюкать на рукахъ. Лушка понимала, что братецъ реветъ не отъ обиды, а просто ѣсть хочетъ. Вѣдь цѣлый день пустую тряпку сосетъ!

Дѣвочка тихо подошла къ матери, вытащила у нея изъ-подъ головы свернутую въ комокъ юбку и отыскала карманъ. Она знала, что, какъ бы зла или пьяна ни возвращалась мамка домой, у нея все-таки въ карманѣ припасено что-нибудь для дѣтей. И вчера тамъ оказались двѣ баранки и кусокъ полубѣлаго хлѣба. Лушка быстро схватила хлѣбъ въ ротъ, усердно разжевала его, съ дѣловымъ видомъ выплюнула все въ тряпочку, закрутила, перевязала ниткой и сунула въ ротъ Федькѣ. Онъ сейчасъ же успокоился. Тогда Лушка, не торопясь, взяла въ ковшикъ воды, сѣла, поджавъ ноги, на лавку и стала ужинать баранками, запивая ихъ водой.

Когда, на разсвѣтѣ, Авдотья проснулась, Лушка спала возлѣ нея, свернувшись въ клубочекъ и подсунувъ голову ей подъ мышку. Мать ласково улыбнулась и тихо, тихо слѣзла съ печи, чтобы не побезпокоить дѣвочку.

Рано утромъ Лушка вскочила отъ Федькиныхъ криковъ; Авдотьи уже не было въ деревнѣ.

Теперь, возвращаясь домой, дѣвочка опять загорѣлась обидой противъ матери. Утромъ она жалѣла ее. Она чутьемъ понимала, что Авдотьѣ тяжело дома, тяжело въ родной деревнѣ. Бѣдность создала ей множество враговъ. Дѣтей кормили, изъ милости, сосѣди и не могли не тяготиться этимъ. У самихъ голь, а тутъ чужихъ корми. И хоть бы отъ солдатки благодарность какая. Нѣтъ: наровитъ еще стащить съ огорода что-нибудь. А скажи слово,—такъ облаетъ, что не будешь знать куда и дѣться. Въ ругани, да въ крикахъ никто не перещеголяетъ Авдотью; ей терять нечего, она давно уже баба «пропащая». Луша понимала, отчего мать терпѣть не могла своей деревни и знала, что она не разрываетъ связи съ ней только изъ-за нея и Федьки. Не будь ихъ, мать давно бы ушла въ городъ, въ прачки. Она уже разъ сто это говорила. А съ ребятами куда пойдешь?

Ее больше всего раздражало, когда мать начинала толстѣть: значитъ, опять Лушкѣ готовится кабала. Вотъ уже пятый годъ, что она въ этомъ ярмѣ. Федька былъ четвертымъ братцемъ;

троихъ первыхъ Богъ прибралъ скоро. Смерть ихъ не особенно огорчала Авдотью. Она продѣлывала все «честь честью»: ревѣла, хоронила и напивалась. А черезъ нѣсколько мѣсяцевъ опять сдавала на попеченіе Лушки маленькое, красное существо.

— Очень ты убивалась по Гераськѣ, на́ тебѣ новаго, чтобы скучно не было,—сказала дѣвочкѣ Авдотья, когда родился Федька.

И вотъ уже седьмой мѣсяцъ, что она возится съ этимъ Федькой. Еще ни одинъ не жилъ такъ долго. Первые трое и до полугода не доживали. А этотъ живетъ и толстѣетъ.

«И отчего бы это?» наивно думаетъ Лушка. Точно такъ же, какъ и тѣ, онъ съ самаго рожденія питается соской; такъ же, какъ и покойнымъ «братцамъ» Лушка нажуетъ утромъ хлѣба, завернетъ въ прокислую вчерашнюю тряпку и сунетъ ему въ ротъ, тѣмъ весь день и сытъ. Точно также плачетъ онъ иногда цѣлыми часами, а Лушка не умѣетъ, а иногда просто и не хочетъ унять его: «ори на здоровье! Не великъ баринъ»! И все-таки Федька растетъ, да круглѣетъ. Только бѣлъ очень. И эта бѣлизна безотчетно тревожила Лушку. Она постоянно жалѣла Федьку, хотя постоянно злилась на

него. Злилась за то, что должна была весь день носить его на рукахъ, что ее звали «кривая нянька» что не могла ни бѣгать, ни играть съ дѣтьми, что не имѣла ни минуты свободной. Первый «братецъ», Ваня, занималъ Лушку, какъ кукла; онъ былъ такой худенькій, маленькій и умеръ на четвертомъ мѣсяцѣ. Петька и Гараська жили подольше, но жили зимой, а къ лѣту и тотъ, и другой «прибрались» и освободили Лушку. А Федька опять отнялъ у ней эту свободу, закабалилъ ее, сдѣлалъ рабой.

«Птаха летитъ, куда вздумается, вѣтеръ въ полѣ гуляетъ, какъ захочется»,—думаетъ Лушка, —«а я-то?»

Она чувствовала себя связанной по рукамъ и ногамъ и озлоблялась съ каждымъ днемъ все все больше и больше.

«Вотъ помретъ—и ты бѣгать съ ребятишками будешь», вспомнила она слова матери и злобно посмотрѣла по направленію къ барскому пригорку.

Дѣти вбѣжали въ деревню со смѣхомъ и веселымъ лепетомъ. Ягодъ было мало, но все-таки набралось нѣсколько горсточекъ. Одинъ изъ старшихъ мальчиковъ бережно несъ ихъ въ цвѣтномъ платкѣ.

— Танька! Тащи тарелку... знаешь ту, съ узоромъ.

Когда дѣвочка принесла тарелку съ синими разводами, вся дѣтская компанія—человѣкъ пятнадцать—разсѣлась въ кружокъ на землѣ, и принялась за раскладываніе ягодъ. Кто не могъ достать рукою, давалъ совѣты.

— Надо рядочками, поаккуратнѣе.

— Переверни ее... Переверни краснымъ-то бокомъ...

— Ишь, ягодка важная!..

— Самъ бы ѣлъ, да деньги надо,—сказалъ одинъ изъ мальчиковъ, съ интонаціями дѣловитаго мужика

Спускался тихій іюньскій вечеръ. Въ немъ было разлито что-то радостное, веселое. Курчавыя головки дѣтей, ихъ оживленныя лица и беззаботныя улыбки освѣщались розоватымъ свѣтомъ заходящаго солнца. Розоватыя пятна разбросались и по избамъ, и по зеленой травѣ.

Лушка сидѣла шагахъ въ десяти отъ ребятишекъ и, вытянувъ шею, слѣдила за каждымъ ихъ движеніемъ. Въ ушахъ ея засѣло: «всякъ разъ двугривенный», и она понимала, что всѣ эти приготовленія прямо ведутъ къ двугривенному. А, главное, она помнила, что прошлаго

года Волковская барышня дала Ѳедосьиной Машѣ, кромѣ денегъ, красную ленту. Каждый праздникъ Маша надѣвала эту ленту на голову и мучила завистью сердце Лушки. Она видѣла, какъ «франтили» дѣвки въ ихъ деревнѣ: плисовыя безрукавки, кумачныя рубашки, паневы, общитыя галуномъ, селезнёвыя перышки на головѣ. За старшими тянулись и младшія: хоть не доѣдятъ, да «прифрантятся». И Лушка отдала бы все на свѣтѣ, чтобы стать не хуже дюдей. Она только и слышала про себя, что кривая, да некрасивая, «какъ смертный грѣхъ». Ей казалось, что все это только отъ того, что она ходитъ въ грязныхъ, рваныхъ обносках, а будь у нея настоящая одежа—посмотрѣли бы на кривую няньку! не узнали бы! И, не смотря на постоянный голодъ, она никогда не мечтала ни о чемъ другомъ, кромѣ красной рубашки, или «веселенькаго ситчика». Она знала, что поѣсть дѣло возможное: выпросишь хлѣбца, стащишь рѣдьку съ огорода и будешь сыта, а кумачная рубаха казалась ей недосягаемымъ блаженствомъ.

Разъ, близъ церкви, она нашла гривенникъ, и эта свѣтленькая монетка создала ей цѣлые замки изъ кумача и цвѣтного ситца. Она по-

стоянно думала, тутъ ли ея богатство. не потеряла ли она гривенничекъ? Она тщательно прятала его отъ матери (знала, что та отниметъ) и не сходила съ улицы, ожидая разносчика «съ товаромъ». Наконецъ, онъ явился. Все женское населеніе деревни окружило его. Протолкалась къ нему и Лушка.

— Давай-ка кумачу,—съ чувствомъ собственнаго достоинства проговорила дѣвочка.

Дружный хохотъ покрылъ ея слова.

— Никакъ наша Лукерья наслѣдство получила...—сказала одна изъ бабъ.

— Небось украла!

— Давай, давай, нечего.. —понукала торговца Лушка, всъ красная отъ обиды и злобы.

— Да не слушай ты ее... На ней и рубахито нѣтъ. а туда же—кумачу!

Всѣ опять громко расхохотались. Торговецъ взглянулъ на Лушку и искренно разсмѣялся, увидѣвъ кривобокую дѣвочку, въ грязныхъ лохмотьяхъ, изъ-подъ которыхъ, мѣстами, виднѣлось худое, темное тѣло.

— Небось не ѣмши сидитъ, а тоже за обновкой пришла!.. Намедни Оедосьину курицу пымали. голову свернули, да сварили... Тѣмъ, можетъ, и по сю пору сыты.

— Цто врёсъ-то?!—прошепелявила дѣвочка. Оедосьину? Какую Оедосьину? Матренину!

— Обѣлилась! Нечего сказать!..

Въ это время разносчикъ развернулъ такой пестрый, шерстяной платокъ, что всѣ ахнули и забыли Лушку. Но она не унималась, заходила къ продавцу то съ одной стороны, то съ другой и, наконецъ, протискалась къ самому его плечу. Онъ съ доброй улыбкой взглянулъ на нее. Тогда дѣвочка разжала кулакъ съ торжествующимъ видомъ и показала гривенникъ. Торговецъ усмѣхнулся.

— Ишь, богачиха! Что жъ тебѣ на этотъ капиталъ сарафанъ кумачный желательно?

Лушка молчала, смущенная, разочарованная. Она точно съ неба свалилась. Такъ долго мечтала она о могуществѣ своей монетки и, вдругъ, кромѣ насмѣшки—ничего! И она, выросшая на насмѣшкахъ и брани, тутъ не выдержала, вся задрожала, поблѣднѣла, чуть не расплакалась.

— Ну хоть платочекъ!—униженно прошептала она.

Разносчикъ сжалился надъ ней, далъ ей красный платокъ, и хоть мать сейчасъ же отняла его отъ нея, но съ тѣхъ поръ мысль о возмож-

пости вымѣнять гривенникъ на красный платокъ, а если этихъ гривенниковъ много, то и на цѣлое платье,—крѣпко засѣла въ головѣ Лушки. Пришла она къ ней и теперь, при видѣ ребятишекъ: набрали ягодъ, раскладываютъ, и «всякъ разъ двугривенный!» И ей бы досталось, если бы не пузатый Федька! Куда съ нимъ пойдешь? Сиди да няньчи! Оставишь—реветъ, сердце надрываетъ. Какъ-то попробовала она бросить его одного, да и сама была не рада: Федька такъ кричалъ безъ нея, что когда она пришла, онъ до того намучился, что только стоналъ и всю ночь самъ не спалъ и не далъ спать Лушкѣ. А тутъ еще сосѣдка нажаловалась матери, и та избила ее; дѣвочка чуть не цѣлую недѣлю ходила въ синякахъ, и вся деревня смѣялась надъ нею.

— Вотъ Господь приберетъ, тогда и гуляй себѣ на здоровье,—опять сказала ей мать.

Эти слова часто приходили Лушкѣ въ голову. Она вѣрила имъ, какъ обѣщанію, которое кто-то долженъ исполнить и ее очень удивляло, что оно не исполняется. Ужъ она и въ церковь ходила, и искренно шептала, глядя куда-то наверхъ:

— Николай Чудотворецъ! Мать Пресвятая Богородица! Прибери Федьку.

Изъ церкви она выходила радостная и примиренная, и весь день ласково и любовно нянчила брата. Она съ жалостью глядѣла на его пухлое личико съ беззубымъ ртомъ, цѣловала его, зная, что скоро придется разстаться съ нимъ.

Но день шелъ за днемъ, а Федька и не думалъ «убираться». Лушку это и удивляло, и раздражало. Въ сердце заползла горечь несбывшейся надежды, обиды отъ обмана, отъ того, что кто-то не исполнилъ даннаго обѣщанія. Иногда она просто ненавидѣла Федьку. Когда утромъ она просыпалась отъ его крика, она злобно вскакивала, выхватывала мальчика изъ зыбки, грубо завертывала въ непросохшую тряпку и весь день сидѣла съ нимъ въ избѣ.

Она слышала дѣтскіе голоса на улицѣ, видѣла черезъ оконце, какъ ребятишки собираются, играютъ, уходятъ въ лѣсъ, на село, и злобно сидѣла въ своемъ добровольномъ заточеніи. Она слышала, какъ дѣти разсказывали про «Волковскихъ господъ», что они пляшутъ чуть не каждый день, что къ нимъ изъ города пріѣзжаетъ музыка, что они «страсть, какъ веселятся»; дѣти постоянно говорили о томъ.

какіе господа добрые, какъ они «не обижаютъ народъ», какъ балуютъ ребятишекъ. Лушка съ жадностью слушала все это черезъ свое оконце, мучилась безконечно и, все-таки, продолжала сидѣть въ полутемной, сырой избушкѣ.

Пришелъ Ильинъ день. Въ селѣ былъ храмовой праздникъ. На главной улицѣ раскинулись палатки съ пряниками, орѣхами, стручками, со всякими деревенскими лакомствами Народъ съ утра бродилъ по селу, распѣвая пѣсни и пощелкивая орѣхи и подсолнухи. Вся улица уже была усыпана шелухой; разноцвѣтные наряды весело пестрѣли на солнцѣ. Слышались нестройные, безшабашные звуки гармоніи, визгливыя пѣсни, беззаботный смѣхъ, громкія шутки.

Въ веселой, яркой толпѣ робко бродила кривобокая дѣвочка съ грязнымъ растрепаннымъ сверткомъ на лѣвой рукѣ. Она исподлобья поглядывала на груды розовыхъ пряниковъ, на веселыя лица, на цвѣтные наряды. Она еле-еле передвигала ноги, точно ее пригнетало къ землѣ ея драное платье, неуклюжая кофта съ чужого плеча, грязный свертокъ на лѣвой рукѣ.

Она прокрадывалась къ палаткамъ бокомъ, нерѣшительно и глазъ не могла оторвать отъ вкусныхъ грудъ леденцовъ, орѣховъ, стручковъ.

— Лукерья Петровна! Наше вамъ!—пошутилъ съ ней какой-то парень.

Дѣвочка взрогнула и съ испугомъ скользнула въ сторону.

— Господа погулять съ нами пришли,—послышалось въ толпѣ.

— Пряники закупаютъ... Полакомиться тоже хотятъ...

— Ребятишекъ угощать будутъ... Вишь кругъ себя собираютъ...

Пестрая толпа бѣлоголовыхъ дѣтей собралась около «Волковскихъ господъ». Одинъ изъ молодыхъ людей—тотъ, кого ребятишки звали «Сергѣй Митричъ»—держалъ громадный свертокъ съ пряниками, другой насыпалъ себѣ полную шапку орѣховъ; барышни стали выкликать дѣтей, назначая первое, приходящее въ голову имя.

— Маша! Выходи!

Явилось три Маши. Это показалось забавнымъ. Господа привѣтливо надѣлили каждую дѣвочку пряниками и орѣхами.

— Ну, теперь, Ваня выходи!

И Ваней оказалось тоже трое.

— Три Ивана да Марьи!—сострилъ одинъ изъ молодыхъ людей.

Всѣ засмѣялись. Дѣти не разслыхали, или не поняли, чему смѣются господа, но все-таки и сами дружно захохотали.

— А Катя есть?—спросила «Волковская барышня», Катерина Николаевна, которую всѣ ребятишки боготворили за ея доброту.

— Есть...—послышалось среди ребятишекъ.

— Катюшка, выходи... — сказалъ мальчикъ лѣтъ девяти, выталкивая впередъ четырехлѣтнюю дѣвочку.

Она степенно сложила ручки на толстомъ, выпятившемся животѣ, и, переваливаясь на грязныхъ босыхъ ноженкахъ, серьезно подошла къ барышнѣ.

— Здравствуй, тёзка!—ласково сказала ей Катерина Николаевна.—Во что жъ тебѣ насыпать?

Дѣвочка молча смотрѣла на барышню. Пряди вьющихся волосъ льняного цвѣта падали ей на лицо; изъ-подъ нихъ серьезно выглядывали ясные дѣтскіе глазки. Катерина Николаевна опустилась передъ дѣвочкой на корточки и поцѣловала ее.

— У тебя и фартука нѣтъ... Куда же я тебѣ гостинцы положу?

Дѣвочка протянула впередъ обѣ руки и растопырила пальцы.

— Ахъ ты, милая! Да много-ли въ твои рученки положишь?

Ребятишки искренно и громко расхохотались. Барышня вынула изъ кармана цвѣтной, носовой платокъ, насыпала въ него пряниковъ и орѣховъ, завязала узломъ и отдала Катѣ.

Потомъ вызывались: Саша, Дуня, Груша, Параша,—всѣ имена, какія только приходили на умъ «господамъ».

— А ты, что же, дѣвочка, не подходишь?— наконецъ, обратился баринъ «Сергѣй Митричъ» къ Лушѣ.—Тебя какъ зовутъ?

— Лушкой,—невнятно произнесла дѣвочка и подвинулась впередъ.

— Душкой?!

Раздался дружный хохотъ. Дѣвочка молчала.

— Лушкой, Лукерьей,—объявилъ одинъ изъ мальчиковъ.

— Ну, подойди сюда, Луша... Что жъ ты суровая такая? Ты нянюшка?

Дѣти были теперь въ такомъ настроеніи, что каждый пустякъ вызывалъ ихъ искренній и заразительный хохотъ.

— Нянюшка! Нянюшка!—съ дружнымъ смѣхомъ подхватили они.

— Лушка-нянюшка!

Молодому барину понравился дѣтскій смѣхъ, и онъ продолжалъ добродушно шутить съ Лушкой.

— Ты, няня, строга больно! Я тебя боюсь!

Раздался опять дружный хохотъ. Загорѣлое, не по росту большое, лицо Лушки исказилось злобой. Она взглянула на говорившаго, на хохотавшихъ дѣтей и зло пробормотала себѣ подъ носъ:

— Церти проклятые!

Это еще больше разсмѣшило всѣхъ: и дѣтей и господъ.

— Ай да няня!

— Няня! Няня!..

— Чего же ты ругаешься, няня? Подойди сюда...— продолжалъ Сергѣй Дмитріевичъ.

Лушка оглянулась кругомъ на всѣ эти смѣющіяся лица съ открытыми ртами, съ бѣлыми зубами, и все горе заброшеннаго одиночества, обида подневольнаго существованія всплыли въ ней. Щеки ея сжались въ старческую гримасу, углы губъ опустились, изъ груди вырвались рѣзкія, громкія рыданія.

— Ну, няня заревѣла!—услышала она и увидала, что одинъ изъ господъ хотѣлъ подойти къ ней. Страхъ обиды и насмѣшки, безотчетнѣй страхъ одичалаго звѣрка и оскорбленнаго человѣка охватилъ Лушку, и она, ничего не видя передъ собой, бросилась въ сторону, растолкала толпу и пустилась бѣжать. Она слышала сзади себя веселый, дружный хохотъ, и этотъ хохотъ, точно кнутомъ, гналъ ее впередъ.

Солнце уже садилось. Было жарко и томительно душно. Къ ночи ждали грозы. На востокѣ растянулась тяжелая черная туча. Небо было еще ясно, но уже кое-гдѣ показались зловѣщіе «барашки».

Отъ села до Лушкиной деревни считалось верстъ пять-шесть. Лушка бросилась бѣжать прямо лугомъ, не разбирая ни кочекъ, ни оврагов. У нея въ ушахъ звенѣлъ оскорбительный веселый хохотъ: гдѣ-то близко тянулъ за душу тоскливый, назойливый плачъ. И чѣмъ скорѣе бѣжала она, тѣмъ упорнѣе и надоѣдливѣе этотъ плачъ становился.

— Да замолчи ты! И безъ тебя тошнехонько!— со слезами и горемъ крикнула Лушка и бросила ребенка на землю.

Тотъ заоралъ во все горло. У Лушки въ гла

захъ потемнѣло; неистовая, дикая злоба схватила ее, и она, какъ бѣшеная, набросилась на ребенка.

— Поганый! Поганый! «Пянька»! Черти!— кричала она, рыдая во все горло и колотила Федьку по головѣ, по лицу, по груди, по чему только попадалъ ея маленькій, но сильный кулакъ.

Глаза у нея блестѣли, кровь прилила къ головѣ, ноздри раздулись. Она ничего не сознавала, и только крики Федьки раздирали ей сердце и раздражали ее до неистовства. И она, точно желая убѣжать отъ этихъ криковъ, какъ убѣжала отъ хохота, схватила ребенка, крѣпко прижала его голову къ своей груди и опять понеслась по лугу. Трава попадала ей между пальцами босыхъ ногъ; Лушка спотыкалась о кочки, падала, вскакивала и бѣжала снова, все крѣпче и сильнѣе прижимая къ себѣ Федьку.

Мальчикъ замолкъ. Лушка остановилась, оглянулась кругомъ, и ей сдѣлалось жутко. Поле было все розовое, тихое, благоуханное. Гдѣ-то высоко, на одномъ мѣстѣ, вился жаворонокъ и заливался звонкою, счастливою пѣсней. Дальше—второй, третій. Пахло медомъ. Лушка осмотрѣлась кругомъ: просторъ, тишина, какой-

то жуткій покой; она взглянула наверхъ: надъ-ней висѣла необъятная крышка неба, съ розовыми, причудливыми облаками и огромной черной тучей на краю. Лушка вся задрожала и взглянула на «братца». Онъ уставился на нее стекляными глазками; раскрытыя губы полиловѣли, на лицѣ легли темныя тѣни. Дѣвочка поблѣднѣла, какъ полотно, и припала губами къ открытому рту ребенка.

Федька ужъ не дышалъ.

ГОРЕ.

I.

— Мама! Опять?

— Что «опять»? Что «опять»?!

Дѣвушка укоризненно покачала головой и стала снимать платокъ, повязанный сверхъ теплой шапочки. Мать суетливо топталась на мѣстѣ, точно желая помочь ей.

Маленькая комната тускло освѣщалась дешевой, висячей лампой. На столѣ, покрытомъ мятой сѣрой скатертью, кипѣлъ самоваръ и стоялъ приборъ

— Проголодалась небось?—заискивающимъ тономъ обратилась мать къ дѣвушкѣ.

Та ничего не отвѣтила. Мать, робко взглядывая на нее, постояла немного на мѣстѣ и, точно вспомнивъ что-то, побѣжала въ кухню.

— Покушай, родная!—сказала она, возвращаясь, и поставила на столъ котлету и огурецъ.

Дѣвушка сидѣла, закрывъ лицо руками.

— Устала, бѣдненькая?—спросила ее мать, низко склонившись надъ ней.

— Оставь, мама... Противно! Пахнетъ!

— Грѣшно тебѣ, Катя...—грустно проговорила мать и отошла къ самовару.

Глаза ея возбужденно бѣгали, щеки въ красныхъ жилкахъ горѣли, руки дрожали. Она поминутно взглядывала на дочь виноватыми и тревожными глазами. Та сидѣла, уставившись взглядомъ въ одну точку; губы ея замерли въ горькой улыбкѣ

— Ты покушай, милая... уморилась вѣдь...—робко обратилась къ ней мать.

— Мама! Неужели ты опять?!.. А честное слово? А обѣщанія? А клятвы?

— Съ чего ты взяла?—добродушно проговорила мать.—Ничего нѣтъ ..

— Не лги! Не лги, мама,—страстно перебила ее дѣвушка.—Меня не обманешь .. какъ вошла, вижу! А клялась съ образомъ!!. Вѣрующей себя называешь!..

— Да ты очумѣла, что ли?—вдругъ, выйдя изъ терпѣнія, завизжала мать.—Да Какъ ты смѣешь такъ говорить со мной? А?! Яица курицу учатъ!!. Что хочу, то и дѣлаю!.. Гувернантка нашлась!..

Дѣвушка быстро вскочила и пошла къ себѣ въ комнату. Мать продолжала ворчать ей вслѣдъ.

II.

— Катя, ты?—послышался въ темнотѣ шепотъ.

— Не спишь, Манька?

— Тебя ждала... Приди сюда, милуша. . Мнѣ сказать тебѣ надо...

Катя ощупью пробралась въ темнотѣ и опустилась на кроватку сестры.

— Спи, маленькая... Поздно.

— *Она* опять, Катя!—съ ужасомъ прошептала дѣвочка —Опять! Я вижу, что она шумная, безпокойная... Не такая, какъ была эти дни... Я сейчасъ искать!..

— Нашла?

— Да... въ божничкѣ... За «Казанской»...

— Кто принесъ?

— Сама ходила...

— Что ты?! .

— Да... Авдотья сказала... Она пришла ко мнѣ и говоритъ: а у насъ Анна Степановна-то опять «тово»...

— Господи! — съ отчаяніемъ воскликнула Катя.

— Да ты не плачь, Котикъ... Не плачь, милуша...

Маня присѣла на кроваткѣ, обвила худыми, голыми ручками шею сестры и стала губами искать ея глаза.

— Соленькія! — по-дѣтски, торжествуя, что ея догадки подтвердились, прошептала Маня; но сейчасъ же прибавила серьезно и наставительно:—Ну, чего плакать? Горбатаго могила исправитъ.. Себя только разстроишь... Слезами не помочь...

— Спи, Манька... Пора... Поздно...—строго проговорила старшая сестра и, не раздѣваясь, бросилась на диванъ.

Неужели опять начинается прежнее, опять наступаетъ борьба съ этимъ ужаснымъ, «постыднымъ» несчастьемъ? Катя глухо застонала, уткнувшись лицомъ въ подушку.

И когда *это* началось? Должно быть, вскорѣ послѣ смерти отца... Семь лѣтъ уже... Мать осталась съ двумя дѣвочками: старшей было тринадцать, второй четыре года .. Ни средствъ, ни родныхъ, ни поддержки... Она много плакала, заболѣла.. Доктора признали малокровіе, дурное питаніе, предписали для поддержанія силъ пить если не рюмками, то хоть чайными лож-

ками — крѣпкое вино... Да, съ этого и началось. Анна Степановна сама такъ говорила. Стала она замѣчать, что каждая рюмка облегчаетъ ей горе, стушевываетъ его контуры, обволакиваетъ все пріятною легкою дымкой.

— Ты уйдешь, бывало, въ гимназію,—повѣдала она старшей дочери въ одну изъ минутъ раскаянія.—Манька на дворѣ играетъ... Тоска мнѣ адская... Подойду къ шкафчику... Ну, и поспокойнѣе стану.. А потомъ опять потянетъ .. Силъ-то бороться и нѣтъ... А главное, думаю: кого я обижу этимъ? Развѣ грѣхъ?.. Преступленіе?

III.

Анна Степановна и сама не помнила, какъ она перешла съ мадеры на водку. Должно быть потребность увеличивалась, а мадера была не по средствамъ, только Катя помнитъ уже водку. Сколько горя, слезъ и стыда дала ей эта бѣлая стеклянная бутылка! Не сосчитать, не разсказать! . Теперь и живется, сравнительно, легче; прежней нищеты нѣтъ. Катя приноситъ въ домъ около сорока пяти рублей, бѣгаетъ по урокамъ безъ устали, только бы облегчить жизнь матери... Она любитъ ее больше всѣхъ на свѣтѣ,

ничего ради нея не пожалѣетъ, жизнь отдастъ, лишь бы не видѣть этихъ ужасныхъ, красныхъ жилокъ на щекахъ, этихъ страшныхъ стеклянныхъ глазъ... Она отлично помнитъ, когда стала замѣчать ихъ... Бывало, въ младшихъ классахъ гимназіи, уже весь послѣдній часъ уроковъ, у Кати прыгало отъ радости сердце, что она сейчасъ увидитъ маму и Маньку. Мать всегда приходила за Катей и дѣвочка гордилась ею передъ товарками, гордилась ея красотой, ея умомъ, ея милымъ, привѣтливымъ обращеніемъ съ гимназистками. И свою гордость и восхищеніе матерью она передала подругамъ; онѣ окружали Анну Степановну и съ восторгомъ повторяли ея милыя и ласковыя шутки. Катя была счастлива, что подруги такъ любятъ ея маму и безъ устали могла имъ разсказывать про нее: какъ она была первой учинцей въ одномъ изъ извѣстныхъ пансіоновъ на югѣ, какая она была удивительная красавица, какъ она всѣмъ нравилась, какъ она не захотѣла выйти замужъ за милліонера и предпочла ему умнаго, очень умнаго человѣка, но безъ всякихъ средствъ... Катя мало знала отца. Она почти его не видала, гдѣ онъ проводилъ дни и вечера она не спрашивала и—главное - не интересо-

*

валась даже, такъ ей казалось естественнымъ, что отца никогда не было дома. Уже позднѣе она поняла, какъ онъ работалъ для семьи, какъ разстроилъ здоровье, какъ тяжела была его ранняя кончина для матери. Для Кати же его смерть сказалась только въ томъ, что послѣ болѣе или менѣе обезпеченнаго житья пришлось перейти на холодъ и голодъ, и она страдала, видя, какъ убивается мать. Уже съ пятнадцати лѣтъ Катя стала работать, чтобы помогать ей. Сначала она приносила домой рублей пять въ мѣсяцъ, потомъ больше и, мало-по-малу, стала главной поддержкой семьи. Ей—главное—чтобы мамѣ не биться, какъ рыбѣ объ ледъ, чтобы забыть невзгоды прежнихъ лѣтъ...

— Лёгко-ли?— начнетъ вспоминать Анна Степановна и разсказывать Катѣ со своимъ южнорусскимъ акцентомъ.— Привыкли жить хорошо, сыто... А тутъ посадили на двадцать семь рублей пятьдесятъ копѣекъ! . Двѣ дѣвочки! Обуть-одѣть надо! На ноги поставить... Да чтобы никто не видѣлъ всей нищеты, всего горя, чтобы дѣтей кто-нибудь не оскорбилъ... «Нищіе»! Развѣ мало такъ глумятся? Развѣ не ужасъ это?..

Катѣ припоминается очень ясно, какъ чувство радости въ послѣдній часъ уроковъ мало-

по-малу перешло въ чувство страха. Уже въ старшихъ классахъ гимназіи сердце ея не прыгало отъ счастья, что она сейчасъ увидитъ мать, а замирало отъ ужаса: какая-то придетъ мама,—хорошая, или?.. Она даже про себя не смѣла сказать «пьяная». И чувство гордости передъ подругами совершенно заслонилось другимъ чувствомъ: чувствомъ стыда за мать Она торопилась одѣться, уйти скорѣе изъ гимназіи, чтобы не замѣтили «какая мама», чтобы не дать ей времени сказать лишнее, вызвать насмѣшки...

Катя боялась признаться даже самой себѣ, что стыдится матери. Она долго не рѣшалась сказать ей, что замѣчаетъ ея «постыдную страсть».

IV.

Чѣмъ дальше, тѣмъ все шло хуже. Послѣдніе два-три года это страшное горе сводило Катю съ ума. Она и просила мать, и стыдила, и совѣтовалась съ докторами... Ничего!.. Въ послѣдній разъ—недѣль пять тому назадъ,—мать плакала, кляла себя, давала честное слово, что «броситъ поганую водку», наконецъ подошла къ образамъ, взяла Казанскую Божію Матерь и торжественно поклялась не пить. Катя и теперь

не можетъ вспомнить этой сцены безъ дрожи. Даже Маня заплакала, хотя до того дня «сороковушка» была для нея нѣкотораго рода развлеченіемъ. Во-первыхъ, ей нравилось, когда мама веселенькая, а во-вторыхъ, исканіе бутылки стало для нея какимъ-то спортомъ. Лишь только она замѣчала, что у мамы «глазки стеклянные»,—она сейчасъ же бѣжала въ ея комнату и торжественно выставляла бутылку на видное мѣсто. Между нею и матерью шла постоянная, нѣмая борьба. Анна Степановна, сознавая себя виноватою передъ дѣтьми, не смѣла бороться открыто. Она только напрягала все свое воображеніе, чтобы получше спрятать бутылку: подкладывала ее подъ перину, засовывала въ башмакъ, закалывала въ рукава платьевъ, висѣвшихъ въ шкафу. Шустрая Маня вездѣ находила ее и съ торжествомъ докладывала Катѣ, какъ только та приходила съ уроковъ:

— Во второмъ ящикѣ, въ комодѣ.. Подъ рубашками.. бывало шепнетъ она сестрѣ

У Кати вся кровь прихлынетъ къ сердцу. И горько, и стыдно, и страшно взглянуть на мать.

— Гдѣ же она? спроситъ Катя сестренку.

— Спитъ! «Просвѣжается», какъ говоритъ Авдотья. Тебя, Катя, боится... Страсть! А ка-

кая она сегодня была чудна̀я! Потѣха! Ужъ говорила, говорила безъ конца... И тебя хвалила, и папу до небесъ возносила, и свою молодость вспоминала, какъ она съ папой въ итальянскую оперу ѣздила... Да вдругъ какъ запоетъ! Патти представлять начала... Авдотья даже на полъ сѣла отъ хохоту... Вотъ умора!

— И ты смѣялась?

Дѣвочка не отвѣтила.

— Маня! Помни:—грѣхъ смѣяться надъ матерью.

— Катюша, вѣдь не утерпишь! И ты-бы разсмѣялась! Ужасно потѣшно... А то Авдотья говорила,—ей нашъ лавочникъ разсказывалъ,—она вчера въ мясной, къ кухаркѣ одной пристала... Народъ собрался...

— Оставь, Маня! Что ты говоришь? Сама не понимаешь...

И дѣйствительно, дѣвочка не понимала, отчего такъ убивается сестра. Маня знала, что Катю огорчаетъ ея дружба съ Авдотьей,—да съ кѣмъ же ей разговаривать, когда сестра на урокахъ, а мама... Маня старалась отвыкнуть отъ словечекъ, взятыхъ ею у кухарки, помнила, что не надо захлебываться, когда говоришь, что она переняла у Авдотьи и что огорчало Катю.

Но изъ-за чего же такъ горевать? Она не знала. И только, когда пять недѣль тому назадъ она увидѣла, какъ мать горячо и искренно потрясала въ воздухѣ образомъ Божіей Матери, какъ горько плакала Катя у ногъ мамы,—только тутъ поняла Маня ихъ горе и прониклась имъ. Оттого она съ такимъ ужасомъ увидала сегодня, что послѣ пяти недѣль тихой грусти на Анну Степановну напала прежняя шумливость и возбужденность.

Дѣвочка пробралась въ ея комнату, вездѣ переискала, перешарила всюду и когда, случайно взглянувъ на кивотъ съ образами, увидала изъ-за «Казанской» бѣлое стеклянное горлышко,—она вся затрепетала отъ ужаса и отчаянія.

V.

Манѣ не спалось. Она слышала, какъ тяжело вздыхала сестра, знала, какъ страдаетъ она, и не смѣла окликнуть ее. Что она скажетъ ей? Теперь она сама знаетъ, что если мать пьяница—это горе! большое горе! Еще недавно ей казалось забавнымъ, когда у мамы языкъ заплетался и вмѣсто одного слова выходило другое. Маню это только смѣшило. Сегодня же—нѣтъ

Когда кухарка подмигнула ей, показавъ на мать и какъ-то щелкнула себя въ шею, Маню охватило чувство такого стыда, что хоть сквозь землю провалиться. Отчего такъ стыдно? Маня не могла себѣ объяснить... А ужасно стыдно... и жалко... Мамку противную жалко... Да и Катю тоже... Какъ она радовалась все это время, какъ ухаживала за мамой, точно за маленькой... Еще вчера ей клюквы въ сахарѣ принесла.

— Катюша!—не могла не прошептать дѣвочка, такъ все ея маленькое сердце переполнилось нѣжностью и жалостью къ сестрѣ.

Катя молчала. Она лежала уткнувшись лицомъ въ подушку, точно хотѣла подальше запрятаться отъ своего горя.

«Пьяная! Пьяная! проносилось въ ея головѣ. Господи! Опять!.. Только что успокоились, вздохнули легко... И опять! Гдѣ же исходъ? гдѣ конецъ? Лучше бы похоронить. Тамъ горе открытое; нечего стыдиться, нечего прятать... Можно плакать, можно всѣмъ признаться, отъ чего плачешь... А тутъ?!.. Господи! Хоть бы умерла!»

Катя вся задрожала отъ этой мысли и стала прислушиваться къ шуму въ сосѣдней комнатѣ. Мать громко перемывала чашки и, ворча себѣ подъ носъ, со стукомъ устанавливала ихъ въ

шкафъ. У Кати сердце забилось отъ безсознательной радости, что «все таки» мама здѣсь, близко.

«Похоронить.. » продолжала она свои мысли. «Ни за что! Лучше самой умереть».

Дверь тихо пріотворилась и Анна Степановна стала осторожно пробираться въ свою комнату. Ея спальня была отгорожена деревянной перегородкой отъ комнаты дочерей.

— Уснула... Грубіянка!—ласковымъ тономъ, нетвердо проговорила себѣ подъ носъ Анна Степановна.

Сердце Кати опять вздрогнуло отъ нѣжности къ матери, къ «бѣдной, несчастной мамѣ», которую она такъ жестко обидѣла. Но что же ей дѣлать? Не можетъ она справиться съ собой. Такъ много перестрадала она отъ этого горя, что одинъ запахъ водки доводитъ ее до отчаянія, до злобы непримиримой. Ей даже самой странно, какъ она, такъ нѣжно любящая маму, можетъ быть съ ней такою жесткой. Не ней мать—она никогда бы въ жизни ничѣмъ ее не обидѣла. Какъ хорошо, ласково жили онѣ эти пять недѣль. Мама сама умоляла не давать ей пить, радовалась, что «человѣкомъ» стала, шутила надъ собой. Еще вчера, уходя на весь день, на уроки, Катя шутя сказала ей:

— Memento mori, мама!

— А я знаю, что это значитъ,—хитро отозвалась младшая сестренка.

— Ну, что? Скажи..

— Я знаю!..

— Скажи, если знаешь...

Маня приподнялась на носкахъ до уха Кати и стыдливо прошептала ей:

— Не пей водки...

Весь вечеръ онѣ втроемъ добродушно смѣялись надъ «классическимъ образованіемъ» Маньки.

А сегодня опять!..

VI.

За перегородкой ходили. Катя насторожила уши. Мать тихо подошла къ двери и заперла ее на задвижку. Потомъ все смолкло, точно кто-то замеръ у двери. Черезъ минуту послышались нерѣшительные шаги, что-то скрипнуло, стукнуло стекло.

— Катя! Слышишь? Буль-буль-буль...—прошептала Маня. Опять прикладывается!

— Спи, Манька... Не твое дѣло!—строго выговорила сестра.

Но Манѣ было не до сна. Она слышала каждый вздохъ своей Кати, слышала какъ она, послѣ своего строгаго окрика, залилась горькими слезами.

— Противная! противная мама! Зачѣмъ мучаетъ Катю? Устала на урокахъ, а спать не можетъ... Точно мама этого не знаетъ, не понимаетъ... Право странно! И что за радость въ водкѣ?.. Горькая!.. Гадость!.. Бѣдный Котикъ...

Ей неудержимо захотѣлось броситься къ сестрѣ, прижаться къ ней, разцѣловать, утѣшить. Но она не смѣла. Еще больше разстроишь...

За дверью слышно было несвязное бормотанье и вздохи. Аннѣ Степановнѣ тоже не спалось.

Такъ прошло съ полчаса. Катя затихла и опять отдалась своимъ думамъ:—нѣжнымъ и горькимъ; а слезы сами собою катились на мокрую подушку.

Анна Степановна шумно ворочалась съ боку на бокъ, возбужденно приговаривая какія-то несвязныя слова. Манька лежала широко раскрывъ глаза, вся поглощенная тѣмъ, что теперь чувствуетъ и о чемъ думаетъ Катя. Вдругъ за стѣной опять застучали стекломъ, опять послышалось бульканье.

— Еще! Еще! — съ ужасомъ прошептала Маня.

Съ ночнаго столика матери что-то упало и разбилось.

— А-ахъ!—со стономъ вырвался крикъ изъ груди Кати.

Маня въ одну секунду была у дивана, гдѣ лежала сестра.

— Катя! Испугалась? Воды? вся дрожа своимъ худенькимъ тѣльцемъ,—спросила Маня.

— Ахъ! Ахъ! Ахъ!—кричала Катя.

Грудь ея стягивали спазмы; слова не вылетали изъ горла.

Маня дрожащими руками зажгла свѣчу, налила воды, съ озабоченнымъ видомъ помочила виски сестры и, ставъ на колѣни у ея изголовья, почти силой напоила ее.

— Котикъ! Милый! Не плачь!—приговаривала она, цѣлуя руки сестры.—Ради Бога, не плачь! Катя!.. Ну, ради Бога!.. Катя!..

Долго сдерживаемыя рыданія вырвались изъ груди Кати съ такой силою, что она уже не могла подавить ихъ. Она плакала до крика, до боли въ груди, не сознавая, что вокругъ нея дѣлается.

VII.

Когда она пришла въ себя и открыла глаза,—у ея подушки стояла на колѣняхъ блѣдная Маня, а рядомъ съ диваномъ, на стулѣ сидѣла мать. Ея рано посѣдѣвшіе волосы висѣли клочьями, стеклянные глаза смотрѣли безсмысленно, голыя, худыя руки безпомощно висѣли по бокамъ. Она была въ одной рубашкѣ.

— Мама!—могла только выговорить Катя, придя въ себя.

Но въ голосѣ ея зазвучало такое отчаяніе, что Маня вскочила съ колѣнъ, взяла мать за руки и потащила со стула.

— Уходи, мамочка... Уходи! Изъ-за тебя все!..

Мать привстала, покачнулась и опять грузно опустилась на стулъ.

— Пьяница!—вырвалось у Кати.

Маня съ ужасомъ взглянула на сестру.

— Ну, да, пьяница! Да! Пьяница!—сжавъ зубы и, едва произнося слова, повторяла мать.—Что-жъ? Бейте меня, дѣтки милыя! Того не доставало! Пьяница!.. Ну, казните!. Выпила!..

— Мама! Пойдемъ!—уговаривала ее дѣвочка.

— Выпила!.. И буду пить!—продолжала несвязно бормотать Анна Степановна. — И не смѣете запретить... Что выдумали?.. Не пей!.

Дура, послушалась!.. Богъ знаетъ что?! . Пьяница!.. А все-таки я вамъ мать!.. все-таки...

— Мамочка! Да пойдемъ же, приставала къ ней Маня, напрягая послѣднія силенки, чтобы поднять мать со стула.

— П-шла!—крикнула на нее Анна Степановна.—Куда конь съ копытомъ, туда и ракъ съ клешней... Пьяница!.. И буду пить! Буду!.. Я васъ не обижаю?!.. Не обп-жаю!.. А вы меня обижаете... И этотъ клопъ туда же.. замучитъ меня... Куда ни спрячу—найдетъ!.. Да какъ вы смѣете?!. Пьяница!.. Вотъ умру и пьяницу пожалѣете!..

— Нѣтъ!—рѣшительно вскрикнула Катя, садясь на диванѣ. — Смерть лучше! Мертвые срама не имутъ!

Анна Степановна вдругъ поднялась со стула, закачалась и медленно опустилась на полъ у ногъ Кати.

— Да! знаю! —прошептала она.

Крупныя, свѣтлыя капли тихо поползли по ея морщинистымъ щекамъ.

— Знаю!

Въ комнатѣ стало тихо. Никто не шевельнулся.

— Знаю! — повторила Анна Степановна.— Срама не имутъ! Да какъ умереть, когда смерть

не приходить? Пьяница!.. Дѣтки!.. Простите вы меня!.. Христа ради, простите!

Она обливала слезами Катины руки и заплетающимся языкомъ продолжала:

— Знаю! Виновата передъ вами... Страшно виновата! Срамлю васъ! Себя срамлю!.. Пьяница! А не могу! Не справиться съ собой! Тянетъ, мучитъ! Убейте меня, а не отнимайте... Я такая несчастная! Такая несчастная!

Катя подняла ея голову руками и близко взглянула ей въ глаза. Изъ нихъ глянуло на нее такое отчаяніе, въ отвисшихъ губахъ было столько безпомощнаго горя, что дѣвушка опять зарыдала, прижимая эту дорогую ей голову къ своей груди.

— Мама! мама!—только повторяла она

— Смэрть!.. Умерла бы! Двадцать разъ рѣшалась! Веревка и теперь подъ матрасомъ... Жалко!.. Васъ жалко!.. Увижу ли тамъ-то?.. Жалко разстаться съ вами, дѣточки!.. Знаю, вамъ безъ меня лучше будетъ... Что я?!.. Пьяница!

— Мама! Прости! Я сама не знаю, какъ сказала!..

— Вѣрно сказала! Пьяница! Помоги умереть!.. И это вѣрно сказала: смерть лучше! Срама не имутъ!

— Мама! Да прости же! Я сказала это отъ горя, отъ отчаянія, отъ любви къ тебѣ!.. Забудь, мама!

— Ну вотъ, я на колѣняхъ передъ вами, дѣти!—вдругъ выпрямляя спину, точно преслѣдуя свою мысль, торжественно проговорила Анна Степановна.—На колѣняхъ прошу у васъ прощенія!.. Казните или милуйте!.. Пьяница!.. Надо умереть!.. Силъ нѣтъ!.. Помогите умереть, дѣточки!.. Помо...

Языкъ совсѣмъ отказался повиноваться ей и она, окончательно опьянѣвшая, ткнулась головой въ колѣни Катѣ.

— Ты жить будешь, мама! Жить! Я для тебя работать буду! Всю жизнь отдамъ тебѣ! Мама! Милая!—говорила Катя, поднимая руками голову матери и цѣлуя ее въ глаза, въ щеки, въ губы...

Анна Степановна въ полудремотѣ лепетала несвязныя слова. Катя выпустила ея голову и она упала къ ней на колѣни.

Манька сидѣла на кровати, вся съежившись въ комочекъ, и съ безконечнымъ страданіемъ смотрѣла, какъ сестра обливала слезами растрепанную голову заснувшей мамы.

СЧАСТЬЕ.

Низко опустивъ голову и заложивъ руки за спину, Иванъ Александровичъ Марковъ шагалъ по набережной Мойки. Сухой морозный воздухъ былъ особенно пріятенъ ему, послѣ душнаго кабинета ресторана, гдѣ онъ только что провелъ три часа.

— Три часа сидѣнья за столомъ, за ѣдой, за питьемъ, въ табачномъ дыму, проговорилъ про себя Марковъ. И имъ весело!.. И все пьютъ за что нибудь хорошее: за прогрессъ, за науку, за искусство, за счастье...

Счастье! Въ послѣднее время Ивану Александровичу почему-то чаще и чаще приходила мысль о счастьи. Въ сущности его жизнь шла попрежнему: очень многіе цѣнили его, нѣкоторые даже любили, ему какъ и прежде завидовали, его лекціи попрежнему собирали громадную аудиторію и молодежь шла къ нему съ

довѣріемъ и съ нѣжнымъ почтеніемъ. Это обязывало его работать и неустанно идти впередъ, и онъ работалъ охотно, хотя не такъ радостно, какъ прежде.

Когда забралось къ нему въ сердце это настроеніе тихой грусти и томленія своимъ одиночествомъ—онъ не знаетъ. Можетъ быть во время послѣдней болѣзни, когда онъ, лежа одинъ въ своей холостой квартирѣ и ожидая смерти, хотѣлъ подвести итоги своему существованію. Полвѣка прожито имъ въ неустанной борьбѣ, въ стремленіи къ высшимъ задачамъ и цѣлямъ, въ любви къ ближнему и искренней жаждѣ быть полезнымъ родинѣ. Чего же достигъ онъ? Гдѣ результатъ его безсонныхъ ночей, его трепетнаго исканія правды и справедливости? Онъ работалъ цѣлыми днями, работалъ бодро и любовно и не замѣчалъ себя, своей жизни. Но въ длинныя безсонныя ночи къ нему подползала и становилась у изголовья горькая жалость къ себѣ, къ прожитымъ годамъ. . Кругомъ онъ видѣлъ женатыхъ людей, жившихъ для себя и для своей семьи и находившихъ въ этомъ смыслъ жизни. Можетъ быть и у нихъ были свои несчастья и свои печали, но не было той тяжелой, гнетущей тоски, которую ведетъ

за собой одиночество. Иванъ Александровичъ видѣлъ уже ясно, что ему такъ и придется кончить жизнь одинокимъ. Почему? И въ молодости, да и позже—до самаго послѣдняго времени—у него были самыя разнообразныя и искреннія отношенія съ женщинами, но никогда не было вопроса о женитьбѣ. У него всегда были слишкомъ серьезныя требованія къ браку, и въ послѣднее время онъ сталъ раскаяваться въ этомъ. Сердце просило заботы о комъ нибудь, томилось тѣмъ, что о немъ самомъ некому было заботиться. Марковъ не любилъ носиться съ собой, со своими печалями; онъ даже не любилъ думать о себѣ. Но сегодня ему было какъ-то особенно грустно и онъ, подъ скрипъ сухого снѣга, отдался своимъ думамъ. За что обрекъ онъ себя на вѣчное одиночество? Почему не устроилъ себѣ гнѣзда, не связалъ своей жизни съ другой жизнью? Мѣшала совѣсть?.. Всегда, во всѣ вопросы замѣшивалась она, эта совѣсть, и отравляла счастье.

Счастье! опять повторилъ онъ, точно вслушиваясь въ звукъ этого слова. Да гдѣ оно и въ чемъ оно?

Сегодня, тамъ, за столомъ въ ресторанѣ пили за счастье и чокались съ молодымъ художни-

комъ Трубчинскимъ. И онъ такъ радостно и искренно отвѣчалъ на этотъ тостъ, что не могло быть и сомнѣнія въ томъ, что онъ счастливъ. Марковъ зналъ его еще безбородымъ юношей, ученикомъ академіи художествъ, когда онъ пылалъ любовью къ искусству, благоговѣлъ передъ образцами его, молился на старыхъ мастеровъ. Потомъ Иванъ Александровичъ зналъ его начинающимъ художникомъ, «подающимъ большія надежды», давалъ ему совѣты, бесѣдовалъ съ нимъ о задачахъ искусства.

Одну зиму Трубчинскій чуть не каждый вечеръ заходилъ къ Маркову для «обмѣна мыслей», для бесѣдъ о своихъ замыслахъ. Онъ тогда задумалъ написать цѣлый рядъ картинъ изъ «Фауста». Старыя темы, трактованныя совершенно «по своему», очень интересовали Маркова и онъ съ удовольствіемъ вспоминалъ, какъ онъ разъ проговорилъ съ Трубчинскимъ всю ночь, до семи часовъ утра, о великомъ твореніи Гете. Послѣ этого явилась большая картина Трубчинскаго, надѣлавшая очень много шуму. Старикъ Фаустъ съ пуделемъ, идущимъ по его пятамъ, производилъ жуткое впечатлѣніе. По замыслу, по настроенію, по общему тону картина настолько выдѣлялась изъ всей выставки,

что Иванъ Александровичъ и до сихъ поръ видѣлъ ее передъ собой. А самого художника онъ какъ-то потерялъ изъ виду. Сначала онъ вспоминалъ о немъ, ждалъ его слѣдующихъ картинъ, о которыхъ было такъ много бесѣдъ между ними, а потомъ мало по малу совсѣмъ забылъ о Трубчинскомъ и только сейчасъ сообразилъ, что онъ не видалъ его вещей на послѣднихъ выставкахъ. Кто-то говорилъ, что молодой художникъ женился по любви на какой-то княжнѣ, разсказывалъ что-то про его семейную жизнь, но Марковъ уже не интересовался имъ.

Сегодня за обѣдомъ, когда пили за «счастье» и стали чокаться съ Трубчинскимъ—Маркову вспомнился разсказъ о его женитьбѣ, о томъ, какъ жена обожаетъ его, какъ они живутъ дружно и весело, и вдругъ опять въ сердцѣ заныло больное чувство тоски и одиночества и Марковъ быстро ушелъ изъ ресторана.

Онъ шелъ, склонивъ низко голову и заложивъ руки назадъ, точно бѣжалъ отъ кого-то. Ему хотѣлось, какъ можно скорѣе быть дома, въ своей рабочей комнатѣ за большимъ письменнымъ столомъ съ книгами и бумагами.

— Иванъ Александровичъ! вдругъ услыхалъ онъ сзади себя.

Марковъ оглянулся. Его догонялъ Трубчинскій. Шуба, накинутая на плечи, развѣвалась во всѣ стороны, высокая бобровая шапка сдвинулась на затылокъ.

— Иванъ Александровичъ! Ради Бога, минутку.. едва могъ выговорить онъ

«Онъ пьянъ!» пронеслось въ головѣ Маркова и онъ пристально посмотрѣлъ на Трубчинскаго Тотъ былъ блѣденъ и взволнованъ, но шелъ увѣреннымъ шагомъ трезваго человѣка.

— Иванъ Александровичъ! опять почти вскрикнулъ Трубчинскій Почему вы такъ на меня посмотрѣли? Почему?

— Когда?

— Тамъ... Когда пили за счастье... Вы чокнулись со мной и такъ посмотрѣли... Ужасно!..

Марковъ услыхалъ въ голосѣ художника такія ноты, что невольно остановился.

— Богъ съ вами, Трубчинскій... Что вамъ показалось?.. Я даже не отдаю себѣ отчета, почему я чокнулся съ вами, когда пили за счастье...

— Потому что всѣ чокались... Потому что — кто же кромѣ меня тамъ счастливецъ?.. У всѣхъ горе, у всѣхъ невзгоды, у одного меня безоблачное счастье!..

И онъ такъ странно засмѣялся, что Марковъ опять пристально посмотрѣлъ на него. Правильное лицо, опушенное свѣтлой бородкой, бѣлый лобъ, блестѣвшій изъ-подъ бобровой шапки, молодая стройная фигура въ красивой черной шубѣ говорили о довольствѣ и счастьи. А въ голосѣ слышались горе и злоба.

— Я право случайно... началъ было Марковъ, но Трубчинскій перебилъ его.

— Вы знаете, Иванъ Александровичъ, если бы не вы,—мнѣ все равно... Но вы... Вѣдь вы всего меня перевернули... До знакомства съ вами, что я писалъ? Пустяковину всякую! Вы дали мнѣ совсѣмъ другіе замыслы; вы заставили меня полюбить Фауста, потому что объяснили мнѣ его... Вы показали мнѣ эту борьбу отрицательнаго начала съ положительнымъ, которая пронизала всю жизнь человѣчества и я понялъ *что* такое Фаустъ и *что* такое Мефистофель и думалъ... Какое думалъ,— былъ увѣренъ, что съумѣю все это передать на полотнѣ... И вотъ что вышло!

Марковъ видѣлъ, что ему нельзя оттолкнуть Трубчинскаго и постарался успокоить его.

— Знаете что, сказалъ онъ. Пойдемъ ко мнѣ, попьемъ чайку, потолкуемъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, вдругъ какъ-то виновато заговорилъ художникъ.—Меричка ждетъ меня... Не могу я...

— Какая Меричка?

— Какъ? Вы не знаете? Меричка? А какъ же вы пили за счастье? Меричка—это мое счастье-то и есть...

— А!.. Я не зналъ, тихо сказалъ Марковъ.

— Не знали?. точно удивился Трубчинскій. Не знали?.. А я думалъ всѣ знаютъ, всѣ завидуютъ, всѣ удивляются.. Помните мою картину—Фауста съ пуделемъ?

— Какъ не помнить?!

— Вѣдь тогда меня сразу въ таланты записали. Чего—чего не говорили про меня! И я всему вѣрилъ... Вдругъ посыпались заказы, приглашенія и я все принималъ, какъ должное...

— И имѣли право... Я какъ сейчасъ вижу картину передъ собой. Вещь серьезная!.. Масса настроенія... Пудель производитъ до того жуткое впечатлѣніе, что я и сейчасъ переживаю его...

Какой-то глухой стонъ вырвался изъ груди Трубчинскаго. Марковъ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на него.

— Изъ-за этой картины все и вышло...

— Что вышло?

— Да все... Вотъ это счастье-то мое...

— И вы очень несчастны? просто и ласково спросилъ Марковъ.

— Несчастливъ? Что вы? У меня жена красавица, любитъ меня, я ее обожаю. Дѣвченка у насъ—херувимъ!.. Денегъ куча!.. Вотъ шубищу какую мнѣ теща подарила. Такая шуба, какая и не снилась нашимъ мудрецамъ, какъ сегодня сказалъ Свищовъ. . Онъ круглый годъ въ драповомъ пальто щеголяетъ...

И опять что-то въ родѣ стона вырвалось изъ груди Трубчинскаго.

Марковъ молчалъ. Онъ вспомнилъ, что на литературно-артистическомъ обѣдѣ, на который онъ попалъ сегодня случайно, было нѣсколько художниковъ и что они какъ будто держались въ сторонѣ отъ Трубчинскаго. Тамъ, въ ресторанѣ, онъ не придалъ этому никакого значенія, а теперь это могло ему объяснить настроеніе художника.

— Такъ помните ту выставку? Я каждый день бывалъ тамъ. Успѣхъ, похвалы... Точно въ чаду былъ... Вдругъ подходитъ Ефимовъ: «Трубчинскій! княжна Верейская хочетъ съ

вами познакомиться». Представили меня.. Смотрю:—Маргарита передо мной... Помните, какъ мы съ вами о ней говорили:—самоотверженіе, любовь.. Не знаю о чемъ я съ ней говорилъ, только помню, что ея мать меня къ себѣ пригласила: «Мери, сама рисуетъ, очень будетъ рада!..» Я, конечно, не замедлилъ... Пошли уроки рисованія, а за уроками—взгляды, вздохи... Ну, знаете, все какъ слѣдуетъ...

Онъ плотнѣе закутался въ шубу и продолжалъ:

— Княгиня прежде оставляла насъ вдвоемъ, а потомъ стала сама сидѣть за урокомъ. Мери это раздражало, меня смущало... Разъ я иду къ нимъ на урокъ, на улицѣ встрѣчаю княжну. . Она первая подошла ко мнѣ и заговорила: «Сергѣй Сергѣевичъ, я не могу больше такъ... При maman ни о чемъ нельзя говорить... Я къ вамъ ходить буду...» Я такъ удивился, такъ обрадовался, что тутъ же на улицѣ хотѣлъ ее поцѣловать... И она поняла мою радость и прямо, точно отвѣчая мнѣ, сказала: «А не отдадутъ, я убѣгу!..» И дѣйствительно, пришлось почти убѣжать... Княгиня только наканунѣ свадьбы простила и согласилась. Видѣла, что все равно ничего не сдѣлать... Но поставила условіемъ,

чтобы все было «какъ слѣдуетъ». Мы, конечно, съ восторгомъ согласились. Только бы обвѣнчаться! Послѣ свадьбы — voyage de noce на Ривьеру. Пріѣхали назадъ—все намъ готово: квартира, обстановка, казачекъ съ пуговками... Все «какъ слѣдуетъ»... У Мери карточки: Madame de Troubschinsky, neé princesse Vereisky... Мнѣ все равно было... Я ни на что не обращалъ вниманія. Все время въ дорогѣ мы съ женой говорили о будущей моей картинѣ, обсуждали въ какомъ платьѣ была Маргарита въ первую встрѣчу съ Фаустомъ. Мери согласилась мнѣ позировать и я рѣшилъ приняться за картину сейчасъ же по пріѣздѣ въ Петербургъ. Но сначала пошли визиты... У Мери полъгорода родныхъ и знакомыхъ... Къ двумъ часамъ пріѣзжала карета maman съ саженнымъ «выѣзднымъ», съ княжескими коронами и мы ѣздили отъ подъѣзда къ подъѣзду... Вначалѣ я пытался протестовать... Мери обижалась:

— Неужели ты не хочешь сдѣлать этой уступки для меня... Я же сдѣлала тебѣ уступку...

Она не говорила какую, но я догадывался... За визитами пошли семейные обѣды и вечера.. Вотъ эти вечера хуже всего. Правда?

Трубчинскій остановился и вопросительно посмотрѣлъ на Маркова.

— Не знаю, могъ только отвѣтить онъ.

— Не знаете?. Счастливый! Надо ѣхать куда-то въ двѣнадцатомъ часу ночи, садиться играть въ винтъ, ужинать и возвращаться домой не раньше трехъ... На другое утро—голова тяжелая и все не мило... Начнешь работать, жена не можетъ позировать—устала, надо подождать... А подмалевокъ сохнетъ... Дѣлаешь новый подмалевокъ... Опять: «мигрень, устала, надо куда-то ѣхать...» Опять снова... Вѣрите ли: я эту встрѣчу Фауста съ Маргаритой два года мусолилъ...

— Кончили все-таки?..

— Кончилъ,—угрюмо сказалъ Трубчинскій.

— Гдѣ же она?

— Теща купила... Говоритъ—лучшаго портрета Мерички не было у нея.., А Меричка была въ «такомъ положеніи»... У Маргариты лицо вышло немного одутловатое и съ тѣмъ особеннымъ взглядомъ, какой бываетъ у беременныхъ женщинъ. Мнѣ въ ней, т е. въ женѣ, это было особенно мило и пріятно, но вы понимаете, что это совсѣмъ не та Маргарита, о которой мы съ вами тогда до утра проговорили... «Невинна. хоть прекрасна»!.. На моей картинѣ вышло совсѣмъ не то.

— Вы не выставляли ее?

— Какое? Мнѣ стыдно... Я три года не выставлялъ... Знаете, все «подаю надежды» ..

И онъ опять засмѣялся горькимъ смѣхомъ, слитымъ съ какимъ-то вопленъ.

— И вѣдь главное, въ чемъ ужасъ-то: все думаешь, это сегодня мнѣ не работается... Усталъ... Вотъ завтра .. А завтра опять тоже...

Онъ замолчалъ. Марковъ заговорилъ первый

— Да вы собственно отчего не можете работать?

— Отъ счастья.

— Вотъ вздоръ!..

— Да! вздоръ! . И я все думалъ вздоръ... Счастье окрыляетъ.. Счастье даетъ энергію... Правда? Вздоръ! И въ этомъ весь ужасъ.. Не на что жаловаться... Некого проклинать...

Онъ опять замолкъ. Молчалъ и Марковъ. Снѣгъ звонко хрустѣлъ подъ ихъ ногами. Воздухъ былъ ясный, сухой. На небѣ весело мигали звѣздочки.

— Вонъ у Свищова жена ушла .. Горевалъ, головой объ стѣну бился, никого видѣть не хотѣлъ, уѣхалъ... Два мѣсяца просидѣлъ въ Финляндіи и какой «водопадъ» то привезъ?.. Видѣли на выставкѣ?.. Вѣдь волна такъ и хлещетъ изъ рамы...

— А вонъ Симеоновскій спился отъ того, что жена умерла...

— Бываетъ!.. И сопьешься... Вѣдь горе-то какое!..

И онъ искренно и тяжело вздохнулъ.

— Еслибы мою Мери отъ меня отняли—я и не знаю, что со мной было бы...

— Такъ на что же вы жалуетесь, Трубчинскій? строго сказалъ Марковъ.

— Я? Ни на что! Помилуйте, на что же мнѣ жаловаться? Я счастливецъ... Выслушайте вы меня, Иванъ Александровичъ, ради Бога выслушайте Вы все поймете... Я никогда еще такъ не говорилъ... Я счастливъ, да! и отъ этого страдаю... Какъ вамъ это объяснить? Меня любятъ... Жена разъ двадцать въ день подойдетъ, приласкаетъ и скажетъ: «я тебя обожаю... а ты?» «Я тебя боготворю»... И я не лгу... Ее нельзя не любить... нельзя не нѣжить, не баловать... Она окружила меня такой заботливостью, о какой я прежде и не слыхивалъ... Вѣдь знаете, мы всѣ какъ живемъ,—безпорядочно, во всѣхъ смыслахъ: сегодня позавтракаемъ, завтра—нѣтъ, сегодня обѣдаемъ въ пять часовъ, завтра—въ семь... Мери пріучила меня къ порядку необыкновенному: въ

часъ я долженъ быть за столомъ и съѣдать два блюда... Прежде я опаздывалъ; знаете: заработаешься, бросать жаль... Приду—сидитъ огорченная... Мнѣ больно, знаю что за меня безпокоится... Теперь-то я вышколилъ себя... Минуты не опоздаю...

И онъ опять усмѣхнулся горькимъ смѣхомъ.

— Какъ бы это мнѣ разсказать вамъ по порядку?.. Смѣшно жаловаться на счастье... Да я и не жалуюсь... Мнѣ хочется оправдаться передъ вами...

— Да въ чемъ? Въ чемъ оправдываться?..

— Вы, конечно, забыли... А я помню... Послѣ той моей картины «Фаустъ съ пуделемъ» сидѣлъ я у васъ.. Самоваръ, чай съ лимономъ, лампа подъ зеленымъ абажуромъ... Я все нутро вскрылъ передъ вами... Вы искренно заинтересовались моими замыслами и строго сказали мнѣ на прощанье: «смотрите, кому много дано, съ того много и спросится»... Много дано! Вы значитъ признавали, что мнѣ много дано...

— Еще бы! повторяю, что не забуду вашего Фауста .. прекрасный рисунокъ, сочное письмо, серьезное отношеніе къ сюжету, пониманіе его, изученіе деталей... Давай Богъ всякому...

— Куда же, куда все это ушло? Черезъ три

года—ничего не осталось!—страстно и горько проговорилъ Трубчицкій. Только рисунокъ остался... Да, рисунокъ у меня есть—суховатый, но правильный.. А письмо тусклое, колорита никакого, компановка банальная, лѣпка вялая, а главное—нѣтъ нерва!.. И это доводитъ меня до отчаянія!..

— Молчите Трубчинскій!.. Въ ваши годы стыдно такъ говорить У васъ несомнѣнное дарованіе, вамъ не нужно работать изъ-за куска хлѣба, кому же какъ не вамъ и давать вещи недюжинныя? Нельзя же раскисать и создавать себѣ какія-то не существующія несчастія... и распускать нюни изъ за пустяковъ. .

— Да, именно изъ-за пустяковъ,—точно обрадовавшись, подхватилъ Трубчинскій. Именно изъ за пустяковъ... Но этихъ пустяковъ тысячи... Видали вы соломенные стога, вышиною съ домъ? Невѣроятно, чтобы изъ соломинокъ можно было воздвигнуть такое сооруженіе!.. Вотъ и у меня также.. Сегодня женѣ нездоровится, я не отхожу отъ нея, читаю ей вслухъ, болтаю съ ней.. Завтра семейное торжество у тети Sophie—я ѣду съ женою, чтобы не огорчить ее, потомъ мы устраиваемъ у себя костюмированный балъ и цѣлыми днями заняты при-

готовленіями къ нему... Я рисую костюмъ женѣ, сочиняю костюмы всѣмъ кузинамъ, декорирую залу... Такъ уходитъ часъ за часомъ, день за днемъ и складываются высочайшіе стога, подъ которыми погребается мое дарованіе...

— Ну, вы меня простите: настоящій талантъ преодолѣваетъ и не такія препятствія: семейное торжество у тети Sophie! И вы такими глупостями оправдываете свое ничегонедѣланіе?

— Да поймите вы, тутъ не торжество семейное роль играетъ, а она... Мери.. Я не хочу, да и не могу — понимаете: не могу огорчать ее ни на секунду... Если я увижу ея грустные глаза — я готовъ отъ всего отказаться, отъ всего... Я ея рабъ, понимаете: рабъ! Она сгубила меня, какъ художника, она съѣла мой талантъ... И чѣмъ съѣла? Лаской, любовью, заботами, нѣжностью... Ну, какъ ее, нѣжную, любящую оттолкнуть? Ну, какъ обидѣть? И во что же обратился я? Во что? Въ какого-то законнаго Альфонса... И я презираю себя, и ненавижу ее за это презрѣніе къ себѣ...

Онъ зло засмѣялся и остановился. Остановился съ нимъ и Марковъ.

— Счастливецъ!—опять быстро и нервно заговорилъ Трубчинскій. — Да, счастливецъ! Цѣлые дни... какое дни? Цѣлые мѣсяцы проходятъ, что я не очнусь... Пишу нашу дѣвочку во всѣхъ видахъ: и амуромъ, и бэби, и одну, и съ мамашей. Всѣ кругомъ ахаютъ, бабушка-княгиня въ восторгѣ, дѣлаетъ мнѣ подарки: напитры какія-то глупыя съ инкрустаціей .. Мери засыпаетъ меня ласками и поцѣлуями... А какъ очнусь—не дай Богъ никому такой муки! Кругомъ съ мольбертовъ смотритъ на меня моя дѣвочка—плохія поддѣлки подъ Бугро... Ни искорки своей... Куда все это дѣвалось? Куда?

Марковъ не говорилъ ни слова. Онъ видѣлъ, что Трубчинскій въ такомъ состояніи, что ему надо дать высказаться «до дна».

— Вотъ мы всѣ не умѣемъ говорить,—опять началъ Трубчинскій.—И я знаю, что не съумѣю объяснить вамъ: я счастливъ и безумно мучаюсь, я обожаю жену и ненавижу ее... Мы цѣлыми часами говоримъ съ ней о коврахъ, о подушкахъ на диваны, о какихъ-то ненужныхъ и антихудожественныхъ фигуркахъ и я не замѣчаю этого... А потомъ вдругъ мнѣ сдѣлается невыносимо, что она, моя Мери, какъ очень

многія женщины, только и говоритъ, только и думаетъ, что о вещахъ... Понимаете?

— Еще бы!—сказалъ Марковъ и вспомнилъ фразу одного французскаго писателя: «Elle pense objets», и вдругъ ему стало искренно жаль Трубчинскаго.

— Понимаете? Я такъ и зналъ, что вы поймете... А поймете, значитъ и объясните—почему я не работаю.

Марковъ хотѣлъ сказать что то, но Трубчинскій перебилъ его и опять заговорилъ быстро и нервно:

— Образы расплываются, мысль не можетъ и не хочетъ сосредоточиться... Въ головѣ постоянно маленькія, но назойливыя заботы о женѣ, о дѣвочкѣ... Одни зубы нашей Бэби чего стоили! Мери плачетъ; чуть температура повыше—сейчасъ ко мнѣ въ мастерскую, летишь за докторомъ... Помните: «Намъ страшно за семью, намъ жаль дѣтей, жены... Предъ тѣмъ, что не грозитъ дрожать обречены, еще не потерявъ, уже плачемъ!..» Какъ это вѣрно, какъ глубоко! Вы думаете, я забылъ Фауста? Нѣтъ, помню и каждый день пытаюсь работать надъ нимъ. Пытаюсь!.. Помните, я рѣшилъ—подъ вашимъ же вліяніемъ—написать Мефистофеля,

когда онъ появляется въ видѣ схоластика, передъ Фаустомъ, съ лицомъ самого Фауста.. Т. е., чтобы это былъи онъ. и совсѣмъ не онъ.. Два начала въ одномъ человѣкѣ... И тогда это такъ ясно мнѣ представлялось... Теперь—ничего невыходитъ... То неуловимое и вмѣстѣ съ тѣмъ глубокое, что должно отличать Фауста отъ Мефистофеля, не дается мнѣ, ушло отъ меня... Не могу я схватить эту отвлеченную идею, не могу проникнуться ею... Мучаюсь, злюсь и ничего не выходитъ .. А выходитъ одинъ и тотъ же натуріцикъ въ двухъ разныхъ костюмахъ.. А костюмы Мери сама мнѣ заказывала! Прекрасные!..

Трубчинскій вдругъ остановился, взялъ Маркова за руку и вскрикнулъ молодо и страстно:

— Вотъ оно, вотъ:

«Къ высокому, прекрасному стремиться
Житейскія дѣла мѣшаютъ намъ,
И, если благъ земныхъ намъ удалось добиться,
То блага высшія относимъ мы къ мечтамъ.
Увы! Теряемъ мы средь жизненныхъ волненій
И чувства лучшія, и цвѣтъ своихъ стремленій:
Едва фантазія отважно свой полетъ
Къ высокому и вѣчному направитъ,
Она себѣ простора не найдетъ:
Ее умолкнуть суета заставитъ!»

— Вздоръ!—горячо перебилъ его Марковъ.— Вздоръ! Нельзя отдѣльными строками геніальнаго произведенія оправдывать свою тряпичность... Грѣшно! Что вамъ мѣшаетъ отказаться отъ этой «суеты», отъ вашихъ «благъ земныхъ»?

— Что? Любовь. Да, любовь... Иногда я рѣшаю бросить все, уйти опять въ бѣдность, въ одиночество и работать... Ничего мнѣ не надо, кромѣ возможности создать то, что я задумалъ, чѣмъ жилъ такъ много лѣтъ... Придетъ Мери, красивая, милая, веселая, звать меня купать нашу дѣвочку, и я бѣгу какъ мальчишка, какъ счастливецъ и все забываю передъ довѣрчивой улыбкой беззубаго ротика Бэби...

— Такъ и не жалуйтесь,—раздраженно сказалъ Марковъ,—если не желаете бороться.

— Я и не жалуюсь... Я сознаю, что я такое... И опять вспоминаю Гёте: «Во прахѣ я лежу, какъ жалкій червь, убитый пятою путника и смятый, и зарытый»... Я не могу бороться, понимаете—не могу! А главное, во мнѣ уже нѣтъ прежняго полета... Прежде я думалъ, что все могу, что удивлю весь міръ моими произведеніями, что все вздоръ въ сравненіи съ моими замыслами...

Онъ опять остановился. Глаза его лихорадочно блестѣли, блѣдное лицо нервно подергивалось. Онъ наклонился къ Маркову и опять быстро сталъ декламировать:

«Я съ духами себя безсмертными равнялъ,
Былъ гордости одной исполненъ безконечно,
Превыше ангеловъ я былъ въ своихъ мечтахъ,
Весь міръ хотѣлъ обнять я, полный упоенья,
Какъ Богъ хотѣлъ вкусить святого наслажденья—
И вотъ возмездіе за дерзкія стремленья!»

— Боже мой! Уже одиннадцать!—вдругъ какъ-то по-дѣтски прошепталъ Трубчинскій, услыхавъ бой часовъ съ думской каланчи. Боже мой! растерянно повторилъ онъ.—А я Меричкѣ къ десяти обѣщалъ дома быть... Прощайте, Иванъ Александровичъ, прощайте!

И онъ суетливо и робко побѣжалъ къ извозчику.

Марковъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ и бодро зашагалъ къ своему одинокому жилищу.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Мертвая зыбь	1
Лушка	246
Горе	270
Счастье	290

BINDING SECT. OCT 16 1951

PG
3467
L43M44
t.1

Letkova, Ekaterina Pavlovna
Mertvaia zyb'

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY